

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 15 • № 3 • 2023 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартенев В.И. — кандидат исторических наук, профессор Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор Малеванная Е.А.

Технический редактор Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 15 • No. 3 • SUMMER • 2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Professor at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor *Ekaterina A. Malevannaya*

Technical Editor *Bogdan A. Avdeev*

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономика международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 28.11.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,0.

Уч.-изд. л. . Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 11817. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2023

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

ДОКТРИНА МОНРО И ПАРАДОКСЫ КОЛОНИАЛИЗМА

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
И ст о м и н И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в.	11
Б у р а н о к С.О. Доктрина Монро: оценки республиканцев в период формирования Версальско-Вашингтонской системы	56
М а л к и н С.Г. Доктрина малых войн Корпуса морской пехоты США и колониальный опыт европейских держав	87
С е р г е е в Е.Ю. Британский вариант доктрины Монро versus «коммунистический милитаризм»: коллизии отношений СССР и Соединенного Королевства в странах Востока (середина 1920-х годов)	125
Х а х а л к и н а Е.В. От «Большой» к «Глобальной Британии»: новое и старое во внешнеполитических установках Соединенного Королевства	160
С е р г и е н к о - С о л е р В. Конец «старой» Франции. Рецензия на монографию А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки»	185

THE MONROE DOCTRINE AND THE PARADOXES OF COLONIALISM

CONTENTS

Editorial Note	7
I s t o m i n I.A. Justification for Interference? The Role of the Monroe Doctrine in the Stigmatization and Legitimation of Intervention in the US Foreign Policy in the 19th and Early 20th Centuries	11
B u r a n o k S.O. The Monroe Doctrine: Republicans' Perspective in the Formation Years of the Versailles-Washington System	56
M a l k i n S.G. The Small Wars Doctrine of the US Marine Corps and Colonial Experience of the European Powers	87
S e r g e e v E.Yu. British Edition of the Monroe Doctrine versus 'Communist Militarism': Collisions between the USSR and the UK in Eastern Countries in the mid-1920s	125
K h a k h a l k i n a E.V. From 'Greater' to 'Global Britain': The New and the Old in the Foreign Policy of the United Kingdom	160
S e r g i e n k o - S o l e r V. The End of the Old France. <i>Book Review of 'From Triumph to Disaster: Political and Military Defeat of France in 1940 and Its Origins' by A.A. Vershinin and N.N. Naumova</i>	185

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной тематический выпуск нашего журнала, приуроченный к 200-летней годовщине доктрины Монро. Послание Конгрессу 5-го президента США Джеймса Монро, вошедшее в историю под этим названием, стало, без преувеличения, одним из самых знаковых международно-политических документов. Значение доктрины Монро выходит далеко за рамки истории собственно США и даже международных отношений XIX в. Более того, оно парадоксальным образом оказалось едва ли не прямо противоположным изначальному пафосу документа. В этом отношении судьба доктрины Монро исключительно показательна с точки зрения понимания парадоксальной, но закономерной в своей парадоксальности логики развития международных отношений в целом. Будучи изначально направленной своим острием против интервенционистских поползновений европейских колониальных держав, со временем доктрина Монро сама превратилась в средство легитимации империалистических амбиций и территориальных захватов. Именно перипетиям этой непростой и неочевидной эволюции, а также рассмотрению практик трансфера опыта колониального управления между ведущими империалистическими державами и посвящен данный выпуск.

Открывает номер статья кандидата политических наук И.А. Истомина (МГИМО МИД России), выполненная за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00723 «Вызовы вмешательства во внутренние дела в контексте междержавной конкуренции». В исследовании ставятся под сомнение ряд традиционных представлений о сущности и роли доктрины Монро во внешней политике Соединенных Штатов. Для этого автор обращается к анализу практики ее использования американскими политиками в XIX — начале XX в. и приходит к выводу, что вопреки расхожим представлениям доктрина Монро не была ни содержательным ядром внешней политики США, ни сколько-нибудь строгим комплексом внешнеполитических программ и установок. Напротив, она предстает скорее как своеобразный дискурсивный образ, к которому эпизодически и очень непоследовательно обращались американские политики для

легитимации либо, напротив, стигматизации тех или иных действий на международной арене. Закономерным итогом таких апелляций к доктрине Монро были их ограниченные убедительность и, как следствие, эффективность.

Более полное впечатление о характере и глубине разногласий в американских правящих элитах по вопросу трактовки доктрины Монро позволяет получить статья доктора исторических наук С.О. Буранока (Самарский государственный социально-педагогический университет), выполненная за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны». В центре внимания автора находятся дискуссии, развернувшиеся в США между сторонниками президента-демократа В. Вильсона и его противниками-изоляционистами в период формирования Версальско-Вашингтонского порядка международных отношений. Показано, что если на начальном этапе дискуссий доктрина Монро использовалась республиканцами главным образом для критики взглядов В. Вильсона, то в дальнейшем они сами признали необходимость обновления ее содержания и расширения сферы ее действия, что было связано с обострением соперничества между США и Японией на Дальнем Востоке.

Несмотря на все эти споры и разногласия по вопросам теоретического осмысления доктрины Монро, в то же самое время между ведущими колониальными державами шел активный обмен практическим опытом организации империалистических интервенций, поддержания порядка на захваченных территориях и проведения контрповстанческих операций. Особенности рецепции колониального опыта европейских держав военными теоретиками США, в частности представителями Корпуса морской пехоты, подробно рассмотрены в статье доктора исторических наук С.Г. Малкина (Самарский государственный социально-педагогический университет), выполненной за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны». Автор отмечает синхронность и идентичность общей логики развития военной мысли в ведущих колониальных державах межвоенного периода по вопросам поддержания внутренней безопасности на зависимых территориях. Как представляется, сейчас данное исследование приобретает особую актуальность, поскольку ввиду нового обострения

межгосударственного соперничества в различных регионах мира, наблюдаемого в последние годы, можно ожидать и возвращения на историческую сцену практик малых войн и колониализма эпохи «высокого империализма».

Описанный обмен опытом колониального управления, в том числе в контексте осмысления феномена доктрины Монро, носил отнюдь не однонаправленный характер. Как показано в исследовании доктора исторических наук Е.Ю. Сергеева (Институт всеобщей истории РАН; РГГУ), также подготовленном за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны», именно доктрина Монро во многом послужила источником вдохновения для британских элит, пытавшихся найти способ парировать новую угрозу своим колониальным владениям, которая исходила, по их мнению, от Советского Союза. Речь шла о попытках большевиков опереться на национально-освободительное движение в целях его революционизирования и использования для подрыва «колониального тыла» империалистических держав, которые британские политики окрестили термином «коммунистический милитаризм». Именно с точки зрения столкновения британской версии доктрины Монро и концепции «коммунистического милитаризма» в статье подробно анализируются перипетии противостояния Великобритании и Советского Союза в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в середине 1920-х годов.

Наконец, обращение к опыту колониализма XIX–XX вв. характерно не только для взаимодействия между империями прошлого — зачастую и современные государства ищут в нем вдохновения при решении насущных международно-политических проблем. Яркой иллюстрацией этого тезиса может служить пример Соединенного Королевства. После выхода из Европейского союза оно было вынуждено существенно пересмотреть свои подходы к выстраиванию отношений с внешним миром. В статье доктора исторических наук Е.В. Хахалкиной (Томский государственный университет), выполненной в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-00187 ««Неопределенность» как норма жизни: идентичность ЕС в условиях глобальных трансформаций», проводится сравнение этих усилий, воплотившихся в концепции «Глобальной Британии», с идейными поисками представителей британских элит на рубеже XIX–XX вв., в частности со сформулированным тогда образом «Большой Бри-

тании». Автор приходит к выводу, что, несмотря на ряд общих черт, начиная от схожих целей и заканчивая подчеркнутым вниманием к миграционной проблематике, эти концепты достаточно сильно различаются, причем разница не в пользу «Глобальной Британии». Как таковая данная концепция, по мнению автора, скорее является свидетельством дефицита инновационных идей и решений у современных британских элит, нежели полноценной основой для разработки качественно новой внешней политики страны.

Идея о важности уроков истории, выученных и невыученных, развивается и в рецензии В. Сергиенко-Солер на книгу А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки». Рецензент высоко оценивает стремление авторов критически пересмотреть устоявшиеся в отечественной и зарубежной историографии стереотипы, связанные с объяснением причин поражения Франции в годы Второй мировой войны. Именно такой подход — основанный на широком круге первичных источников, внимании к деталям, стремлении к научной объективности — является ключом к познанию исторических процессов в целом и проблем колониализма и империализма в частности.

Хочется надеяться, что статьи, собранные в данном выпуске, вполне отвечают этому идеалу.

Приятного чтения!

И.А. Истомин*

**ОПРАВДАНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА?
РОЛЬ «ДОКТРИНЫ МОНРО»
В ЛЕГИТИМАЦИИ И СТИГМАТИЗАЦИИ
ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА
В ПОЛИТИКЕ США В XIX — НАЧАЛЕ XX В.****

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Вопрос о том, какие риторические ресурсы государства используют для легитимации интервенций в глазах иностранных контрагентов, остается недостаточно исследованным в отечественной литературе, несмотря на рост научного интереса к проблеме вмешательства во внутренние дела. Богатую эмпирическую основу для осмысления практик легитимации и стигматизации интервенций предоставляет опыт применения «доктрины Монро» — знакового идейного конструкта в истории международных отношений и внешней политики США. Настоящая статья концентрируется на выявлении роли «доктрины Монро» в качестве ресурса осуждения вмешательств европейских держав во внутренние дела стран Латинской

* Истомин Игорь Александрович — кандидат политических наук, и.о. заведующего кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00723 «Вызовы вмешательства во внутренние дела в контексте междержавной конкуренции» (<https://rscf.ru/project/22-18-00723/>). Отдельные разделы исследования были апробированы на Ясинском международной научной конференции НИУ ВШЭ и круглом столе «Империализм и великодержавное соперничество», организованном факультетом мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор выражает признательность за ценные советы И.В. Болговой, Г. Иванову, Д.П. Жабиной, А.А. Исэрову, Д. Корчемной, Н.С. Липунову, Е.А. Масловой, А.Д. Несмашному, К.Е. Петрову, М.А. Сучкову, Й. Фергюссону, М.В. Харкевичу, О.И. Шакирову, А. Ливии Эстевес.

Америки и обоснования американских действий в регионе. Автор обрисовывает комплекс проблем, связанных с приданием внутренней и внешней легитимности действиям государства на международной арене. Показано, что апелляция к национальным интересам, подходящая для решения задач внутривнутриполитической легитимации, оказывается неэффективной в деле оправдания интервенций в глазах международной общественности и уступает место отсылкам к устоявшимся традициям и историческим нарративам. В статье последовательно рассмотрены обстоятельства появления президентского послания 1823 г. и последующая практика апеллирования к нему со стороны представителей внешнеполитического истеблишмента США как для продвижения идеи о недопустимости европейского вмешательства в дела стран Западного полушария, так и, впоследствии, для обоснования американского интервенционизма. Отдельное внимание уделено так называемому дополнению Рузвельта, поскольку оно позволяет лучше понять особенности восприятия положений «доктрины Монро» правящими кругами США, отделив их от искажений и стереотипов, сформировавшихся в ходе публичной полемики вокруг нее и перекочевавших оттуда на страницы многих академических исследований. Автор заключает, что, несмотря на приписываемый «доктрине Монро» статус краеугольной опоры внешней политики США, на деле она играла ограниченную роль как в дипломатическом оправдании, так и в стигматизации интервенций. В этом отношении ее правильнее рассматривать скорее как риторический ресурс, а не как некий строгий руководящий принцип. В целом опыт применения «доктрины Монро» указывает на ситуативную обусловленность практик легитимации вмешательств, объясняя их ограниченную убедительность, что представляется во многом неизбежным с учетом конститутивного значения института суверенитета для поддержания международного общества.

Ключевые слова: «доктрина Монро», внешняя политика США, вооруженная интервенция, вмешательство, интервенционизм, легитимность, государственный суверенитет, Латинская Америка, империализм, неокOLONиализм, дополнение Рузвельта

Для цитирования: Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55.

Igor A. Istomin

**JUSTIFICATION FOR INTERFERENCE?
THE ROLE OF THE MONROE DOCTRINE
IN THE STIGMATIZATION
AND LEGITIMATION OF INTERVENTION
IN THE US FOREIGN POLICY IN THE 19th
AND EARLY 20th CENTURIES**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

Despite the growing academic attention to the problem of interference in internal affairs, rhetorical techniques the state uses to legitimize interventions in the eyes of foreign counterparties, remain somewhat understudied in the Russian IR studies. In this regard, the case of the Monroe Doctrine, a landmark ideological construct in the history of international relations and US foreign policy, provides a unique framework for an in-depth study of the practices of legitimization and stigmatization of interventions. The paper examines the role of the doctrine in denouncing the interference of European powers in the domestic affairs of Latin American countries and justifying US actions in the region. The author outlines a set of issues related to legitimizing, both externally and internally, the actions of the state in the international arena. It is shown that the appeal to national interests suitable for solving the problems of domestic political legitimization, turns out to be ineffective in justifying interventions in the eyes of the international community and therefore gives way to references to established traditions and historical narratives. The paper examines the historical background of the 1823 presidential address and the ways how the US foreign policy establishment appealed to it later on, both to promote the idea of the inadmissibility of European interference in the affairs of the countries of the Western Hemisphere, and, subsequently, to justify American interventionism. Special attention is paid to the so-called Roosevelt Corollary, since it allows one to better understand the specifics of the US leaders' perception of the Monroe Doctrine and to separate them from the distortions and stereotypes formed during the ensuing public debates and uncritically replicated in many academic studies. The author concludes that, though the Monroe Doctrine is regarded as a cornerstone of US foreign policy, in fact it played a limited role in both diplomatic justification and stigmatization of interventions. In this regard, it is more appropriate to consider it as a rhetorical asset rather than a strict guiding principle. In general, the case of the Monroe Doctrine reveals the situational conditionality of the practices legitimizing interventions, resulting in their limited persuasiveness. The latter

seems to be almost inevitable given the constitutive importance of the institution of sovereignty for the maintenance of international society.

Keywords: Monroe Doctrine, US foreign policy, armed intervention, interference, interventionism, legitimacy, state sovereignty, Latin America, imperialism, neocolonialism, Roosevelt corollary

About the author: Igor A. Istomin — PhD (Political Science), Acting Chair, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 22-18-00723 (<https://rscf.ru/project/22-18-00723/>). Certain parts of the research were discussed at the Yasin International Scientific Conference at the Higher School of Economics and Round Table 'Imperialism and Great Power Rivalry' organized by the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. Author expresses his gratitude to I. Bolgova, A. Livia Esteves, I. Ferguson, A. Iserov, G. Ivanov, M. Kharkevich, D. Korchemnaya, N. Lipunov, E. Maslova, A. Nesmashnyj, K. Petrov, O. Shakirov, M. Suchkov and D. Zhabina for their valuable comments on the preliminary drafts of the manuscript.

For citation: Istomin I.A. 2023. Justification for interference? The role of the Monroe Doctrine in the stigmatization and legitimization of intervention in the US foreign policy in the 19th and early 20th centuries. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55. (In Russ.)

Каким образом государства легитимируют вмешательство во внутренние дела других стран или обосновывают его недопустимость? На какие риторические ресурсы они опираются для подкрепления своих действий в глазах иностранных контрагентов? Эти вопросы редко попадают в поле внимания отечественных специалистов, несмотря на рост интереса к проблематике вмешательства во внутренние дела [Бартенев, 2018; Карпович, Манойло, 2015; Истомин, 2023]. В зарубежной литературе они занимают значимое место, позволяя позиционировать интервенции как специфический тип социальных практик в международном обществе [Weber, 1995; Finnemore, 2004].

Богатую основу для осмысления легитимации и стигматизации интервенций предоставляет опыт применения «доктрины Монро» — знакового идейного конструкта в истории международных отношений и внешней политики США¹. Его ценность определяется рядом обстоятельств. Во-первых, с конца XIX в. Вашингтон выступал наиболее частым инициатором вмешательств, задавая образец интервенционизма [Kavanagh et al., 2019; Kushi, Toft, 2023]. Во-вторых, доктрина вскрывала противоречивый статус суверенитета в международном обществе, делегитимируя одни вмешательства и давая обоснование другим. В-третьих, интерес к изучению «доктрины Монро» повышает приписываемое ей место в американской внешнеполитической идеологии. Она дает редкий пример выступления 200-летней давности, которое остается предметом регулярных отсылок при обсуждении актуальной международно-политической повестки [Троянский, Карпович, 2020; Пиреш, Насименту, 2020; Мартынов, 2022]. В фундаментальном обзоре эволюции международной деятельности Соединенных Штатов указано, что доктрина «вплоть до наших дней является неотъемлемым атрибутом внешней политики США» [Печатнов, Маныкин, 2012: 64].

Неудивительно, что интеллектуальные истоки и историческое значение «доктрины Монро» на протяжении длительного времени оставались предметом не только общественно-политических дебатов, но и академического изучения. Уже составленный в 1919 г. библиографический перечень включал более 900 публикаций, содержавших отсылки к ней [List of references on the Monroe Doctrine, 1919]. Он свидетельствовал, что наряду с политизированными памфлетами с XIX в. появлялись серьезные изыскания правовых оснований доктрины, давались научно обоснованные оценки области ее применимости.

Показательный пример — работы Джона Бассета Мура 1890-х годов. В них, в частности, автор поднимал вопрос о соотношении

¹Как будет показано далее, содержание и политико-правовое положение рассматриваемого феномена характеризовались изменчивостью и существенной амбивалентностью. В связи с тем, что «доктрина Монро» представляет скорее метафорическую мифологему, чем строго определенную и четко зафиксированную догму, здесь и далее это выражение будет употребляться в кавычках, за исключением случаев цитирования.

оборонительных мотивов предупреждения угроз со стороны европейских держав и наступательных амбиций установления США регионального доминирования при формулировании «доктрины Монро» [Moore, 1895, 1896]. Впоследствии этот сюжет оставался одним из стержневых в исследовательских дискуссиях. Сам Дж. Мур придерживался осторожных оценок, не находя в доктрине оснований для противодействия связям европейских держав с Латинской Америкой.

Важнейший вклад в осмысление «доктрины Монро» внес Декстер Перкинс. В первой половине XX в. он представил подробное систематическое обобщение как обстоятельств выработки президентского послания Джеймса Монро 1823 г., так и его последующих интерпретаций, которое выдержало множество переизданий [Perkins, 1963]. Д. Перкинс одним из первых указал на многозначность доктрины и многообразие ее трактовок. Такое признание позволяло сгладить остроту дискуссий о ее истинном смысле: «доктрина Монро» оказывалась формой, способной вмещать разнобразное содержание².

При этом если Д. Перкинс в описании истоков доктрины акцентировал российско-американские противоречия относительно ситуации на тихоокеанском побережье Северной Америки и страхи перед интервенцией консервативных монархий, то другие специалисты склонны были позиционировать послание 1823 г. в первую очередь как антибританский демарш [Tatum, 1936]. Ревизию обстоятельств появления документа предпринял Эрнст Мэй, поместивший его в контекст внутривойсковой борьбы в США накануне выборов 1824 г. [May, 1975]³. В начале XXI в. уточнению понимания «доктрины Монро» способствовали работы Марка Гильдерхуза, Марко Мариано, Джея Секстона [Gilderhus, 2006; Sexton, 2011; Mariano, 2013, 2015].

² Такая содержательная релятивизация «доктрины Монро» нашла наиболее последовательное отражение в книге Гретхен Мерфи, построенной на сопоставлении внешнеполитического дискурса с образами, формировавшимися в американской художественной литературе XIX в. [Murphy, 2005].

³ Ключевым оппонентом Э. Мэя выступил Гарри Аммон, отстаивавший примат внешнеполитических соображений при принятии решений администрацией Дж. Монро [Ammon, 1981].

Отдельный пласт литературы был посвящен переосмыслению «доктрины Монро» на рубеже XIX–XX вв.⁴ Уолтер Лафибер определил этот процесс как «имперское перерождение» [LaFeber, 1986]. Специальные исследования фокусировались на вкладе в него выдающихся государственных деятелей США того периода (Ричарда Олни, Теодора Рузвельта, Элиу Рута, Генри Кэбота Лоджа) [Bailey, 1933; Veenser, 2003; Maass, 2009; Thompson, 2015; Rossi, 2019]. Их усилия обеспечили приспособление «доктрины Монро» к нуждам американского империализма 1890–1920-х годов.

Наряду с исследователями из Соединенных Штатов изучению доктрины закономерно уделяли большое внимание латиноамериканские специалисты. Их публикации получили ограниченное освещение за пределами испаноязычного и португальязычного сообществ ввиду языкового барьера. Между тем эти работы углубили понимание особенностей восприятия «доктрины Монро» в странах Западного полушария в разные исторические эпохи. Оно характеризовалось существенной изменчивостью и не всегда оказывалось жестко негативным, как принято считать [Correa, 2014; Gonzalez, 2005; Guzmán, 1982; Sánchez Padilla, 2016; Teixeira, 2014].

В отечественной науке наиболее крупным исследованием «доктрины Монро» остается труд Н.Н. Болховитинова, опубликованный в 1959 г. [Болховитинов, 1959]. От зарубежных работ его отличает следование марксистской методологии, обосновывавшей выработку послания 1823 г. структурой классовых отношений. Кроме того, анализ документа включался в исследования более широких исторических процессов. Так, М.О. Трояновская связывала с его появлением завершение этапа становления внешней политики США, определявшегося поиском дипломатической идентичности [Трояновская, 2010].

В свою очередь А.А. Исэров продемонстрировал амбивалентность восприятия Соединенными Штатами новообразованных государств Латинской Америки, что предопределило одностороннее объявление «доктрины Монро», а также сдержанность в ее применении в последующие десятилетия [Исэров, 2011]. Другие отечественные публикации по «доктрине Монро» на протяжении

⁴ См. обобщающую монографию по этому периоду: [Brune, 2020].

2010-х годов преимущественно воспроизводили ранее сделанные оценки в отсутствие новых источников или оригинальных исследовательских подходов [Трояновская, 2014; Шихов, 2017; Михалев, Звощик, 2018].

Настоящая статья не претендует на представление очередного обобщающего обзора эволюции «доктрины Монро», в котором охватывался бы весь спектр ее реинтерпретаций⁵. Автор концентрируется на выявлении роли этого идейного конструкта в качестве ресурса стигматизации вмешательств других держав во внутренние дела стран Латинской Америки и обоснования американских интервенций. В этой связи в поле анализа оказывается дискурс представителей исполнительной власти США в контексте вооруженных интервенций в Западном полушарии с момента выдвижения доктрины до 1930-х годов.

В ходе исследования рассматривались случаи открытого вмешательства во внутренние дела в странах Латинской Америки со стороны европейских держав и самих Соединенных Штатов. После этого анализировались официальные заявления и дипломатическая переписка американского руководства в выявленных ситуациях с опорой на архивные документы и научные публикации. В них фиксировались отсылки к «доктрине Монро», а также отсутствие таковых. Подобные умолчания — знаковый маркер с учетом риторического потенциала рассматриваемого концепта в рамках анализируемого дискурса.

Исследование сосредоточено на применении «доктрины Монро» в качестве риторического ресурса США во взаимодействии с европейскими державами. Ее роль во внутривластной легитимации внешнеполитического курса находилась за рамками изучения. Вместе с тем в анализ включались отдельные обращения президентов к Конгрессу (в том числе первоначальное послание Дж. Монро), которые использовались для трансляции сигналов в том числе зарубежным аудиториям.

⁵ В частности, за рамками рассмотрения остается обращение к «доктрине Монро» президента Джеймса Полка в контексте споров с Великобританией по поводу Орегона или «следствие Лоджа», направленное против приобретения территорий в Западном полушарии зарубежными компаниями.

Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена переходом США в период правления Франклина Делано Рузвельта к политике «доброго соседа», не допускавшей открытого вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Статья не затрагивает острую полемику относительно применимости «доктрины Монро» к последующей политике Вашингтона во второй половине XX — начале XXI в. [Smith, 1994]. Рассматриваемый период дает достаточный материал для осмысления практик легитимации вмешательства.

Проведенный анализ показывает: несмотря на статус «доктрины Монро» как краеугольной опоры внешней политики США, она играла ограниченную роль как в дипломатическом оправдании, так и в стигматизации случаев вмешательства. Позиция Вашингтона отличалась непоследовательностью и в отношении к интервенциям других держав, и в обосновании собственных действий. Такое поведение указывает на ситуативную обусловленность практик легитимации вмешательств, объясняя их низкую убедительность. Выявленные закономерности проявляются и в случаях интервенционизма начала XXI в., что свидетельствует о релевантности полученных выводов.

Анализ начинается с обсуждения роли легитимности в международной политике. Затем рассматривается соотношение принципов невмешательства и вмешательства во взаимодействия государств. После этого анализируются обстоятельства появления президентского послания 1823 г. Оцениваются действия США по отстаиванию недопустимости европейского вмешательства во внутренние дела стран Западного полушария. Далее рассматривается становление американского интервенционизма. Прослеживаются отсылки к «доктрине Монро» в контексте интервенций США на стыке XIX–XX вв. В заключении обобщаются теоретические следствия проведенного анализа.

Практики легитимации в международном обществе

Концепт «легитимности» занимает одно из центральных мест в политических исследованиях. В качестве научной категории его выдвинул Макс Вебер, который понимал под легитимностью признание со стороны значимых референтных групп права субъекта на

осуществление властного воздействия [Вебер, 1990: 637]⁶. Легитимная власть противопоставляется контролю, обеспеченному насильственным принуждением. Она предполагает опору на интересубъективные представления, а не только на материальные возможности.

Ценность легитимности обусловлена тем, что можно экономить ресурсы на преодоление внешнего сопротивления собственным действиям [Lake, 2011]. Социальное признание побуждает к добровольному подчинению воле субъекта, отказу от оспаривания его политики. Кроме того, оно выступает источником психологического вознаграждения для обладателя легитимности. В этом отношении признание легитимного характера действий служит удовлетворению статусных амбиций их инициатора⁷.

Обретение легитимности обусловлено соответствием поведения субъекта нормативным ожиданиям референтных групп [Beetham, 1991: 67–99]. Следовательно, для обретения признания он вынужден обращаться к практикам легитимации, под которыми понимаются дискурсивные стратегии, направленные на обоснование проводимой политики [Колмогорова, 2018]. Стратегические акции, преследующие практические цели, требуют их сопровождения коммуникативными действиями, нацеленными на убеждение референтных групп в приемлемости, уместности, необходимости предпринимаемых действий [Risse, 2000].

В политологии проблема легитимности в первую очередь связывается с признанием полномочий верховной власти со стороны управляемых. Поскольку межгосударственные отношения протекают в условиях анархии, длительное время исследователи-международники не уделяли большого внимания рассматриваемому понятию⁸. Однако по мере осознания социального характера взаимодействий государств такое игнорирование породило критику, за которой последовал рост обращений к концепту легитимности

⁶ Стоит оговориться, что право в данном случае не равнозначно юридическому правилу, и, как следствие, легитимность не тождественна легальности.

⁷ Высокая значимость последних в межгосударственных взаимодействиях была продемонстрирована, например, в работах: [Status in world politics, 2014; Renshon, 2017; Larson, Shevchenko, 2019].

⁸ Тем не менее оно играло большую роль в построениях, отстаивающих значимость иерархических структур в международной политике [см.: Lake, 2011; Kissinger, 2015].

в международных исследованиях [Williams, 1996; Hurd, 1999; Clark, 2005].

При этом правительства сталкиваются с необходимостью оправдания политики перед множеством аудиторий, а значит, и с различными, порой конкурирующими требованиями легитимации⁹. С одной стороны, они заинтересованы в обеспечении признания проводимого курса собственным населением, для чего необходимо доказывать, что тот в первую очередь обусловлен заботой о его благе. В этой связи проверенным средством внутривнутриполитической легитимации внешней политики является апелляция к национальным интересам¹⁰. С другой стороны, государства вынуждены обосновывать свои действия в глазах зарубежных аудиторий, среди которых привилегированное положение принадлежит иностранным правительствам. Дальнейший анализ фокусируется именно на этих практиках легитимации, когда субъект действия признается в качестве равного. Именно здесь особенно ярко проявляется социальный характер взаимодействий в рамках международного общества, понимаемого как продукт социализации государств [Bull, 1977; Wendt, 1999].

Между тем в данном случае ссылка на национальные интересы не является столь же убедительным источником легитимации, как внутри страны. В отсутствие других обоснований проводимой политики она воспринимается как отражение асоциальной корысти, противоречащей критериям приемлемости. Государственный эгоизм дает слабую нормативную основу признания в международном обществе. Как следствие, успешная легитимация в глазах внутривнутриполитической аудитории может иметь дискредитирующие последствия для восприятия действий государства среди зарубежных контрагентов. Правительства сталкиваются с дилеммой обеспечения внутренней и внешней легитимности.

⁹ На трудности совмещения требований, предъявляемых к внешней политике на международном и внутреннем уровнях, указывал Роберт Патнэм [Putnam, 1988].

¹⁰ Концепт «национального интереса» помогает правительству убедить общественность, что даже если отдельный гражданин не чувствует непосредственной выгоды для себя, то сообщество, к которому он принадлежит, выигрывает от проводимой политики.

Одновременно государства взаимодействуют в условиях дефицита кодифицированных правил в международных отношениях, а главное — авторитетных органов их интерпретации, что затрудняет прояснение нормативных ожиданий участников взаимодействия. Как следствие, в практиках легитимации правительства апеллируют к обоснованиям, не связанным с юридической квалификацией их действий, в том числе к аналогиям из других областей, историческим прецедентам и, особенно, устоявшимся обычаям. Именно отсылка к устоявшейся традиции выступает в конечном счете ключевым аргументом в обосновании легитимности. Она предполагает представление текущей политики как воспроизводства предшествующих практик [Роскок, 1968: 212]. Авторитет прошлого используется для обоснования действий в настоящем. При этом нередко такие нарративы опираются на избирательные, искаженные или даже полностью выдуманные представления об историческом опыте [Jeffery, 2005]. Тем не менее демонстрация последовательности в практиках легитимации выступает значимым ресурсом убедительности. От государства стоит ожидать повторения одних и тех же риторических приемов для обеспечения признания проводимой политики.

Поддержание последовательности осложняется динамическим характером изменений во внешней среде и внутри государств, а также спецификой конкретных ситуаций. Правительства вынуждены не только балансировать различные требования легитимации своих действий в глазах множественных аудиторий, но и увязывать обеспечение признания с достижением практических результатов¹¹. Таким образом, в международных отношениях обретение легитимности нередко оказывается даже более сложной задачей, чем во внутренней политике, несмотря на менее жесткие регламентирующие рамки.

Нормативный статус интервенций в международном обществе

Нормативные оценки иностранных интервенций сильно менялись на протяжении истории. Их ревизия определялась взаимной адаптацией практических действий государств и международно-

¹¹ В этой связи к процессам легитимации широко применим вывод конструктивистов 2000–2010-х годов о непрекращающемся оспаривании социальных конструкторов [см.: Wiener, 2014; Niemann, Schillinger, 2017].

правового дискурса по поводу вмешательства. При этом институт суверенитета — одна из конституирующих основ международного общества [Buzan, 2004: 184–187]. Он закрепляет положение государств как системообразующих элементов формируемого порядка. Соответственно в нормативном оспаривании лидирующую роль играет осуждение интервенционизма, которое, тем не менее, наталкивается на контраргументацию.

Становление принципа невмешательства в качестве политико-правовой категории относится к периоду раннего Нового времени. Прецедентным стал Аугсбургский мир 1555 г., утвердивший формулу «*cuius regio, ejus religio*»¹². Позднее максима о недопустимости вмешательства во внутренние дела получила закрепление в трактатах авторитетных правоведов Самуэля фон Пуфендорфа, Христиана фон Вольфа, Эмера де Ваттеля [Vincent, 2015: 27–31]. К началу XX в. специалисты говорили о ней как о признанной норме международного права, хотя и допуская ряд исключений [Мартенс, 2008: 144].

В 1933 г. на Конференции американских государств в Монтевидео было установлено, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние и внешние дела другого»¹³. Устав ООН не содержал положения, прямо запрещающего иностранное вмешательство, но утверждал суверенное равенство государств, не согласующееся с навязыванием воли извне. Весомый вклад в юридическую стигматизацию интервенций внесла Декларация о принципах международного права, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. консенсусом¹⁴.

¹² «Чья власть, того и вера».

¹³ Convention on the Rights and Duties of States, adopted by the Seventh International Conference of American States. Signed at Montevideo, December 26, 1933 // United Nations Treaty Collection. P. 25. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (accessed: 25.09.2023).

¹⁴ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 25.09.2023). ГА ООН приняла также ряд специальных резолюций о недопустимости вмешательства, но голосование по ним не было единогласным, что породило дискуссии об их нормативном статусе.

Несмотря на всё перечисленное, между 1555 и 2000 гг. насчитывалось 198 случаев внешнего вооруженного вмешательства в целях смены руководства стран. При этом тенденции к снижению частоты интервенций в рассматриваемый период не просматривалось [Owen, 2002]. Распространенность случаев вмешательства во внутренние дела побудила Стивена Краснера охарактеризовать государственный суверенитет как организованное лицемерие: правительства декларировали его нерушимость, но на деле регулярно нарушали [Krasner, 1999].

Между тем инициаторы интервенций редко шли на прямое игнорирование принципа невмешательства. Они демонстрировали неготовность к циничному признанию национального эгоизма¹⁵ и вместо этого вели поиск политико-риторических ресурсов обоснования своей политики для обеспечения признания предпринимаемых действий как легитимных. В этой связи государства противопоставляли запрету на вмешательства иные нормативные конструкты, которым стремились придать превалирующую прескриптивную силу. Основания такой легитимации в различные исторические периоды различались.

В частности, после 1815 г. консервативные монархии оправдывали подавление революционных выступлений в европейских государствах рисками для международного порядка. В годы холодной войны США обосновывали вмешательство борьбой с коммунизмом, а советские руководители ссылались на необходимость защиты завоеваний социализма для оправдания ввода советских войск в страны Восточной Европы. В 1990–2000-е годы западные правительства утверждали, что их интервенции преследовали гуманитарные цели, содействуя защите прав человека.

Таким образом, на протяжении истории сохранялась напряженность между требованиями невмешательства и легитимацией интервенций. Элементом дискурсивных столкновений выступало оспаривание того, какие политические объединения достойны статуса суверенных и какие действия конституируют недопустимое вмешательство во внутренние дела [Weber, 1995; Damrosch, 1989;

¹⁵ Показателен тезис представителей классического политического реализма об искренности государств в их отождествлении национальных интересов и универсальной морали [см.: Carr, 1946: 96].

Aloupi, 2015]. При этом ревизия нормативных подходов не носила направленный характер — нет оснований утверждать, что по мере становления международного общества стигматизация вмешательства усилилась, а аргументация в пользу интервенционизма ослабла.

Более того, пример переосмысления «доктрины Монро» показывает прямо противоположную динамику: идейный конструкт, сформулированный первоначально для осуждения интервенционизма, со временем превратился в ресурс оправдания вмешательства. Вместе с тем последующий анализ продемонстрирует, что США, выступившие автором доктрины, во многих случаях не выказывали рвения в ее приложении. Их пример демонстрирует трудности поддержания последовательности в практиках легитимации и стигматизации.

При этом конститутивное положение института суверенитета в поддержании международного общества приводит к тому, что оправдание вмешательства требует больших затрат риторических ресурсов, чем их осуждение. Ввиду этой асимметрии непоследовательность в легитимации интервенций чревата большими проблемами с точки зрения обеспечения признания, чем непоследовательность в их стигматизации. Она грозит интенсивным оспариванием и противодействием проводимой политике со стороны зарубежных аудиторий.

Изменение сложившегося соотношения возможно лишь в случае беспрецедентного укрепления транснациональных связей при одновременном ослаблении социальности в межгосударственных взаимодействиях. Революционистские подходы к международным отношениям нередко указывают на предвозвестников такого изменения. Тем не менее его осуществление в обозримой перспективе не просматривается. В этой связи предшествующий опыт попыток легитимации и стигматизации вмешательства остается релевантен для современной политики.

«Доктрина Монро» в оспаривании европейского интервенционизма

2 декабря 1823 г. президент США Джеймс Монро, следуя конституционной традиции, направил в Конгресс ежегодное послание. Наряду с положениями, характеризовавшими ситуацию в стране и мире, оно содержало ряд прескриптивных утверждений, в том

числе следующее: «Американские континенты ввиду свободного и независимого состояния, которое они приняли и поддерживают, впредь не должны рассматриваться как предмет будущей колонизации какими-либо европейскими державами»¹⁶.

Дж. Монро также утверждал, что «союзные державы не способны распространить свою политическую систему на любую часть одного из двух континентов [Северная и Южная Америка], не поставив под угрозу наш мир и счастье; и также никто не поверит, что наши южные собратья, если их предоставить самим себе, примут ее по собственной воле. В этой связи невозможно, чтобы мы равнодушно отнеслись к такому навязыванию в какой бы то ни было форме»¹⁷.

Эти пассажи приобрели ореол программных заявлений, заложив основу «доктрины Монро». Они постулировали два ключевых положения, которые претендовали на нормативный статус: недопустимость расширения территориального контроля европейских держав в Западном полушарии и недопустимость их вмешательства в политику стран региона. Впоследствии эти положения стали обрастать дополнительными следствиями. Среди них, например, недопустимость передачи территорий в Западном полушарии от одного государства другому (в том числе латиноамериканскому)¹⁸.

При этом изначально послание 1823 г. представляло собой ситуативную реакцию на текущие вызовы, стоявшие перед внешней политикой США. Во-первых, Вашингтон опасался расширения русских владений на тихоокеанском побережье Северной Америки. Во-вторых, хождение имели спекуляции относительно возможной интервенции Священного союза (его подразумевал Дж. Монро, говоря о «союзных державах») для восстановления власти Испании над недавно утерянными колониями в Западном полушарии.

В свете этих слухов летом 1823 г. премьер-министр Великобритании Джордж Каннинг передал американскому посланнику в Лондоне Ричарду Рашу предложение выступить с совместным осуждением

¹⁶ December 2, 1823: Seventh Annual Message (Monroe Doctrine) // Miller Center. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1823-seventh-annual-message-monroe-doctrine> (accessed: 25.09.2023).

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Джон Логан отмечал, что принцип 'no transfer' предшествовал посланию 1823 г. и оставался наиболее последовательно осуществляемым положением американской внешнеполитической доктрины [Logan, 1961].

возможного вторжения¹⁹. Государственный секретарь США Джон Куинси Адамс скептически отнесся к перспективе такого демарша. Ему удалось убедить президента сделать одностороннее заявление о неприятии европейского вмешательства в дела недавно образованных латиноамериканских государств²⁰.

Подход Дж. Адамса и сформулированные на его основе положения послания Дж. Монро опирались на ранее оформившуюся в американской внешнеполитической мысли концепцию «двух систем», которая предполагала дистанцирование Западного полушария от Европы [Whitaker, 1954]. Ее интеллектуальные истоки прослеживались в одиннадцатой статье сборника «Записки федералиста», написанной Александром Гамильтоном в 1787 г. Рассуждения о роли правительства в развитии коммерции и мореплавания он заключил призывом к созданию «системы американских отношений»²¹.

Схожие идеи присутствовали и в прощальном послании Джорджа Вашингтона 1796 г., утверждавшего, что европейские державы руководствуются интересами, которые не имеют отношения к США. В этой связи он призывал не вступать с ними в альянсы²². Томас Джефферсон, длительное время отстаивавший союз с Францией, в 1813 г., тем не менее, писал, что «Америка имеет для себя полушарие. Она должна иметь свою отдельную систему интересов, которые не должны быть подчинены интересам Европы»²³.

¹⁹ См., в частности: Letter from George Canning to Richard Rush // Theodore Roosevelt Center. Available at: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/Research/Digital-Library/Record/ImageViewer?libID=o25465&imageNo=1> (accessed: 25.09.2023).

²⁰ Послание Монро стало частью подхода, который Дж. Адамс характеризовал как «комбинированную систему политики» (*combined system of policy*). Она включала также ответ на предложение Дж. Каннинга по дипломатическим каналам и серию обсуждений с российским посланником Ф.В. Тейлем. Относительно торгова внутри американской администрации по инициативе Дж. Каннинга см.: [May, 1975].

²¹ The Federalist Papers: No. 11. The Utility of the Union in Respect to Commercial Relations and a Navy. For the Independent Journal // The Avalon project: Documents in law, history and diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed11.asp (accessed: 25.09.2023).

²² Washington's Farewell Address 1796 // The Avalon project: Documents in law, history and diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp (accessed: 25.09.2023).

²³ Thomas Jefferson to Alexander von Humboldt, 6 December 1813 // National Archives. Available at: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-07-02-0011> (accessed: 25.09.2023). Впоследствии Т. Джефферсон высказывал схожие оценки в переписке

Таким образом, к началу XIX в. в американском истеблишменте сложился консенсус относительно необходимости удаления европейских держав с Американских континентов²⁴. Вместе с тем в послании Дж. Монро с учетом имевшегося соотношения сил декларируются более ограниченные амбиции. Его автор не ставил под сомнение текущие владения внерегиональных государств. Он выступал против их расширения как путем колонизации, так и за счет установления политического контроля над странами, которые были ранее признаны США.

При этом американская администрация не консультировалась с новообразованными государствами Латинской Америки, которые признала годом ранее в качестве независимых [Исэров, 2011: 183–203]. Она вообще не интересовалась их отношением к заявленным требованиям²⁵. Послание не содержало отсылок к моральной аргументации или положениям международного права. Оно апеллировало исключительно к интересам США — предупреждая, что интервенции европейских держав в Западном полушарии поставят «под угрозу наш мир и счастье». Впоследствии опора на расширительную трактовку национальной безопасности оставалась основным аргументом Вашингтона в обоснование «доктрины Монро».

Несмотря на то что послание Конгрессу — внутриполитический документ, его содержание было оперативно передано в зарубежные столицы по дипломатическим каналам. Европейские державы ожидаемо восприняли претензии США как необоснованные²⁶: они не подкреплялись ни военной силой, ни устоявшейся практикой. Более

с Дж. Монро относительно предложений Дж. Каннинга. См.: From Thomas Jefferson to James Monroe, 24 October 1823 // National Archives. Available at: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/98-01-02-3827> (accessed: 25.09.2023).

²⁴ В этой связи заместитель госсекретаря Рубен Кларк в обзоре исторических истоков «доктрины Монро» для президента США Калвина Кулиджа в 1928 г. констатировал: «...принципы, облеченные в определенные формулы доктрины, задолго до этого стали общим достоянием американских государственных деятелей». См.: Clark J.R. Memorandum on the Monroe Doctrine. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1930. P. XV.

²⁵ Американская администрация при формулировании послания также не придавала субъектности индейскому населению, которое продолжало заселять большую часть обоих Американских континентов [Fitz, 2023].

²⁶ В частности, император Александр I утверждал, что в речи американского президента «излагаются настолько необоснованные взгляды и претензии, выдвиг-

того, положение о недопустимости вмешательства противоречило постулируемому Священным союзом принципу легитимизма, обосновывавшему необходимость восстановления *status quo ante* после Наполеоновских войн²⁷.

Между тем иностранная интервенция в поддержку претензий Испании в Западном полушарии так и не состоялась. Относительно изначальной готовности Священного союза ее осуществлять имелись серьезные сомнения. Окончательно похоронила эти планы отрицательная позиция Лондона, доведенная до сведения Франции еще до публикации обращения Дж. Монро²⁸. Это не помешало американскому президенту в послании 1824 г. заявить, что европейские державы «по-видимому, признали» обоснованность американских притязаний²⁹.

Однако, несмотря на подобную оценку, в последующие два десятилетия американские руководители не повторяли своих предостережений. В тот период в дипломатической риторике Вашингтона практически отсутствовали отсылки к посланию 1823 г. Отчасти временное его забвение объяснялось внутривнутриполитическими причинами. С 1829 г. у власти в США находились непримиримые противники Дж. Адамса. Они не были склонны апеллировать к документу, центральную роль в формулировании которого сыграл их заклятый оппонент³⁰.

гаются принципы, настолько противоречащие правам европейских держав, что она заслуживает самого глубокого презрения» [цит. по: Трояновская, 2010: 296].

²⁷ В рамках этого подхода в 1821 г. Франция совершила интервенцию в Испанию для восстановления монархического правления. Пример этого вмешательства подкреплял американские опасения относительно интервенционизма Священного союза.

²⁸ Communications with France and Spain relating to the Spanish American provinces. Volume 10: Debated on Thursday 4 March 1824. Extract of a Memorandum, of a Conference between the Prince De Polignac and Mr. Canning, held Oct. 9th, 1823 // UK Parliament. Hansard. Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1824-03-04/debates/f6062981-7e32-4a66-a1d9-253d52122361/CommunicationsWithFranceAndSpain-RelatingToTheSpanishAmericanProvinces> (accessed: 25.09.2023).

²⁹ December 7, 1824: Eighth Annual Message // Miller Center. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-7-1824-eighth-annual-message> (accessed: 25.09.2023).

³⁰ В первую очередь речь идет об Эндрю Джексоне, который в 1825 г. уступил пост президента Дж. Адамсу в результате внутриэлитных махинаций. В 1829 г. Э. Джексон добился избрания главой государства благодаря поддержке вновь созданной Демон-

Вместе с тем большее значение имел общий скепсис в США относительно международно-политических обязательств, которые гипотетически могли привести к втягиванию в конфликты против собственной воли. Показательно, что и в правление Дж. Адамса (1825–1829), выступавшего основным архитектором «комбинированной системы политики», Вашингтон воздерживался от шагов в поддержку послания Дж. Монро. Так, в 1825 г. США отклонили предложение Бразилии об альянсе против Португалии, оспаривавшей отделение ее бывшей колонии [Manning et al., 1914: 35–36]³¹.

В 1826 г. утверждение посланника в Мексике Джоэля Поинсетта, что США обязались не допускать интервенций европейских держав в бывшие испанские владения, вызвало отповедь в Конгрессе. Ему пришлось сообщить мексиканской стороне, что послание Дж. Монро не имело обязывающей силы без санкции законодателей³². Демарш Дж. Поинсетта побудил президента Мексики Гуадалупе Виктория в обращении к национальному парламенту заявить, что нынешняя администрация США отреклась от обещаний, данных Дж. Монро [Manning et al., 1914: 51–52].

Еще одним обстоятельством, сдерживавшим амбиции США, выступала нехватка материального потенциала в подкреплении требований к европейским державам. В этой связи Вашингтон долгое время показательно оставлял без ответа приращения Великобритании в Западном полушарии. Например, в 1833 г. США не поддерживали Аргентину после британского захвата Фолклендских (Мальвинских) островов³³. Только после американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Вашингтон стал более настойчиво противодействовать европейскому интервенционизму.

кратической партии. В 1837 г. его сменил другой представитель демократов — Мартин Ван Бюрен. О политической поляризации 1820–1830-х годов см.: [Parsons, 2009].

³¹ Ранее, в 1824 г., еще в качестве государственного секретаря Дж. Адамс аналогичным образом отклонил обращение Великой Колумбии по поводу гарантий на случай интервенции Франции [Perkins, 1963: 69].

³² Впоследствии положения «доктрины Монро» так ни разу и не получили формального одобрения Конгресса, несмотря на многочисленные отсылки к ней в ходе дебатов и в Сенате, и в Палате представителей.

³³ На позицию Вашингтона также могли влиять притеснения американских рыбаков со стороны представителей аргентинских властей на архипелаге [Klafter, 1984; Maisch, 2000].

В этих условиях обращение к посланию 1823 г. предоставило риторический ресурс для обоснования недопустимости внерегионального вмешательства в дела Западного полушария. Оно позволяло придать усилившемуся оспариванию политики европейских держав авторитет устоявшейся традиции. Как следствие, в 1840-х годах администрация Джеймса Полка реанимировала положения, выдвинутые Дж. Монро, хотя и ограничила их приложение только Северной Америкой и Карибским бассейном³⁴.

Ведущим оппонентом опоры на послание 1823 г. в тот период выступил сенатор Джон Калхун, принимавший непосредственное участие в обсуждении его положений в качестве военного министра в администрации Дж. Монро. Дж. Калхун подчеркивал, что выдвинутые утверждения представляли декларацию, не имевшую обязывающей силы и неприменимую в новых условиях, благо Священный союз, против которого она была направлена, прекратил существование³⁵. Несмотря на такое противодействие, к началу 1850-х годов положения, сформулированные в послании Дж. Монро, обрели статус доктринальных для внешней политики США³⁶.

Тем не менее и в последующие десятилетия американская дипломатия прибегала к «доктрине Монро» избирательно. Непоследовательность ярко проявилась в 1860-х годах. Начавшаяся Гражданская война в США открыла окно возможностей для реализации амбиций Испании и Франции в Западном полушарии³⁷. В 1861 г. Мадрид принял предложение правителя Доминиканской Республики Педро Сантаны о возвращении Санто-Доминго в лоно

³⁴ Polk J.K. First Annual Message. December 2, 1845 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/first-annual-message-6> (accessed: 25.09.2023). При этом Дж. Полк в первую очередь апеллировал к «доктрине Монро» в переговорах по территориальному размежеванию с Великобританией в Орегоне.

³⁵ The congressional globe. New series: Containing sketches of the debates and proceedings of the first session of the thirtieth Congress. Washington, D.C.: Blair & Rives, 1848. P. 770. Критика Дж. Калхуна положила начало регулярно появлявшимся в американском политическом дискурсе утверждениям, что «доктрина Монро» устарела и потеряла свое значение.

³⁶ Само выражение «доктрина Монро» впервые появилось в прессе в 1853 г. при освещении дебатов в Конгрессе. Только после этого оно проникло в официальную риторику [Perkins, 1963: 99].

³⁷ О вызовах дипломатии США в контексте Гражданской войны см.: [Fry, 2019].

испанской короны. Параллельно Наполеон III организовал интервенцию в Мексику для установления монархии под властью Максимилиана Габсбурга.

Победа Вашингтона в Гражданской войне стимулировала напористое оспаривание маневров европейских держав. Вместе с тем государственный секретарь Уильям Сьюард исповедовал дифференцированный подход. В требованиях к Испании оставить Санто-Доминго США прямо указывали на то, что действия Мадрида противоречили положениям «доктрины Монро»³⁸. В протестах против экспедиции Франции У. Сьюард воздержался от отсылок к ней, сделав упор просто на негативном восприятии таких действий американской общественностью³⁹ [Bancroft, 1896; Perkins, 1963: 122–138; Valone, 1995; Sexton, 2011: 126–127].

³⁸ Еще 19 июня 1861 г. американский поверенный в делах Горацио Перри представил испанскому правительству решительный протест против распространения юрисдикции Мадрида на Санто-Доминго, прямо отсылавший к посланию Монро [Perkins, 1963: 140–141].

³⁹ Показательны инструкции, направлявшиеся У. Сьюардом посланнику в Париже, в которых госсекретарь использовал аргументацию, схожую с той, что ранее выдвигал Дж. Монро, но избегал упоминания послания 1823 г. Например: «...это правительство [имеются в виду США] прекрасно знает, что преобладающее в Мексике мнение отдает предпочтение республиканскому по форме и внутреннему по своей организации правительству, а не любым монархическим институтам, навязанным из-за границы. Это правительство знает также, что это преобладающее мнение народа Мексики во многом возникло под влиянием общественных настроений в этой стране и постоянно подкрепляется ими. Более того, президент считает, что это общественное мнение, сложившееся в Соединенных Штатах, справедливо и чрезвычайно важно для прогресса цивилизации на Американском континенте, каковая цивилизация, по его мнению, может и будет, если ее оставить свободной от европейского противодействия, существовать гармонично одновременно с совершенствованием прогресса на других континентах. Это правительство считает, что иностранное противодействие или попытки контролировать американскую цивилизацию должны потерпеть и потерпят неудачу перед лицом непрекращающейся и постоянно возрастающей активности материальных, моральных и политических сил, которые принадлежат Американскому континенту. Соединенные Штаты также не отрицают, что, по их мнению, их собственная безопасность и счастливая судьба, к которой они стремятся, тесно зависят от сохранения свободных республиканских институтов по всей Америке». См.: Papers relating to foreign affairs, accompanying the annual message of the President to the first session thirty-eighth Congress, part II. Document 103: Mr. Seward to Mr. Dayton. Department of State, Washington, September 26, 1863 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1863p2/d103> (accessed: 25.09.2023).

Подобное умолчание показательно, так как интервенция Наполеона III представляла наиболее масштабный случай европейского вмешательства в целях навязывания политической системы за всё XIX столетие. Тем не менее педалирование «доктрины Монро» могло контрпродуктивно сказаться на перспективах вывода иностранных сил из Мексики, задев амбиции Парижа⁴⁰. В результате У. Сьюард выбрал осторожную линию противодействия, отражавшую больший потенциал Франции в сравнении с Испанией⁴¹. Французский контингент был эвакуирован к 1867 г.

Таким образом, США не демонстрировали последовательности в обращении к «доктрине Монро» во внешнеполитической риторике. На их подход влияли как внутривнутриполитические противоречия, так и стремление не допускать столкновений с европейскими державами. В том числе США уклонились от использования доктрины для стигматизации самого вопиющего случая европейского интервенционизма. Вашингтон действовал прагматично, с учетом особенностей конкретных ситуаций, не считаясь с возможным ослаблением нормативного значения заявленных положений.

Американский интервенционизм и ревизия «доктрины Монро» в XIX в.

Протестуя против европейских интервенций в Западном полушарии, США сами проводили наступательную политику с первых десятилетий своего существования. В начале XIX в. они предпринимали экспедиции против североафриканских государств, укрывавших пиратов. Война 1812–1814 гг. с Великобританией преследовала в том числе цель присоединения Канады. Передаче Флориды от

⁴⁰ Исключением стали ссылки американского консула в Александрии Уильяма Тайера на «доктрину Монро» в беседах с египетскими властями относительно направления африканских солдат в поддержку французского контингента в Мексику в 1863 г. Дипломату удалось отговорить Египет от дальнейшей поддержки интервенции Наполеона III [McGregor, 2021].

⁴¹ В частных разговорах У. Сьюард позднее утверждал, что его политика в отношении французской интервенции в Мексику определялась его пониманием «доктрины Монро». См.: Seward F.W. Reminiscences of a war-time statesman and diplomat. New York; London: G.P. Putnam's Sons, 1916. P. 427. В ходе предшествующей карьеры сенатора У. Сьюард давал различные оценки «доктрине Монро». В одних выступлениях он восхвалял ее, в других — утверждал, что США переросли ее региональную ограниченность.

Испании США в 1819 г. предшествовали рейды американской армии на полуостров. Итогом войны 1846–1848 гг. стал переход под власть Вашингтона большей части территории Мексики.

Вторая половина XIX в. была отмечена ростом числа и расширением географии интервенций, большинство из которых более не преследовали цели территориального приращения [LaFeber, 1963]. Рубежной стала высадка в 1856 г. американского десанта на Панамском перешейке, принадлежавшем Новой Гренаде, для защиты американских граждан и их собственности. В промежутке до 1903 г. США предприняли еще 12 аналогичных интервенций в Панаме [McGuinness, 2008]. Общее число силовых акций в Латинской Америке с 1869 по 1897 г. приближалось к 6000 [Grandin, 2006: 20].

Следующий этап активизации американского империализма ведет отсчет с 1890-х годов. Он характеризовался сочетанием территориальной экспансии и практик неформального империализма. Прологом выступило участие США в свержении королевы Гавайев Лилиуокалани в 1893 г. [Kinzer, 2007: 9–30]. Война с Испанией 1898–1899 гг. завершилась аннексией Пуэрто-Рико, Филиппин и установлением протектората над Кубой. Последний закрепила «поправка Платта», обеспечивавшая США право вмешиваться в политику острова [Ивкина, 2015]. В 1903 г. поддержка Вашингтона обеспечила отделение Панамы от Колумбии.

Послание Дж. Монро 1823 г., отказывая европейским державам в праве навязывать политическую систему государствам Западного полушария, не содержало прямых оснований для вмешательства США в дела соседей. Как следствие, многочисленные американские интервенции XIX столетия не сопровождалась отсылками к «доктрине Монро». Зачастую к ней апеллировали оппоненты экспансионизма, утверждавшие, например, что приобретение азиатской колонии (Филиппин) лишало США права на оспаривание европейских интервенций в Латинской Америке [Bryne, 2020: 19–24].

Тем не менее сторонники наступательного курса стремились реинтерпретировать доктрину для легитимации интервенционизма. Ранняя попытка ревизии была связана с юкатанским кризисом 1848 г. На протяжении 1840-х годов правительство Юкатана боролось за отделение от Мексики, одновременно страдая от индейских вы-

ступлений⁴². В поисках внешней поддержки оно обратилось к правительствам США, Великобритании и Испании, попросив каждое из них принять территорию под свой суверенитет.

Президент Дж. Полк с энтузиазмом отнесся к полученному предложению. Обращаясь к Конгрессу за одобрением содействия Юкатану, он сослался на «доктрину Монро», подчеркнув, что бездействие вызовет неприемлемую для США интервенцию Лондона или Мадрида⁴³. Таким образом, Дж. Полк обосновывал необходимость американского вмешательства упреждением конкурентов. Его усилия оказались безрезультатными — законодатели отвергли аннексию. Однако позднее идея превентивной интервенции реинкарнировалась в американской политике⁴⁴.

В 1895 г. Венесуэльский кризис инициировал новое переосмысление «доктрины Монро» в расширительном ключе. Каракас апеллировал к ней на протяжении предшествовавших десятилетий, добиваясь американской поддержки в территориальном споре с Лондоном, владевшим соседней Британской Гвианой. На фоне обострения конфликта в середине 1890-х годов госсекретарь США Ричард Олни направил премьер-министру Великобритании Роберту Солсбери меморандум с требованием принять американский арбитраж для разрешения взаимных претензий.

В указанном документе после изложения обстоятельств становления «доктрины Монро» следовало резюме: «...существует доктрина американского публичного права, опирающаяся на твердый принцип и широко подтвержденная прецедентами, которая уполномочивает и обязывает Соединенные Штаты рассматривать в качестве оскорбления насильственное обретение европейской державой политического контроля над американским государством». В другом

⁴² В ходе своей борьбы они неоднократно обращались к США за помощью [см.: De Armond, 1951].

⁴³ Special message. April 29, 1848 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-3672> <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-3672> (accessed: 25.09.2023).

⁴⁴ Например, на него опирался президент Улисс Грант при обсуждении проекта аннексии Санта-Доминго. См.: Special message. May 30, 1870 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-2160> (accessed: 25.09.2023). Как и в случае с Юкатаном, Конгресс не поддержал инициативу администрации.

пассаже утверждалось, что США — фактический суверен в Западном полушарии, а «их указания — закон для субъектов, которым они навязывают свое посредничество»⁴⁵.

Р. Олни позиционировал «доктрину Монро» как обязывающее правило, обладающее силой, сравнимой с международно-правовыми актами. Кроме того, он давал широкую оценку ее применимости. В свете непосредственного повода демарша Р. Олни указывал: «Хотя спор касается пограничной линии, тем не менее, поскольку он возникает между государствами, он обязательно предполагает утерю одной стороной политического контроля и приобретение другой»⁴⁶. Как следствие, США претендовали на роль арбитра по широкому кругу вопросов, связанных с европейским присутствием в Западном полушарии.

В непосредственном ответе Р. Солсбери отверг американские попытки придать «доктрине Монро» нормативный статус, а тем более расширительную интерпретацию Р. Олни⁴⁷. Однако вскоре Великобритания согласилась на предложенный США арбитраж, де-факто подтвердив привилегированные права Вашингтона в Западном полушарии, а также переосмысленное понимание вмешательства. Показательно, что венесуэльские власти не были вовлечены в состо-

⁴⁵ Любопытно, как Р. Олни обошел требование одобрения Конгресса для обретения доктриной обязательной силы, декларируя: «Очевидно, что если правило открыто и единообразно провозглашалось и реализовывалось исполнительной ветвью власти в течение более 70 лет без явного оспаривания Конгрессом, то следует считать достоверным, что оно имеет его [т.е. Конгресса] санкцию. Между тем, безусловно, не будет не чем иным, как абсолютной истиной, утверждать, что каждая администрация, начиная с президента Монро, имела возможность, а иногда и более чем единожды, изучить и рассмотреть “доктрину Монро” и в каждом случае энергично поддерживала ее». См.: Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the President, transmitted to Congress December 2, 1895, part I. Document 527: Mr. Olney to Mr. Bayard. Department of State, Washington, July 20, 1895 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d527> (accessed: 25.09.2023).

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the President, transmitted to Congress December 2, 1895, part I. Document 527: Lord Salisbury to Sir Julian Pauncefote. Foreign Office, November 26, 1895 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d529> (accessed: 25.09.2023).

явшуюся переписку и были впоследствии поставлены перед фактом американо-британского компромисса.

При всей наступательности своей риторики Р. Олни однозначно признавал, что «доктрина Монро» не давала США права на вмешательство во внутренние дела стран Латинской Америки⁴⁸. В этом отношении он придерживался более ограничительной интерпретации, чем ранее президент Дж. Полк. Таким образом, до конца XIX в. ревизия принципов, заявленных в послании 1823 г., так и не сформировала признанное в самих США оправдание интервенционизма. Тем не менее она заложила ту логику упреждения европейского вмешательства, которая с новой силой проявилась в начале XX в.

Истоки и следствия «дополнения Рузвельта»

К началу XX в. США превратились в одну из крупнейших держав мира. Европейские конкуренты всё более явственно соглашались с доминированием Вашингтона в Западном полушарии⁴⁹. Вместе с тем укрепление американских позиций не устранило опасений США. С ростом экономической и транспортной взаимосвязанности ожидался подрыв логики двух независимых систем, лежавшей в основе «доктрины Монро». Латинская Америка становилась всё более доступной для коммерческого и финансового проникновения извне, а технологический прогресс повысил возможности проекции силы через океанические пространства. Как следствие, закрепление логики превентивного вмешательства способствовало ревизии «доктрины Монро» в интервенционистском ключе.

Стимул к такому пересмотру дал второй венесуэльский кризис 1902–1903 гг. Отказ Каракаса от обязательств перед кредиторами вызвал блокаду побережья силами британо-германо-итальянской коалиции. Последние обстреливали прибрежные форты, угрожая

⁴⁸ Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the President, transmitted to Congress December 2, 1895, part I. Document 527: Mr. Olney to Mr. Bayard. Department of State, Washington, July 20, 1895 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d527> (accessed: 25.09.2023).

⁴⁹ Наиболее показательным воплощением такого признания стало упоминание «доктрины Монро» в ст. 21 Статута Лиги Наций. См.: Pacte de la Societe des Nations. Février 1920 // United Nations Library & Archives Geneva. P. 9. Available at: https://libraryresources.unog.ch/ld.php?content_id=32971179 (accessed: 25.09.2023).

высадкой десанта. Администрация Теодора Рузвельта изначально признала оправданными их действия, однако недооценила общественное недовольство в США политикой европейских держав. В результате Вашингтон поменял позицию, потребовав снятия блокады. Окончательно спор урегулировал Гаагский арбитраж, присудивший Великобритании, Германии и Италии приоритетные права при погашении долгов.

Кризис продемонстрировал изъяны буквального прочтения «доктрины Монро» в условиях укрепления финансовых связей между странами. Ее положения не оспаривали право европейских держав на установление экономических отношений с государствами Латинской Америки. Между тем попадание последних в долговую зависимость порождало риски принудительных акций в интересах кредиторов. Силловые действия могли включать в том числе оккупацию портов для получения отчислений с таможенных сборов в счет уплаты долга.

Хроническая нехватка финансов у латиноамериканских правительств грозила превратить внешний контроль над таможенной и портами в постоянный, что было равносильно обретению европейскими державами новых владений в Западном полушарии. Более того, вердикт Гаагского арбитража, отдавший приоритет при взыскании долгов государствам, предпринявшим силовые акции, фактически поощрял интервенции. В результате для соблюдения принципа недопустимости европейского политического вмешательства США должны были либо заместить других кредиторов, либо взять на себя функцию гаранта выплат.

В результате в 1904 г. Т. Рузвельт в послании Конгрессу заявил: «Хронические проступки или беспомощность, ведущие к общему ослаблению связей цивилизованного общества, могут в Америке, как и в других частях мира, в конечном счете потребовать вмешательства какой-либо цивилизованной нации, и в Западном полушарии приверженность Соединенных Штатов “доктрине Монро” может принудить США, пусть неохотно, в вопиющих случаях таких проступков или беспомощности к осуществлению международной полицейской функции»⁵⁰. Эти утверждения впоследствии стали обозначаться как

⁵⁰ December 6, 1904: Fourth annual message // Miller Center. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-6-1904-fourth-annual-message> (accessed: 25.09.2023).

«дополнение Рузвельта» (*Roosevelt Corollary*). Показательно, что оно непосредственно опиралось на отсылку к «доктрине Монро», хотя и радикально меняло смысл послания 1823 г.

Таким образом, логика превентивных действий привела к трансформации идеи о неприемлемости европейского интервенционизма в обоснование американского вмешательства. В последующие годы Вашингтон активизировал усилия в своем окружении по предотвращению новых поводов для принудительных акций европейских держав. Эта политика привела к расширению практики долгосрочного вмешательства в дела стран Карибского бассейна, для которых были характерны нестабильное финансовое положение и высокая политическая волатильность.

Прецедентным стало соглашение 1907 г. с Доминиканской Республикой, согласно которому контроль над таможенной и, как следствие, национальными финансами передавался Вашингтону. Документ ставил местное правительство в полную зависимость от США, так как от них теперь зависел его доступ к денежным средствам, необходимым для исполнения государственных функций. Впоследствии это соглашение позиционировалось в качестве образца для других государств. Вместе с тем США задействовали не только политические и финансовые рычаги, но и силовое принуждение⁵¹.

В 1909–1910 гг. американский десант в Никарагуа содействовал смещению многолетнего президента Хосе Сантоса Селаи. Однако правительство, пришедшее к власти, не смогло стабилизировать ситуацию в стране. В результате в 1912 г. США инициировали новую интервенцию в Никарагуа и до 1926 г. сохраняли в нем ограниченный контингент, который сдерживал соперничавшие местные фракции. В 1927 г. новая гражданская война привела к повторной американской оккупации, продолжавшейся до 1934 г.

В 1915 г. США оккупировали Гаити, в 1916 г. — Доминиканскую Республику. В обоих случаях политика Вашингтона обуславливалась рисками обострения внутривнутриполитического противоборства. Следствием вмешательств стало установление военных администраций на многие годы. В 1916–1917 гг. вооруженные силы США предприняли экспедицию в Мексику для преследования повстанцев под

⁵¹ Подробнее о случаях американского интервенционизма в этот период см.: [Munro, 1964; Gobat, 2005; McPherson, 2014].

руководством Панчо Вильи, ранее совершавших рейды на американскую территорию (события разворачивались на фоне Мексиканской революции 1910–1919 гг.).

Перечисленные случаи следовали логике «дополнения Рузвельта» к «доктрине Монро», однако ни в одном из них США не обосновывали действия отсылкой к посланиям ни того, ни другого президента. Они апеллировали к необходимости восстановления легитимного правления, защиты американских граждан и интересов, но не оправдывали свою политику принципом недопущения европейского вмешательства или правом на выполнение международной полицейской функции. Отказ от использования в легитимации положений, которым ранее США приписали нормативный статус, вновь объяснялся сочетанием обстоятельств.

В первую очередь он был обусловлен кампанией Вашингтона по повышению престижа в странах Латинской Америки. С 1906 г. государственный секретарь США Элиу Рут стремился завоевать симпатии региональных правительств демонстрацией показного равноправия в отношениях [Rossi, 2019]. Между тем «доктрина Монро», к которой латиноамериканские государства на протяжении XIX в. сами неоднократно апеллировали, к 1900-м годам приобрела явственно негативную коннотацию как воплощение американского гегемонизма.

Кроме того, непоследовательность легитимации интервенций проистекала из внутривнутриполитических противоречий. Сменивший Т. Рузвельта в 1909 г. президент Уильям Тафт, несмотря на принадлежность к той же Республиканской партии, был менее склонен к ярким внешнеполитическим жестам, полагаясь на инструменты «долларовой дипломатии». В 1913 г. к власти пришел демократ Вудро Вильсон, остро критиковавший предшественников. На практике реализуя схожий империалистический курс, он стремился риторически дистанцироваться от них⁵².

⁵² Наиболее известным примером стала речь В. Вильсона в Мобиле, в которой он заклеил крупный бизнес, выбивавший несправедливые преференции у латиноамериканских государств. См.: Address before the Southern Commercial Congress in Mobile, Alabama. October 27, 1913 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-southern-commercial-congress-mobile-alabama> (accessed: 25.09.2023).

В 1916 г., обращаясь ко Второму панамериканскому научному конгрессу, В. Вильсон подчеркивал потребность в укреплении доверия между Вашингтоном и его соседями на основе признания политической независимости, территориальной целостности, взаимного отказа от подрывной деятельности. Он соглашался, что «доктрина Монро» порождала опасения латиноамериканских государств, но указывал, что ее положения не применимы к взаимодействию между представителями региона, а актуальны только в отношении возможной агрессии европейских стран⁵³. На фоне такой риторики неудивительно, что, санкционируя интервенцию в Доминиканскую Республику, через несколько месяцев американская администрация не стала делать отсылок к доктрине⁵⁴.

В 1923 г. США широко отмечали столетие «доктрины Монро» [Bryne, 2020: 172–175]. К тому времени она стала одним из ключевых мифов, конструирующих американскую идентичность. Между тем в дипломатии Вашингтона она фигурировала всё реже. В 1928 г. заместитель госсекретаря Рубен Кларк подготовил пространный обзор истории становления и применения «доктрины Монро». Он заключил, что «дополнение Рузвельта» не могло быть выведено из ее положений, которые не давали обоснования американского вмешательства в дела государств Западного полушария⁵⁵.

В 1930-е годы с принятием образа «доброго соседа» в отношении стран Латинской Америки апелляции к «доктрине Монро» стали пропадать из внешнеполитического дискурса американских государственных деятелей (хотя отдельные упоминания имели место и позже)⁵⁶. В то же время и в предшествовавшие десятилетия

⁵³ Приводится по: Clark J.R. Memorandum on the Monroe Doctrine. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1930. P. 176.

⁵⁴ Стоит также отметить, что интервенции 1915–1917 гг. осуществлялись на фоне Первой мировой войны, поглощавшей практически всё внимание и ресурсы европейских держав. Более того, они стремились приобрести благосклонность и поддержку Вашингтона в данном конфликте. В этих условиях потребность в легитимации американских действий в их глазах значительно ослабевала.

⁵⁵ Clark J.R. Memorandum on the Monroe Doctrine. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1930. P. XXIII.

⁵⁶ Например, Государственный департамент США в пресс-релизе от 14 июля 1960 г. декларировал актуальную применимость «доктрины Монро» на фоне расширения советско-кубинских связей [The United States reaffirms the Monroe Doctrine, 1965: 185–187]. Выступая на министерской встрече Организации американских

американские представители, провозглашая «доктрину Монро» в качестве влиятельного принципа, избирательно обращались к ней в приложении к конкретным ситуациям.

Ее реинтерпретация в наступательном ключе оправдывала превентивные интервенции в целях профилактики европейского присутствия в Западном полушарии. Тем не менее в начале XX в. «доктрина Монро» использовалась не более последовательно для легитимации американского интервенционизма, чем в предыдущее столетие для стигматизации конкурентов Вашингтона. И в том, и в другом случае преобладал ситуативный подход, формировавшийся под влиянием внутривластных соображений и дипломатической целесообразности.

* * *

Опыт «доктрины Монро» свидетельствует о пластичности идейных конструктов, значение которых с течением времени может меняться вплоть до противоположного. Как следствие, инструмент осуждения иностранного вмешательства во внутренние дела других государств был переосмыслен как средство оправдания интервенционизма. Такое свойство обеспечило доктрине востребованность в качестве риторического ресурса, освященного авторитетом традиции, но адаптирующего содержание в соответствии с требованиями политической целесообразности.

Тем не менее даже такая пластичность не всегда позволяет последовательно опираться на одни и те же риторические ресурсы для легитимации проводимой политики. Их применение ограничивается широким кругом обстоятельств, включая не только соотношение сил на международной арене, но и внутривластные соображения, а также стремлением дифференцировать сигналы различным аудиториям. Американские представители декларировали монополию на интерпретацию доктрины, но они оказались не способны контролировать процесс обретения ею коннотаций. В результате в ряде случаев они сознательно избегали отсылок к ней, даже если

государств, 18 ноября 2013 г. госсекретарь Джон Керри заявил, что «эра доктрины Монро закончилась». См.: Remarks on U.S. policy in the Western Hemisphere // U.S. Department of State (archived). 18.11.2013. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/11/217680.htm> (accessed: 25.09.2023).

фактически воспроизводили действия и аргументацию, которые ранее ассоциировались с «доктриной Монро».

Проведенный анализ продемонстрировал существенный разрыв между привилегированным статусом «доктрины Монро» в общественных представлениях и сложившейся историографии, с одной стороны, и непоследовательностью ее практического применения для легитимации или стигматизации интервенций — с другой. Она сравнительно редко фигурировала в официальной риторике, в отличие от более широких общественных дискуссий. Более того, апелляции к «доктрине Монро» не прослеживаются ни в случаях наиболее знаковых европейских вмешательств в странах Западного полушария, ни применительно к образцовым американским интервенциям.

Такой диссонанс отразился в том числе в исследовательских изысканиях, когда специалисты, отмечая отсутствие прямых отсылок к этой традиции в документах, стремились утверждать, что американская дипломатия следовала в ее «духе» или «логике». Между тем открытость «доктрины Монро» множеству интерпретаций делает невозможным придание ей какого-то одного, конкретного значения. Неудивительно, что к ней апеллировали сторонники принципиально разных внешнеполитических стратегий, нередко прямо оппонировавшие друг другу. Анализ исторического опыта указывает, что у «доктрины Монро» нет какой-то однозначной логики или определенного смысла.

В этой связи настоящая статья сфокусирована на непосредственном присутствии доктрины в дискурсивных практиках американской дипломатии. Послание 1823 г. в данном исследовании рассматривалось исключительно как риторический ресурс, а не как внутренний руководящий принцип. Полученные выводы в значительной степени коррелируют с опытом применения аналогичных идейных конструктов в другие исторические периоды, будь то «принцип легитимизма» или «гуманитарная интервенция»: каждый из них становился предметом обширных общественных дебатов, но в дипломатическом обосновании внешнеполитических акций применялся крайне ограниченно и недолго. Показателен опыт 1990–2000-х годов, когда каждая следующая западная интервенция опиралась на новые риторические ресурсы (Югославия 1999 г. —

гуманитарная интервенция, Афганистан 2001 г. — война с терроризмом, Ирак 2003 г. — предотвращение распространения оружия массового уничтожения и смена недемократических режимов).

С учетом конститутивного значения института суверенитета для поддержания международного общества непоследовательность в обращении к риторическим ресурсам в большей степени бьет по легитимации случаев вмешательства, а не невмешательства. Как свидетельствует длинный список примеров, эта асимметрия не приводит к снижению частотности интервенций. Тем не менее она порождает рост креативности в поиске новых риторических ресурсов легитимации и стимулирует ревизию существующих идейных конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 4. С. 79–108.
2. Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М.: Издательство ИМО, 1959.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Ивкина Л.А. Под дулом оружия: как Кубе была навязана «поправка Платта» (1901–1902) // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С. 253–269.
5. Истомин И.А. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09.
6. Исэров А.А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011.
7. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2015.
8. Колмогорова А.В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 33–40. DOI: 10.26170/pl18-01-03.
9. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008.
10. Мартынов Б.Ф. Доктрина Монро как воля и представление Соединенных Штатов Америки // Международная жизнь. 2022. № 11. С. 46–57.
11. Михалев Ю.А., Звощик Е.В. Значение доктрины Монро в формировании американской стратегической культуры // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 1 (794). С. 52–59.

12. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.

13. Пиреш М.К., Насименту Л.Г. Доктрина Монро 2.0 и трехсторонние отношения США, Китая и Латинской Америки // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 3. С. 202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08.

14. Трояновская М.О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М.: Весь мир, 2010.

15. Трояновская М.О. Доктрина Монро в современных исследованиях // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2014. № 7. С. 24.

16. Троянский М.Г., Карпович О.Г. Политика США в Латинской Америке: доктрина Монро 3.0 // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2 (24). С. 176–188.

17. Шихов В.А. Доктрина Монро: содержание и формирование принципов // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12–2 (66). С. 120–123. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.034.

18. Aloupi N. The right to non-intervention and non-interference // Cambridge International Law Journal. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 566–587. DOI: 10.7574/cjicl.04.03.566.

19. Ammon H. The Monroe Doctrine: Domestic politics or national decision? // Diplomatic History. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 53–70.

20. Bailey T.A. The Lodge corollary to the Monroe Doctrine // Political Science Quarterly. 1933. Vol. 48. No. 2. P. 220–239. DOI: 10.2307/2143347.

21. Bancroft F. The French in Mexico and the Monroe Doctrine // Political Science Quarterly. 1896. Vol. 11. No. 1. P. 30–43. DOI: 10.2307/2139600.

22. Beetham D. The legitimation of power. Basingstoke; London: Macmillan Education Ltd., 1991.

23. Bryne A. The Monroe Doctrine and United States national security in the early twentieth century. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

24. Bull H. The anarchical society: A study of order in world politics. New York: Columbia University Press, 1977.

25. Buzan B. From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

26. Carr E.H. The twenty years' crisis 1919–1939. An introduction to the study of international relations. London: Macmillan, 1946.

27. Clark I. Legitimacy in international society. Oxford: Oxford University Press, 2005.

28. Correa J.S. Colombia y la Doctrina Monroe: El caso del Ferrocarril de Panamá y las intervenciones estadounidenses en el istmo // *Memorias: Revista Digital de Historia y Arqueología Desde el Caribe*. 2014. Vol. 2. No. 22. P. 107–132.

29. Damrosch L.F. Politics across borders: Nonintervention and nonforcible influence over domestic affairs // *American Journal of International Law*. 1989. Vol. 83. No. 1. P. 1–50. DOI: 10.2307/2202789.

30. De Armond L. Justo Sierra O'Reilly and Yucatecan-United States Relations, 1847–1848 // *The Hispanic American Historical Review*. 1951. Vol. 31. No. 3. P. 420–436.

31. Finnemore M. The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

32. Fitz C. The Monroe Doctrine and the indigenous Americas // *Diplomatic History*. 2023. Available at: <https://academic.oup.com/dh/advance-article-pdf/doi/10.1093/dh/dhad048/50928148/dhad048.pdf?guestAccessKey=95ad61f3-4a44-4a0d-9eb7-7c0cd4c1b9b2> (accessed: 25.09.2023). DOI: 10.1093/dh/dhad048.

33. Fry J.A. Lincoln, Seward, and US foreign relations in the Civil War era. Lexington: University Press of Kentucky, 2019.

34. Gilderhus M.T. The Monroe Doctrine: Meanings and implications // *Presidential Studies Quarterly*. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.

35. Gobat M. Confronting the American dream: Nicaragua under US imperial rule. Durham: Duke University Press, 2005.

36. Gonzalez D.C. La politica exterior mexicana ante la nueva doctrina Monroe, 1904–1907. Mexico: Instituto Mora, 2005.

37. Grandin G. Empire's workshop: Latin America, the United States, and the rise of the new imperialism. New York: Henry Holt and Company, 2006.

38. Guzmán R.M. La Doctrina Monroe, el destino manifiesto y la expansión de Estados Unidos sobre América Latina. El caso de México // *Revista Estudios*. 1982. No. 4. P. 117–141.

39. Hurd I. Legitimacy and authority in international politics // *International Organization*. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 379–408. DOI: 10.1162/002081899550913.

40. Jeffery R. Tradition as invention: The 'traditions tradition' and the history of ideas in international relations // *Millennium*. 2005. Vol. 34. No. 1. P. 57–84. DOI: 10.1177/03058298050340011101.

41. Kavanagh J. et al. Characteristics of successful U.S. military interventions. Santa Monica: RAND Corporation, 2019. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3000/RR3062/RAND_RR3062.pdf (accessed: 15.09.2023).

42. Kinzer S. Overthrow: America's century of regime change from Hawaii to Iraq. New York: Times Books, 2007.

43. Kissinger H. World order. New York: Penguin Books, 2015.

44. Klafter C.E. United States involvement in the Falkland Islands crisis of 1831–1833 // *Journal of the Early Republic*. 1984. Vol. 4. No. 4. P. 395–420.
45. Krasner S.D. *Sovereignty: Organized hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.
46. Kushi S., Toft M.D. Introducing the military intervention project: A new dataset on US military interventions, 1776–2019 // *Journal of Conflict Resolution*. 2023. Vol. 67. No. 4. P. 752–779.
47. LaFeber W. The evolution of the Monroe Doctrine from Monroe to Reagan // *Redefining the past: Essays in diplomatic history in honor of William Appleman Williams* / Ed. by L.C. Gardner. Corvallis: Oregon State University Press, 1986. P. 121–142.
48. LaFeber W. *The new empire: An interpretation of American expansion, 1860–1898*. Ithaca: Cornell University Press, 1963.
49. Lake D.A. *Hierarchy in international relations*. Ithaca: Cornell University Press, 2011.
50. Larson D.W., Shevchenko A. *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven: Yale University Press, 2019.
51. List of references on the Monroe Doctrine / Compiled under the direction of H.H.B. Meyer. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1919.
52. Logan J.A. *No transfer: An American security principle*. New Haven: Yale University Press, 1961.
53. Maass M. Catalyst for the Roosevelt corollary: Arbitrating the 1902–1903 Venezuela crisis and its impact on the development of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine // *Diplomacy & Statecraft*. 2009. Vol. 20. No. 3. P. 383–402. DOI: 10.1080/09592290903293738.
54. Maisch C.J. The Falkland/Malvinas Islands clash of 1831–32: US and British diplomacy in the South Atlantic // *Diplomatic History*. 2000. Vol. 24. No. 2. P. 185–209.
55. Manning W.R. et al. Statements, interpretations, and applications of the Monroe Doctrine and of more or less allied doctrines, from 1823 to 1845 // *Proceedings of the American Society of International Law at its annual meeting (1907–1917)*. 1914. Vol. 8. P. 34–118.
56. Mariano M. Identity, alterity, and the ‘growing plant’ of Monroeism in US foreign policy ideology // *US foreign policy and the other* / Ed. by M.P. Cullinane, D. Ryan. Oxford; New York: Berghahn Books, 2015. P. 58–78.
57. Mariano M. *L’America nell’ ‘Occidente’. Storia della dottrina Monroe, 1823–1963*. Roma: Carocci editore, 2013.
58. May E.R. *The making of the Monroe Doctrine*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1975.
59. McGregor S. Seward’s Corollary to the Monroe Doctrine, 1863–1866 // *The International History Review*. 2021. Vol. 43. No. 5. P. 981–1000. DOI: 10.1080/07075332.2020.1856167.

60. McGuinness A. Path of empire: Panama and the California gold rush. Ithaca: Cornell University Press, 2008.

61. McPherson A.L. The invaded: How Latin Americans and their allies fought and ended US occupations. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014.

62. Moore J.B. The Monroe Doctrine: Its origin and meaning. New York: Evening Post Publishing Company, 1895.

63. Moore J.B. The Monroe Doctrine // Political Science Quarterly. 1896. Vol. 11. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.2307/2139599.

64. Munro D.G. Intervention and dollar diplomacy in the Caribbean, 1900–1921. Princeton: Princeton University Press, 1964.

65. Murphy G. Hemispheric imaginings: The Monroe Doctrine and narratives of US empire. Durham: Duke University Press, 2005.

66. Niemann H., Schillinger H. Contestation ‘all the way down’? The grammar of contestation in norm research // Review of International Studies. 2017. Vol. 43. No. 1. P. 29–49. DOI: 10.1017/S0260210516000188.

67. Owen J.M. The foreign imposition of domestic institutions // International Organization. 2002. Vol. 56. No. 2. P. 375–409. DOI: 10.1162/002081802320005513.

68. Parsons L.H. The birth of modern politics: Andrew Jackson, John Quincy Adams, and the election of 1828. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.

69. Perkins D. A history of the Monroe Doctrine. Boston: Little, Brown, 1963.

70. Pocock J.G.A. Time, institutions and action: An essay on traditions and their understanding // Politics and experience: Essays presented to Professor Michael Oakeshott on the occasion of his retirement / Ed. by P. King, B.C. Parekh. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 209–238.

71. Putnam R.D. Diplomacy and domestic politics: The logic of two-level games // International Organization. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.

72. Renshon J. Fighting for status: Hierarchy and conflict in world politics. Princeton: Princeton University Press, 2017.

73. Risse T. ‘Let’s argue!’: Communicative action in world politics // International Organization. 2000. Vol. 54. No. 1. P. 1–39. DOI: 10.1162/002081800551109.

74. Rossi C.R. Whiggish international law: Elihu Root, the Monroe Doctrine, and international law in the Americas. Leiden; Boston: Brill; Nijhoff, 2019.

75. Sánchez Padilla A. ¿En defensa de la Doctrina Monroe? Los desencuentros en América Latina entre España y Estados Unidos (1880–1890) // Historia Crítica. 2016. No. 62. P. 13–33. DOI: 10.7440/histcrit62.2016.01.

76. Sexton J. The Monroe Doctrine: Empire and nation in nineteenth-century America. New York: Hill and Wang, 2011.

77. Smith G. The last years of the Monroe Doctrine, 1945–1993. New York: Hill and Wang, 1994.

78. Status in world politics / Ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

79. Tatum E.H. The United States and Europe, 1815–1823: A study in the background of the Monroe Doctrine. Berkeley: University of California Press, 1936.
80. Teixeira C.G.P. Uma política para o continente-reinterpretando a Doutrina Monroe // Revista Brasileira de Política Internacional. 2014. Vol. 57. No. 2. P. 115–132. DOI: 10.1590/0034-7329201400307.
81. Thompson J.M. Theodore Roosevelt and the politics of the Roosevelt corollary // Diplomacy & Statecraft. 2015. Vol. 26. No. 4. P. 571–590. DOI: 10.1080/09592296.2015.1096658.
82. The United States reaffirms the Monroe Doctrine // The Monroe Doctrine: Its modern significance / Ed. by D.M. Dozer. New York: Knopf, 1965. P. 185–187.
83. Valone S.J. ‘Weakness offers temptation’: William H. Seward and the reassertion of the Monroe Doctrine // Diplomatic History. 1995. Vol. 19. No. 4. P. 583–599.
84. Veaser C. Inventing dollar diplomacy: The gilded-age origins of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine // Diplomatic History. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 301–326. DOI: 10.1111/1467-7709.00355.
85. Vincent R.J. Nonintervention and international order. Princeton: Princeton University Press, 2015.
86. Weber C. Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
87. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999.
88. Whitaker A.P. The origin of the Western hemisphere idea // Proceedings of the American Philosophical Society. 1954. Vol. 98. No. 5. P. 323–326.
89. Wiener A. A theory of contestation. Berlin; Heidelberg: Springer, 2014.
90. Williams J. Nothing succeeds like success? Legitimacy and international relations // The ethical dimensions of global change / Ed. by B. Holden. London: Palgrave Macmillan, 1996. P. 40–67.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2018. Vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: spor o definitsii [Intervention in the domestic affairs: Questioning definitions]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 10, no. 4, pp. 79–108. (In Russ.)
2. Bolkhovitinov N.N. 1959. *Doktrina Monro (proiskhozhdenie i kharakter)* [Monroe Doctrine (Origins and character)]. Moscow, Izdatel'stvo IMO Publ. (In Russ.)
3. Veber M. 1990. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected writings]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
4. Ivkina L.A. 2015. Pod dulum oruzhiya: kak Kube byla navyazana ‘popravka Platta’ (1901–1902) [Under the gun of weapons: How the Platt Amendment was

imposed on Cuba (1901–1902)]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, no. 15, pp. 253–269. (In Russ.)

5. Istomin I.A. 2023. Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: problematizatsiya sushchnostno neopredelimogo kontsepta [Foreign interference in internal affairs: Deconstruction of an essentially indeterminate concept]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09. (In Russ.)

6. Iserov A.A. 2011. *SShA i bor'ba Latinskoj Ameriki za nezavisimost', 1815–1830* [USA and Latin America's struggle for independence, 1815–1830]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ. (In Russ.)

7. Karpovich O.G., Manoilo A.V. 2015. *Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov* [Colour revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, YuNITI-DANA, Zakon i pravo Publ. (In Russ.)

8. Kolmogorova A.V. 2018. Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskii fenomen i ob'ekt diskurs-analiza [Legitimation as a societal phenomenon and as an object of discourse analysis]. *Political Linguistics*, no. 1 (67), pp. 33–40. DOI: 10.26170/pl18-01-03. (In Russ.)

9. Martens F.F. 2008. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Contemporary international law of civilized peoples]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russ.)

10. Martynov B.F. 2022. Doktrina Monro kak volya i predstavlenie Soedinyemykh Shtatov Ameriki [The Monroe Doctrine as the will and representation of the United States of America]. *The International Affairs*, no. 11, pp. 46–57. (In Russ.)

11. Mikhalev Yu.A., Zvoshchik E.V. 2018. Znachenie doktriny Monro v formirovanii amerikanskoi strategicheskoi kul'tury [The importance of the Monroe Doctrine in the formation of the American strategic culture]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 1 (794), pp. 52–59. (In Russ.)

12. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

13. Pires M.K., Nasimentu L.G. 2020. Doktrina Monro 2.0 i trekhstoronnie otnosheniya SShA, Kitaya i Latinskoj Ameriki [The Monroe Doctrine 2.0 and U.S. — China — Latin America trilateral relations]. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08. (In Russ.)

14. Troyanovskaya M.O. 2010. *Diskussii po voprosam vneshnei politiki v SShA (1775–1823)* [Discussing foreign policy in the United States (1775–1823)]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

15. Troyanovskaya M.O. 2014. Doktrina Monro v sovremennykh issledovaniyakh [The Monroe Doctrine in contemporary scholarship]. *Istoriya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, no. 7, pp. 24. (In Russ.)

16. Troyanskii M.G., Karpovich O.G. 2020. Politika SShA v Latinskoi Amerike: doktrina Monro 3.0 [US policy in Latin America: Monroe Doctrine 3.0]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 2 (24), pp. 176–188. (In Russ.)
17. Shikhov V.A. 2017. Doktrina Monro: sodержanie i formirovanie printsipov [Monro Doctrine: Content and formation of principles]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 12–2 (66), pp. 120–123. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.034. (In Russ.)
18. Aloupi N. 2015. The right to non-intervention and non-interference. *Cambridge International Law Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 566–587. DOI: 10.7574/cjicl.04.03.566.
19. Ammon H. 1981. The Monroe Doctrine: Domestic politics or national decision? *Diplomatic History*, vol. 5, no. 1, pp. 53–70.
20. Bailey T.A. 1933. The Lodge corollary to the Monroe Doctrine. *Political Science Quarterly*, vol. 48, no. 2, pp. 220–239. DOI: 10.2307/2143347.
21. Bancroft F. 1896. The French in Mexico and the Monroe Doctrine. *Political Science Quarterly*, vol. 11, no. 1, pp. 30–43. DOI: 10.2307/2139600.
22. Beetham D. 1991. *The legitimation of power*. Basingstoke, London, Macmillan Education Ltd.
23. Bryne A. 2020. *The Monroe Doctrine and United States national security in the early twentieth century*. Cham, Palgrave Macmillan.
24. Bull H. 1977. *The anarchical society: A study of order in world politics*. New York, Columbia University Press.
25. Buzan B. 2004. *From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation*. Cambridge, Cambridge University Press.
26. Carr E.H. 1946. *The twenty years' crisis 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. London, Macmillan.
27. Clark I. 2005. *Legitimacy in international society*. Oxford, Oxford University Press.
28. Correa J.S. 2014. Colombia y la Doctrina Monroe: El caso del Ferrocarril de Panamá y las intervenciones estadounidenses en el istmo. *Memorias: Revista Digital de Historia y Arqueología Desde el Caribe*, vol. 2, no. 22, pp. 107–132.
29. Damrosch L.F. 1989. Politics across borders: Nonintervention and nonforcible influence over domestic affairs. *American Journal of International Law*, vol. 83, no. 1, pp. 1–50. DOI: 10.2307/2202789.
30. De Armond L. 1951. Justo Sierra O'Reilly and Yucatecan-United States Relations, 1847–1848. *The Hispanic American Historical Review*, vol. 31, no. 3, pp. 420–436.
31. Finnemore M. 2004. *The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force*. Ithaca, Cornell University Press.
32. Fitz C. 2023. The Monroe Doctrine and the indigenous Americas. *Diplomatic History*. Available at: <https://academic.oup.com/dh/advance->

article-pdf/doi/10.1093/dh/dhad048/50928148/dhad048.pdf?guestAccessKey=95ad61f3-4a44-4a0d-9eb7-7c0cd4c1b9b2 (accessed: 25.09.2023). DOI: 10.1093/dh/dhad048.

33. Fry J.A. 2019. *Lincoln, Seward, and US foreign relations in the Civil War era*. Lexington, University Press of Kentucky.

34. Gilderhus M.T. 2006. The Monroe Doctrine: Meanings and implications. *Presidential Studies Quarterly*, vol. 36, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.

35. Gobat M. 2005. *Confronting the American dream: Nicaragua under US imperial rule*. Durham, Duke University Press.

36. Gonzalez D.C. 2005. *La política exterior mexicana ante la nueva doctrina Monroe, 1904–1907*. Mexico, Instituto Mora.

37. Grandin G. 2006. *Empire's workshop: Latin America, the United States, and the rise of the new imperialism*. New York, Henry Holt and Company.

38. Guzmán R.M. 1982. La Doctrina Monroe, el destino manifiesto y la expansión de Estados Unidos sobre América Latina. El caso de México. *Revista Estudios*, no. 4, pp. 117–141.

39. Hurd I. 1999. Legitimacy and authority in international politics. *International Organization*, vol. 53, no. 2, pp. 379–408. DOI: 10.1162/002081899550913.

40. Jeffery R. 2005. Tradition as invention: The 'traditions tradition' and the history of ideas in international relations. *Millennium*, vol. 34, no. 1, pp. 57–84. DOI: 10.1177/03058298050340011101.

41. Kavanagh J. et al. 2019. *Characteristics of successful U.S. military interventions*. Santa Monica, RAND Corporation. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3000/RR3062/RAND_RR3062.pdf (accessed: 15.09.2023).

42. Kinzer S. 2007. *Overthrow: America's century of regime change from Hawaii to Iraq*. New York, Times Books.

43. Kissinger H. 2015. *World order*. New York, Penguin Books.

44. Klafter C.E. 1984. United States involvement in the Falkland Islands crisis of 1831–1833. *Journal of the Early Republic*, vol. 4, no. 4, pp. 395–420.

45. Krasner S.D. 1999. *Sovereignty: Organized hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press.

46. Kushi S., Toft M.D. 2023. Introducing the military intervention project: A new dataset on US military interventions, 1776–2019. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 67, no. 4, pp. 752–779.

47. LaFeber W. 1986. The evolution of the Monroe Doctrine from Monroe to Reagan. In: Gardner L.C. (ed.). *Redefining the past: Essays in diplomatic history in honor of William Appleman Williams*. Corvallis, Oregon State University Press, pp. 121–142.

48. LaFeber W. 1963. *The new empire: An interpretation of American expansion, 1860–1898*. Ithaca, Cornell University Press.

49. Lake D.A. 2011. *Hierarchy in international relations*. Ithaca, Cornell University Press.
50. Larson D.W., Shevchenko A. 2019. *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven, Yale University Press.
51. Meyer H.H.B. (ed.). 1919. *List of references on the Monroe Doctrine*. Washington, D.C., Government Printing Office.
52. Logan J.A. 1961. *No transfer: An American security principle*. New Haven, Yale University Press.
53. Maass M. 2009. Catalyst for the Roosevelt corollary: Arbitrating the 1902–1903 Venezuela crisis and its impact on the development of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 20, no. 3, pp. 383–402. DOI: 10.1080/09592290903293738.
54. Maisch C.J. 2000. The Falkland/Malvinas Islands clash of 1831–32: US and British diplomacy in the South Atlantic. *Diplomatic History*, vol. 24, no. 2, pp. 185–209.
55. Manning W.R. et al. 1914. Statements, interpretations, and applications of the Monroe Doctrine and of more or less allied doctrines, from 1823 to 1845. *Proceedings of the American Society of International Law at its annual meeting (1907–1917)*, vol. 8, pp. 34–118.
56. Mariano M. 2015. Identity, alterity, and the ‘growing plant’ of Monroeism in US foreign policy ideology. In: Cullinane M.P., Ryan D. (eds.). *US foreign policy and the other*. Oxford, New York, Berghahn Books, pp. 58–78.
57. Mariano M. 2013. *L’America nell’ ‘Occidente’*. Storia della dottrina Monroe, 1823–1963. Roma, Carocci editore.
58. May E.R. 1975. *The making of the Monroe Doctrine*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.
59. McGregor S. 2021. Seward’s Corollary to the Monroe Doctrine, 1863–1866. *The International History Review*, vol. 43, no. 5, pp. 981–1000. DOI: 10.1080/07075332.2020.1856167.
60. McGuinness A. 2008. *Path of empire: Panama and the California gold rush*. Ithaca, Cornell University Press.
61. McPherson A.L. 2014. *The invaded: How Latin Americans and their allies fought and ended US occupations*. Oxford, New York, Oxford University Press.
62. Moore J.B. 1895. *The Monroe Doctrine: Its origin and meaning*. New York, Evening Post Publishing Company.
63. Moore J.B. 1896. The Monroe Doctrine. *Political Science Quarterly*, vol. 11, no. 1, pp. 1–29. DOI: 10.2307/2139599.
64. Munro D.G. 1964. *Intervention and dollar diplomacy in the Caribbean, 1900–1921*. Princeton, Princeton University Press.
65. Murphy G. 2005. *Hemispheric imaginings: The Monroe Doctrine and narratives of US empire*. Durham, Duke University Press.

66. Niemann H., Schillinger H. 2017. Contestation 'all the way down'? The grammar of contestation in norm research. *Review of International Studies*, vol. 43, no. 1, pp. 29–49. DOI: 10.1017/S0260210516000188.

67. Owen J.M. 2002. The foreign imposition of domestic institutions. *International Organization*, vol. 56, no. 2, pp. 375–409. DOI: 10.1162/002081802320005513.

68. Parsons L.H. 2009. *The birth of modern politics: Andrew Jackson, John Quincy Adams, and the election of 1828*. Oxford, New York, Oxford University Press.

69. Perkins D. 1963. *A history of the Monroe Doctrine*. Boston, Little, Brown.

70. Pocock J.G.A. 1968. Time, institutions and action: An essay on traditions and their understanding. In: King P., Parekh B.C. (eds.). *Politics and experience: Essays presented to Professor Michael Oakeshott on the occasion of his retirement*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 209–238.

71. Putnam R.D. 1988. Diplomacy and domestic politics: The logic of two-level games. *International Organization*, vol. 42, no. 3, pp. 427–460.

72. Renshon J. 2017. *Fighting for status: Hierarchy and conflict in world politics*. Princeton, Princeton University Press.

73. Risse T. 2000. 'Let's argue!': Communicative action in world politics. *International Organization*, vol. 54, no. 1, pp. 1–39. DOI: 10.1162/002081800551109.

74. Rossi C.R. 2019. *Whiggish international law: Elihu Root, the Monroe Doctrine, and international law in the Americas*. Leiden, Boston, Brill, Nijhoff.

75. Sánchez Padilla A. 2016. ¿En defensa de la Doctrina Monroe? Los desencuentros en América Latina entre España y Estados Unidos (1880–1890). *Historia Crítica*, no. 62, pp. 13–33. DOI: 10.7440/histcrit62.2016.01.

76. Sexton J. 2011. *The Monroe Doctrine: Empire and nation in nineteenth-century America*. New York, Hill and Wang.

77. Smith G. 1994. *The last years of the Monroe Doctrine, 1945–1993*. New York, Hill and Wang.

78. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds.). 2014. *Status in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press.

79. Tatum E.H. 1936. *The United States and Europe, 1815–1823: A study in the background of the Monroe Doctrine*. Berkeley, University of California Press.

80. Teixeira C.G.P. 2014. Uma política para o continente-reinterpretando a Doutrina Monroe. *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 57, no. 2, pp. 115–132. DOI: 10.1590/0034-7329201400307.

81. Thompson J.M. 2015. Theodore Roosevelt and the politics of the Roosevelt corollary. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 26, no. 4, pp. 571–590. DOI: 10.1080/09592296.2015.1096658.

82. State Department. 1965. The United States reaffirms the Monroe Doctrine. In: Dozer D.M. (ed.). *The Monroe Doctrine: Its modern significance*. New York, Knopf, pp. 185–187.

83. Valone S.J. 1995. 'Weakness offers temptation': William H. Seward and the reassertion of the Monroe Doctrine. *Diplomatic History*, vol. 19, no. 4, P. 583–599.
84. Veesser C. 2003. Inventing dollar diplomacy: The gilded-age origins of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine. *Diplomatic History*, vol. 27, no. 3, pp. 301–326. DOI: 10.1111/1467-7709.00355.
85. Vincent R.J. 2015. *Nonintervention and international order*. Princeton, Princeton University Press.
86. Weber C. 1995. *Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange*. Cambridge, Cambridge University Press.
87. Wendt A. 1999. *Social theory of international politics*. Cambridge, New York, Cambridge University Press.
88. Whitaker A.P. 1954. The origin of the Western hemisphere idea. *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. 98, no. 5, pp. 323–326.
89. Wiener A. 2014. *A theory of contestation*. Berlin, Heidelberg, Springer.
90. Williams J. 1996. Nothing succeeds like success? Legitimacy and international relations. In: Holden B. (ed.). *The ethical dimensions of global change*. London, Palgrave Macmillan, pp. 40–67.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; одобрена после
рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 24.10.2023

The paper was submitted 02.08.2023; approved after reviewing 03.09.2023;
accepted for publication 24.10.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-56-86

Научная статья / Research paper

С.О. Буранок*

**ДОКТРИНА МОНРО:
ОЦЕНКИ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ
В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ
ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ)
443090, Самара, ул. Максима Горького, 65/67*

В истории США доктрина Монро занимает особое место. Она не только стала одним из ключевых программных внешнеполитических документов своего времени, но и легла в основу самых разнообразных интерпретаций роли и задач Соединенных Штатов на международной арене в поворотные моменты мировой истории. Одним из таких моментов стал рубеж 1910–1920-х годов, когда развернулся болезненный процесс формирования нового, Версальско-Вашингтонского порядка международных отношений. В публичном дискурсе США этот процесс сопровождался напряженными дебатами между сторонниками президента-демократа В. Вильсона и его противниками-изоляционистами. И республиканцы, и демократы стремились использовать ссылки на доктрину Монро, с одной стороны, для обоснования собственных концепций внешней политики США в новых условиях, а с другой — как аргумент в борьбе с политическими оппонентами. Споры вокруг доктрины Монро нашли отражение в публикациях в периодической печати и аналитических журналах, а также в карикатурах. Изучая данные материалы, можно проследить процесс эволюции подходов американских политиков, экспертов, редакторов и журналистов к доктрине Монро. Особый интерес в этом контексте представляют

* Буранок Сергей Олегович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (e-mail: witch-king-1@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8307-9428).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны» (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

аргументы республиканцев против «интернационалистской» трактовки доктрины Монро в условиях изменения миропорядка после Первой мировой войны. Исследование показало, что на начальном этапе дискуссий (1920) доктрина Монро использовалась республиканцами прежде всего для критики вильсоновской концепции международных отношений в целом и его позиции по вопросу Лиги Наций в частности. На следующем этапе (1921–1923) дебаты развернулись уже вокруг необходимости обновления доктрины Монро, продиктованной главным образом новыми тенденциями развития международных отношений на Дальнем Востоке, в частности обострением соперничества между США и Японией. Автор выделяет несколько основных подходов к трактовке доктрины Монро, сформулированных в ходе общественно-политической дискуссии в 1921–1923 гг. Показано, что, несмотря на существенные расхождения во взглядах, и изоляционисты, и интернационалисты в ходе этой полемики пришли в итоге к расширительным трактовкам доктрины Монро, признав необходимость распространения ее принципов на весь Азиатско-Тихоокеанский регион.

Ключевые слова: доктрина Монро, внешняя политика США, Версальский договор, Вашингтонская конференция, Версальско-Вашингтонская система, Латинская Америка, изоляционизм, интернационализм, империализм, колониализм, Лига Наций, политика открытых дверей, Вудро Вильсон, Генри Лодж

Для цитирования: Буранок С.О. Доктрина Монро: оценки республиканцев в период формирования Версальско-Вашингтонской системы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 56–86. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-56-86.

Sergey O. Buranok

THE MONROE DOCTRINE: REPUBLICANS' PERSPECTIVE IN THE FORMATION YEARS OF THE VERSAILLES-WASHINGTON SYSTEM

*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, Maksim Gorky Str., Samara, Russia, 443090*

The Monroe Doctrine occupies a unique place in the US history. It became one of the key foreign policy documents of its time and provided the basis for a wide variety of interpretations of the United States' role and goals in the international

arena at turning points of world history. One of these moments was the turn of the 1910s–1920s, when a new Versailles-Washington order of international relations was emerging. In the US public discourse, this period was marked by intense debates between supporters of the Democratic President V. Wilson and his isolationist opponents. Both Republicans and Democrats constantly referred to the Monroe Doctrine, on the one hand, to justify their own views on US foreign policy in the new conditions, and, on the other hand, to refute the arguments of their political opponents. The controversy surrounding the Monroe Doctrine has been reflected in publications in periodicals and analytical journals, as well as in cartoons. Studying these materials, it is possible to trace the evolution of the approaches of American politicians, experts, editors, and journalists to the Monroe Doctrine. The arguments of the Republicans against the ‘internationalist’ interpretation of the Monroe Doctrine that emerged in the face of the changing global context after the First World War are of particular interest. The study shows that at the initial stage of discussions (1920), the Monroe Doctrine was used by the Republicans primarily to criticize W. Wilson’s concept of international relations in general and his position on the League of Nations in particular. At the next stage (1921–1923), the debate focused around the need to revise the Monroe Doctrine itself, that aroused due to new trends in the development of international relations in the Far East and, in particular, because of the increasing competition between the United States and Japan. The author identifies several main approaches to the interpretation of the Monroe Doctrine formulated during the public debate in 1921–1923. It is shown that, despite significant divergences of view, both isolationists and internationalists eventually came to broader interpretations of the Monroe Doctrine, recognizing the need to extend its principles to the entire Asia-Pacific region.

Keywords: Monroe Doctrine, US foreign policy, Treaty of Versailles, Washington Conference, Versailles-Washington system, Latin America, isolationism, internationalism, imperialism, colonialism, League of Nations, open door policy, Woodrow Wilson, Henry Lodge

About the author: *Sergey O. Buranok* — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor at the Chair of World History, Law and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (e-mail: witch-king-1@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8307-9428).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00011 (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

For citation: Buranok S.O. 2023. The Monroe Doctrine: Republicans' perspective in the formation years of the Versailles-Washington system. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 56–86. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-56-86. (In Russ.)

Доктрина Монро в публичном дискурсе США: к постановке проблемы

Принципы доктрины Монро — одни из наиболее обсуждаемых во внешней политике США. За два столетия ее существования американские политики, эксперты и журналисты провозглашали, отменяли, обновляли доктрину Монро. В XXI в. идут дискуссии о «доктрине Монро 2.0»¹ (а иногда и о третьем ее «обновлении») [Pires, Nascimento, 2020: 202]. В любом случае, данный документ по-прежнему остается значимым фактором американской внешней политики.

В современной историографии, посвященной эволюции внешней политики США, доктрина Монро также занимает особое место. Предметом исследований стали не только ее сущность и влияние на международные отношения, но и процесс формирования общественного мнения о доктрине [Gilderhus, 2006: 7]. В данном процессе выделяется несколько периодов наиболее острых дебатов о значении, роли и будущем доктрины Монро, когда эти вопросы затмевали все прочие в американском информационном пространстве. Один из таких периодов пришелся на 1919–1921 гг., когда происходило формирование новой системы международных отношений после Великой войны, а американские политики пытались найти оптимальную модель взаимодействия как с победившими державами, так и с проигравшими [Tompkins, 1970: 16–21; Louis, 1978: 8–13]. В указанный период и для республиканцев, и для демократов доктрина Монро стала, с одной стороны, символом, олицетворявшим верность традициям внешней политики, а с другой — орудием борьбы с политическими оппонентами (как по внутренним, так и по внешнеполитическим вопросам).

¹ «Доктрина Монро 2.0» — чаще всего так обозначают внешнюю политику Дональда Трампа в отношении Латинской Америки, провозглашенную в сентябре 2018 г.

Некоторые основные моменты этих дебатов были заложены еще до Первой мировой войны. С самого начала президентской избирательной кампании В. Вильсона положения и принципы доктрины Монро стали одним из наиболее обсуждаемых вопросов в периодической печати. К тому времени сформировалось четыре наиболее упоминаемых подхода к восприятию доктрины Монро. Первый, предложенный В. Вильсоном, заключался в резком расширении сферы ее действия — отныне она должна была включать не только Западное полушарие. Второй — «старый» республиканский, сторонники которого настаивали на необходимости продолжения политики Т. Рузвельта в отношениях с другими великими державами: США должны защищать свои интересы, прежде всего в Латинской Америке, активно используя военную силу. Третий — «новый» республиканский, или «дипломатия доллара», в рамках которого главный упор делался на экономический фактор, а не на военный. Четвертый подход был связан с сенатором Г. Лоджем, который отстаивал модель, основанную на синтезе политики открытых дверей и доктрины Монро². Дж. Блэсли так писал о его планах в отношении Мексики, Бразилии и Аргентины в 1913 г.: «Это новая доктрина Монро. Она направлена на те же цели, что и прежняя. Но дополнительно — и на многие другие. Она создаст настоящий панамериканизм. Сейчас у нас нет ничего иного, что бы идеологически объединяло США и всю Латинскую Америку»³.

Для американского экспертного сообщества (точнее, для его демократической части), которое еще до начала Первой мировой войны анализировало внешнеполитические взгляды В. Вильсона, было очевидно, что новый президент признает неэффективность

² См. подробнее: The President and Mexico // The North American Review. 1913. Vol. 198. No. 697. P. 737–768. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25151001?seq=3> (accessed: 15.06.2023); Brown P.M. American diplomacy in Central America // The American Political Science Review. 1912. Vol. 6. No. 1. P. 152–163. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4616987> (accessed: 15.06.2023); Latané J.H. The Panama Canal Act and the British protest // The American Journal of International Law. 1913. Vol. 7. No. 1. P. 17–26. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2186961> (accessed: 15.06.2023); Pittsburgh Press. 05.09.1913.

³ Blakeslee G.H. A new basis needed for the Monroe Doctrine // The North American Review. 1913. Vol. 198. No. 697. P. 779. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25151003> (accessed: 15.06.2023).

«дипломатии доллара», поэтому продолжения международного курса Т. Рузвельта и У.Г. Тафта ждать не приходилось, так как в условиях послевоенного мира США тем более не могли сами себя ограничить лишь заботами о сохранении влияния и интересов в Латинской Америке [Cooper, 2009: 240]. При этом весьма показательно, что для доказательства необходимости выработки обновленной модели внешней политики США эксперты и журналисты использовали именно доктрину Монро. Логика рассуждений была достаточно простой: новый век, новые исторические условия, новые глобальные угрозы — всё это требовало «новой доктрины Монро»⁴. В этом духе прямо высказывался и сам В. Вильсон: «Каждый вдумчивый политический деятель должен приветствовать изменившиеся обстоятельства нового дня, когда у США нет притязаний на опеку или подчинение государств и территорий. Вместо этого есть полное и почетное партнерство между нами и нашими соседями в интересах всей Америки, Северной и Южной. Наша забота о независимости и процветании государств Центральной и Южной Америки неизменна. Мы сохраняем неослабевающий дух, который вдохновлял нас на протяжении всей жизни нашего государства и который так откровенно выразил президент Монро»⁵.

Фраза «изменившиеся обстоятельства нового дня» в контексте описания доктрины Монро была очень чутко воспринята экспертным сообществом: в период 1914–1917 гг. при анализе взглядов В. Вильсона на внешнюю политику часто отмечались его стремление к синтезу традиций и новаций, теории и практики, особое понимание им новых исторических условий [Damrosch, 2006: 3; Cooper, 2002: 9, 37].

У республиканских политиков, редакторов и журналистов попытки использовать доктрину Монро для обоснования, актуализации и продвижения либерального интернационализма вызвали (практически сразу) масштабную критику⁶. Бывший государствен-

⁴ Wheless J. The Monroe Doctrine and Latin America // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1914. Vol. 54. P. 66. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1012572?seq=1> (accessed: 15.06.2023).

⁵ Third Annual Message, December 7, 1915 // Miller Center. Available at: <http://millercenter.org/president/wilson/speeches/speech-3794> (accessed: 15.06.2023).

⁶ Chicago Daily Tribune. 1919. March 11. P. 5.

ный секретарь Э. Рут в 1914 г. писал: «За последние несколько лет прессу наводнили ложные представления о том, что такое доктрина Монро, чего она требует и что она оправдывает, какой ее охват и какие ее пределы. Это затронуло и общественное мнение. Грандиозные схемы национальной экспансии ссылаются на доктрину Монро»⁷. Характеризуя словосочетание «ложные представления», Э. Рут очень точно указал на ключевое положение нового, «вильсоновского» толкования доктрины Монро — ее неизбежное расширение за пределы обеих Америк.

Однако В. Вильсона и его сторонников подобная критика не остановила: уже в 1917–1918 гг. Комитет общественной информации под управлением Дж. Крила начал распространять через периодическую печать, публичные лекции, брошюры и радио различные «интернационалистские» концепты, общим смыслом которых была идея, что зона ответственности США не может ограничиваться Американским континентом и в новых исторических условиях должна быть существенно расширена⁸.

Сразу после Великой войны и особенно в процессе обсуждения и принятия Версальского договора в прессе США начался глобальный спор о потенциальной роли Соединенных Штатов в условиях нового мироустройства [Ross, 2013: 33]. Он достиг своего пика, когда Сенат США в 1920 г. отказался ратифицировать Версальский договор. Именно поэтому дебаты 1920 г. являются одними из наиболее важных и смыслообразующих в процессе эволюции отношения американских элит к доктрине Монро. Она приобрела в этом споре особый статус, одновременно являясь и аргументом каждой из сторон, и объектом дискуссии. Публикации 1920-х годов можно

⁷ Root E. The real Monroe Doctrine // The North American Review. 1914. Vol. 199. No. 703. P. 856. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25120279> (accessed: 15.06.2023).

⁸ Creel G. How we advertised America. New York; London: Harper and Brothers Publishers, 1920. P. 5. Available at: <https://archive.org/details/howweadvertameri00creerich/page/n9/mode/2up> (accessed: 15.06.2023); Ford G.S. America's fight for public opinion // Minnesota History Bulletin. 1919. Vol. 3. P. 23. Available at: <https://archive.org/details/jstor-20160289/page/n3/mode/2up> (accessed: 15.06.2023); The four minute men of Chicago. Chicago: History Committee of the Four Minute Men of Chicago, 1919. P. 6–8. Available at: <https://archive.org/details/fourminutemenofc00unit/page/n3/mode/2up> (accessed: 15.06.2023).

разделить на два условных направления: интернационалистское и изоляционистское [Baker, 1922: 325].

Представители первого — демократы и интернационалистски настроенные эксперты, журналисты, редакторы — считали, что правильной является лишь «президентская версия» обновления доктрины Монро⁹. Именно она должна была стать частью теоретического базиса Лиги Наций¹⁰. В продвижении этой позиции активно использовались разнообразные карикатуры. Так, в издании штата Монтана «Great Falls Daily Tribune» 18 сентября 1920 г. была опубликована карикатура, где Дядя Сэм показывает два плаката. В правой руке: «Голос за Кокса — это голос за Соединенные Штаты, которые вместе с другими 35 государствами войдут в Лигу». В левой руке: «Голос за Гардинга — это голос за изоляцию вместе с Австрией, Германией, Турцией, Россией и Мексикой»¹¹. И хотя упоминались обе ведущие партии, безусловно, важнейший акцент в карикатуре был сделан на позиции демократов. Любопытным здесь было противопоставление Лиги Наций и «стран-изгоев»: погибших после Первой мировой войны европейских империй и Мексики. Таким образом, художник Дж. Кассель стремился показать, что республиканская трактовка доктрины (подчеркнем, что на рисунке был обозначен упрощенно-обобщающий взгляд на республиканцев как на классических изоляционистов) приведет к катастрофическим последствиям: США окажутся в том же положении, что и страны, проигравшие в Великой войне.

Демократическая печать указывала также на то, что доктрина Монро не была частью Конституции США, а представляла собой «всего лишь простой принцип, причем предложенный одним президентом, исходя из его собственных взглядов»¹². Следовательно, другой президент имеет вполне обоснованное право корректировать и изменять данную доктрину (тем более что прошло почти 100 лет после ее принятия), особенно в связи с тем, что США обязаны играть

⁹ Los Angeles Times. 1920. September 19. P. 3.

¹⁰ Great Falls Daily Tribune. 1920. September 18. P. 6.

¹¹ Ibidem.

¹² Carson City Daily Appeal. 1920. October 20. P. 1.

активную роль в глобальных международных процессах после Великой войны¹³.

Американский историк, будущий посол в Германии У. Додд писал в 1923 г.: «Вильсон настаивал на внешней политике, выраженной в двух словах: доктрина Монро. Народ Соединенных Штатов понял, что эта политика означает просто защиту более слабых американских государств от агрессии европейских государств, а в последнее время — и от потенциальной агрессии Японии. Такова была внешняя политика США, когда Вильсон стал президентом. Но на данный момент правительство придерживается аналогичных принципов и на Дальнем Востоке. Политика открытых дверей Дж. Хэя означала, что Соединенные Штаты будут настаивать на свободном доступе к китайским рынкам в конкуренции с Японией и европейскими державами»¹⁴. Для демократа У. Додда (поддерживавшего В. Вильсона и полковника Э. Хауза) Вашингтонская конференция была не просто триумфом американской дипломатии, но и возрождением вильсонизма (как У. Додд его понимал в новых исторических условиях).

Второй взгляд на доктрину Монро был представлен идейными противниками либерального интернационализма, которые активно публиковались в республиканской периодической печати и включали прежде всего экспертов по международным отношениям, связанных с сенаторами Г. Лоджем и У. Бора. Они апеллировали к «классической доктрине Монро» и жестко критиковали вильсонизм [Grayson, 1960: 56].

Позиция республиканцев в дискуссии 1919–1921 гг. представляет особый исследовательский интерес, так как они в противовес интернационализму предлагали самые разные варианты актуализации доктрины Монро, ее модернизации и вписывания в новую систему международных отношений. Кроме того, изучение взглядов республиканских политиков позволяет более содержательно и полно охарактеризовать отношение изоляционистов к доктрине Монро и определить их роль в формировании общественного мнения США [Wolfe, 1997: 390; Manela, 2006: 1327].

¹³ Great Falls Daily Tribune. 1920. September 18. P. 6.

¹⁴ Dodd W.E. Wilsonism // Political Science Quarterly. 1923. Vol. 38. No. 1. P. 117. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2142542> (accessed: 15.06.2023).

В американской историографии споры между республиканцами и демократами относительно внешней политики США после Первой мировой войны рассматривались не только с точки зрения противостояния изоляционистов и интернационалистов, но и в более широком контексте, связанном с проблемами колониализма и империализма [Cooper, 2002: 8; Cox, 2004: 588; Marten, 2004: 15; Frost, 1945: 310].

Исследования, посвященные дискурсу империализма в США, показывают, что доктрина Монро выступала тем основанием, с позиции которого «правильный империализм» (американский) отделялся от «неправильного» и «враждебного», ассоциировавшегося с колониальным опытом европейских держав [Arrighi, Silver, 2001; Gilchrist, 1945; Robinson, 1945: 51–55]. Впрочем, помимо традиционной критики европейских империй американские редакторы, эксперты и журналисты на рубеже XIX–XX вв. зачастую вполне прагматично подходили к изучению опыта европейской колониальной политики [Hodge, 2010: 25; Parchami, 2009: 21; Morefield, 2014: 32; Immerman, 2010: 19].

В данном исследовании предпринята попытка обобщить взгляды республиканцев на доктрину Монро в рамках полемики с демократами в первые послевоенные годы. Для этого был рассмотрен широкий массив периодических изданий тех лет. Выборка была произведена таким образом, чтобы в сферу исследования попали и ключевые издания, формировавшие общественное мнение в крупных городах, и газеты небольших населенных пунктов.

Особое значение для исследования имеют публикации двух американских журналов: «The American Journal of International Law» и «The Journal of International Relations». Первый — ежемесячный журнал, издаваемый Американским обществом по международному праву. Двое из его редакторов — Дж. Скотт и Ф. Браун — практически каждый месяц высказывали в разделе «Редакторские комментарии» свои критические наблюдения о международных отношениях после Версаля, о Лиге Наций, доктрине Монро [Damrosch, 2006: 18; Myers, 1966: 5]. Второй — предшественник известного журнала «Foreign Affairs» — издавался в 1920-е годы Университетом Кларка, его редакторами были профессора Дж. Блэксли (историк, специалист по международным отношениям) и Г. Барнз (один из первых аме-

риканских историков, специализировавшихся на Первой мировой войне и Лиге Наций).

В ведущих республиканских газетах «New York Tribune», «New York Daily News», «Chicago Daily Tribune», «Wall Street Journal», «Washington Times-Herald», «Pittsburgh Press» в 1918–1920 гг. также регулярно печатались небольшие статьи и заметки по внешнеполитическим событиям, где доктрина Монро использовалась для критики демократической позиции, однако, как правило, без развернутых примеров, анализа и строгой системы аргументов. В этой связи для прояснения позиции ключевых политиков, журналистов и экспертов — участников рассматриваемой полемики в данном исследовании был привлечен более широкий массив публикаций из американских газет и журналов периода 1918–1922 гг. Ежедневные газеты «The Washington Times», «Evening Star», «Brattleboro Daily Reformer», «Great Falls Daily Tribune», «New York World», «New York Times», «The Manning Times», «The Monett Times», «Albuquerque Morning Journal», «Los Angeles Times», «Chicago Daily Tribune» представляли как Западное, так и Восточное побережье США. Показательно, что независимо от характера и охвата во всех указанных периодических изданиях четко прослеживаются все основные моменты и этапы эволюции дискуссии в отношении доктрины Монро и внешней политики США, что еще раз подтверждает важность рассматриваемой проблематики для современников.

Изоляционизм и доктрина Монро в периодической печати США 1920 г.

Республиканцы, как и демократы, апеллировали к целому комплексу исторических, экономических, философских аргументов и военных соображений, обосновывая свой взгляд на содержание и будущее доктрины Монро. Лидером этой группы был один из самых известных сторонников изоляционизма в США сенатор-республиканец Г. Лодж, который на протяжении 1918–1919 гг. последовательно критиковал подход президента В. Вильсона к проблеме послевоенного мироустройства, Лиги Наций и роли США в будущем.

Так, в выступлении на баптистской конференции в январе 1920 г. Г. Лодж обратился к десятой статье Устава Лиги («Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения

территориальную целость и существующую политическую независимость всех Членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства»)¹⁵. Сенатор заявил, что такая формулировка противоречит доктрине Монро¹⁶, а президент В. Вильсон интерпретирует данную доктрину в интересах Великобритании, забывая об американской политике [Miller, 1999: 70]. Это выступление стало катализатором нового витка дискуссии о Лиге Наций, но теперь — непосредственно в привязке к принципам доктрины Монро.

Одним из наиболее любопытных в этом контексте был вопрос о владениях США в Тихом океане. Как подчеркивали оппоненты Г. Лоджа, Филиппины и Гуам географически принадлежат Азии, а никак не Западному полушарию, что никогда не мешало американским политикам включать их в сферу действия доктрины Монро в ее классическом понимании. Уже после нескольких витков активных дебатов о внешней политике сенатор опубликовал книгу («Сенат и Лига Наций», 1925), где указал, что в период 1918–1920 гг. его трактовка доктрины Монро подразумевала защиту любых владений США, в том числе на Тихом океане. Более того, Г. Лодж использовал пример управления Филиппинами и Гуамом, чтобы показать более широкое понимание доктрины: если у Вашингтона есть государственные и коммерческие интересы в Азии, в Тихоокеанском регионе — их необходимо оберегать от посягательств иных держав¹⁷.

Опираясь на эти рассуждения, Г. Лодж формулировал «подлинный смысл доктрины Монро», который, по его мнению, заключался в том, что «американские вопросы должны решать только американцы»¹⁸. Таким образом, Г. Лодж (пусть с некоторыми оговорками) допускал возможность расширения доктрины, особенно в пределах Азии. Видно, что его взгляды на этот вопрос были не настолько прямолинейными, как это представляла демократическая

¹⁵ Статут Лиги Наций // Ключников Ю.В. Версальский мирный договор. М.: Издательство Литиздата НКВД, 1925. С. 7.

¹⁶ Grey L. The Senate and the peace treaty: New aspect of the long deadlock on ratification is produced // Current History. 1920. No. 3. P. 395–400.

¹⁷ Lodge H.C. The Senate and the League of Nations. New York; London: Charles Scribner's Sons, 1925. P. 232. Available at: <https://archive.org/details/senateleagueofna0000lodg/page/n7/mode/2up> (accessed: 15.06.2023).

¹⁸ Ibid. P. 233.

(а отчасти и республиканская) пресса. Сами эти оговорки были продиктованы во многом растущим беспокойством республиканцев относительно колониальных амбиций Японии.

На протяжении XIX столетия доктрина Монро воспринималась как одно из главных средств противодействия империализму в Западном полушарии. Однако политика открытых дверей поставила вопрос о распространении принципов доктрины на Китай (а еще шире — на всю Азию), что приводило к неизбежному столкновению с японскими интересами¹⁹.

Из-за чрезвычайно активной внешней политики Японии в Китае и на Тихом океане сенаторы-республиканцы видели именно в ней одну из главных угроз американским интересам. Если в начале XX в. в общественном мнении США доминировали представления, что основная «империалистическая угроза» исходит от Великобритании, Франции, России и Германии, то в период дебатов о Лиге Наций на первый план в этом отношении вышла Япония [Khalil, 2014: 302]. Захват провинции Шаньдун, ультиматум «21 требование», интервенция в Россию оценивались в США как яркие маркеры имперского поведения²⁰. По мнению американских редакторов и журналистов, состоялся трансфер имперского опыта от Великобритании к Японии, который в США не заметили²¹. И если демократы обращали внимание, что единственный способ оказать сопротивление Японии — это сотрудничество и контроль в рамках Лиги Наций, то республиканцы видели в доктрине Монро универсальный, а главное — проверенный временем рецепт сдерживания империализма. Это придавало доктрине не просто актуальность, а злободневность.

Об этом писал популярный эксперт-республиканец Х. Бингем (профессор-археолог, исследователь). В январе 1920 г. он отмечал: «Доктрина Монро устаревала в 1913 г., но сейчас стала более актуальной и прочной, чем когда-либо прежде. И имеет вполне определенную сферу применения в будущем. Германия показала нам, что человеческая природа неизменна. Любая наша внешняя политика,

¹⁹ New York Times. 1920. December 9. P. 7.

²⁰ Chicago Daily Tribune. 1920. September 7. P. 9.

²¹ Hicks C.R. Japan's attitude towards the world war // The Journal of Race Development. 1918. No. 3. P. 346. Available at: <https://www.jstor.org/stable/29738245> (accessed: 15.06.2023).

если она игнорирует имперские завоевания великих держав, слепа и бессильна»²². Скорее всего, под словосочетанием «имперские завоевания» подразумевалась Япония. Ш. Тауэр, известный американский дипломат (посол США в России в начале XX в.), в 1920 г. сформулировал эту мысль еще точнее: в большей степени и в более длительной исторической ретроспективе США угрожали имперские амбиции Великобритании, а теперь — японские, но «доктрина Монро защищала американские национальные интересы в XIX в. и продолжает защищать в настоящее время»²³.

Похожие рассуждения можно было встретить у профессора, юриста Э. Борхарда: «Рост современного империализма совпадает с ростом индустриальной системы и вывозом капитала. Великобритания после Наполеоновских войн вошла в новую эру промышленного развития и использовала свои ресурсы и технологии в удачном сочетании с сильным флотом. Существовавшая тогда колониальная система способствовала расширению британского влияния по всему миру. И если бы не доктрина Монро, тот же результат был бы в Латинской Америке»²⁴. В статье Э. Борхарда история, колониализм и доктрина Монро переплетены в единую систему, которая поддерживала на протяжении века стабильность и безопасность в Западном полушарии, причем даже через 100 лет после провозглашения доктрина Монро не теряет актуальности, а ее игнорирование может привести к опасным последствиям. Интересной является трактовка «имперской угрозы» для США, которая, по мнению Э. Борхарда, базируется на трансфере Великобританией капиталов, ресурсов и технологий, который приводил (и еще может привести) к трансферу британских порядков и контроля (в виде колониальной системы). Американский эксперт подчеркивал: если для всего Восточного полушария он рассматривает эту угрозу как

²² Bingham H. The future of the Monroe Doctrine // The Journal of International Relations. 1920. Vol. 10. No. 4. P. 392. Available at: <https://www.jstor.org/stable/29738367> (accessed: 15.06.2023).

²³ Tower C. The origin, meaning and international force of the Monroe Doctrine // The American Journal of International Law. 1920. Vol. 14. No. 1–2. P. 1–2. Available at: <https://archive.org/details/jstor-2187837> (accessed: 15.06.2023).

²⁴ Borchard E.M. Common sense in foreign policy // The Journal of International Relations. 1920. Vol. 11. No. 1. P. 30. Available at: <https://www.jstor.org/stable/29738380> (accessed: 15.06.2023).

факт истории, то для Западного — как возможность открытого и опасного вмешательства во внутренние дела США (в самом широком понимании). Япония, согласно Э. Борхарду, занималась тем же самым, но в более ограниченных географических масштабах — на территории Китая и Кореи.

Еще в более мрачных тонах об этом в ноябрьском номере «The North American Review» в статье «Предательство доктрины Монро» писал Д. Хилл (очень влиятельный представитель изоляционистского лагеря, бывший посол США в Германии и бывший помощник государственного секретаря): «Уместно напомнить, что в 1913–1914 гг. доктрина Монро была фактически свернута и что вместо нее нам была навязана новая политика вмешательства и уступок. Десятая статья Устава Лиги Наций — это кульминация новой политики. Она направлена на отмену доктрины Монро и замену ее интернационализмом, основанным на идее суперправительства великих держав. Правильная оценка доктрины Монро требует четкого понимания того, что является существенным и важным для национальной политики»²⁵. Обращение Д. Хилла к истории предыдущего столетия — один из знаковых элементов в изоляционистской риторике о Лиге Наций и доктрине Монро. В этой цитате сконцентрированы практически все основные обвинения республиканцев против демократов по вопросам внешней политики после 1918 г. (которые будут повторяться во многих других статьях)²⁶, а название публикации давало моральную оценку краеугольному камню американской внешнеполитической идеологии.

Похожие обвинения в адрес Лиги Наций и президента В. Вильсона в покушении на базовые принципы доктрины Монро использовали и другие республиканские издания. Например, «New York Tribune» 8 августа 1920 г. процитировала бывшего американского посла в Мексике Г. Флетчера: «21-я статья Устава Лиги разрушает дух доктрины Монро»²⁷. Художники-карикатуристы активно эксплуатировали

²⁵ Hill D.J. The betrayal of the Monroe Doctrine // The North American Review. 1920. No. 780. P. 577. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25151109> (accessed: 15.06.2023).

²⁶ Brown P.M. American diplomacy in Central America // The American Political Science Review. 1912. Vol. 6. No. 1. P. 152–163. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4616987> (accessed: 15.06.2023).

²⁷ New York Tribune. 1920. August 8. P. 7.

образ Лиги Наций как угрозы американским внешнеполитическим традициям и ценностям.

В 1920 г. Д. Дарлинг опубликовал рисунок, на котором из курятника под названием «Доктрина Монро» быстро убегают цыплята «Бразилия», «Чили», «Парагвай», «Аргентина» в направлении крупной индейки «Лига»²⁸. Любопытными являются детали данной карикатуры: ее композиция поделена строго пополам по вертикали. Справа — курятник (в нем осталась лишь одна растерянная и удивленная птица «Американский изоляционизм») и ферма с тремя легко узнаваемыми фигурами: Г. Лоджем, У. Бора, Х. Джонсоном — наиболее влиятельными сенаторами-изоляционистами [Maddox, 1970: 48]. Слева — индейка «Лига» с большим выводком цыплят. Можно предположить, что подобная композиция сформировалась одновременно с сюжетом рисунка и символизировала Западное и Восточное полушария.

При такой трактовке особенно значимым выглядит позиция убегающих цыплят («Бразилия», «Чили», «Парагвай», «Аргентина»): все они уже находятся в Восточном полушарии. Этим Д. Дарлинг показывал наиболее серьезные опасения среди республиканцев, что Лига Наций будет использована европейскими державами не только для вмешательства в американские интересы [Johnson, 1993: 502], но и для распространения колониализма (на рисунке отчетливо видна большая группа других птиц, подчиненных индейке). В образах, представленных на рисунке, Д. Дарлинг высмеивал как либеральных интернационалистов, которые допустили «побег из курятника», так и изоляционизм (художник представил его в виде растерянной курицы). Однако сами образы сенаторов-изоляционистов выглядят практически лишенными сарказма или даже иронии. У всех серьезные, сосредоточенные лица, а главное — У. Бора несет молоток, Х. Джонсон — доски, Г. Лодж уже закатал рукава, чтобы забить все щели в курятнике «доктрина Монро». Подобный образ возник из информационной ситуации 1919–1920 гг., когда в периодических изданиях часто ретранслировалась идея о том, что республиканцы не успеют остановить президента В. Вильсона, не успеют сохранить в неприкосновенности основы доктрины Монро,

²⁸ Editorial cartoons of J.N. 'Ding' Darling // Iowa Digital Library. Available at: <https://digital.lib.uiowa.edu/ding?page=2> (accessed: 15.06.2023).

не успеют спасти Америку²⁹. Об этом прямо было сказано в большой статье республиканской газеты «Evening Star»: южноамериканские страны настороженно относятся к тенденциям в США трактовать, изменять и обновлять доктрину Монро³⁰.

Как противовес этим тревожным настроениям выглядит июльская карикатура Р. Кирби: кандидат в президенты США У. Гардинг капитулирует перед сенатором Х. Джонсоном. Последний с кровавой улыбкой спрашивает: «Обыграл Лигу, не так ли, Уоррен?»³¹. Р. Кирби изобразил не просто победу республиканцев в «битве за доктрину Монро», а очень своевременную победу — перед новыми президентскими выборами.

В целом в 1920 г. карикатур, высмеивавших либеральный интернационализм и одобрявших изоляционистски настроенных республиканцев, было больше, чем рисунков в поддержку позиции В. Вильсона. Можно заключить, что к концу 1920 г. в американском экспертном и журналистском сообществе республиканский взгляд на доктрину Монро оценивался как основной и наиболее актуальный для внешней политики США в данное время. В аналитических журналах и газетах Г. Лодж и другие изоляционисты воспринимались не просто как победители, а как фигуры, «защитившие», «спасшие», «отстоявшие» классические подходы к внешней политике США от опасных и временных «интернационалистских влияний».

В интерпретации американских журналистов победа республиканца У. Гардинга выглядела прежде всего как победа сенаторов и конгрессменов Г. Лоджа, Р. Тафта, Э. Рута, У. Бора, Х. Джонсона, их видения будущего внешней политики США и сущности доктрины Монро³². Однако ее обновление всё равно произошло и очень быстро — намного быстрее, чем ожидали в 1920 г. республиканцы.

²⁹ Inman S.G. The present situation in the Caribbean // The Journal of International Relations. 1920. Vol. 11. No. 2. P. 289–317. Available at: <https://www.jstor.org/stable/29738402> (accessed: 15.06.2023); Inman S.G. The Monroe Doctrine and Hispanic America // The Hispanic American Historical Review. 1921. Vol. 4. No. 4. P. 670–676. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2505682> (accessed: 15.06.2023).

³⁰ Evening Star. 1920. February 11. P. 1.

³¹ New York World. 1920. July 26. P. 4.

³² См. подробнее: The League and American politics: President Wilson's appeals. Candidate Harding's statement // Advocate of Peace through Justice. 1920. Vol. 82. No. 11. P. 347–353. Available at: <https://www.jstor.org/stable/20659523> (accessed: 15.06.2023).

Доктрина Монро в 1921–1923 гг.: новые версии и трактовки

Президентские выборы 1920 г. и исход дебатов о Лиге Наций были восприняты в США как решительная победа республиканцев над вильсонизмом и либеральным интернационализмом. Очень наглядно это изобразил карикатурист Р. Кирби: сенатор Г. Лодж в образе Гая Юлия Цезаря едет на колеснице, запряженной величественным слоном. Однако подобный триумф не привел к доминированию в информационном дискурсе США республиканского взгляда на международные отношения. В 1921–1923 гг. в американских газетах и аналитических журналах продолжилось активное обсуждение как старых интерпретаций доктрины Монро, так и целого ряда новых.

На официальном уровне в целом утвердился традиционный республиканский взгляд на доктрину, международные отношения вообще и роль в них США в русле концепций Г. Лоджа, У. Бора, Х. Джонсона. Прежде всего, необходимо отметить, что президент У. Гардинг уже весной 1921 г. подтвердил свою верность классической трактовке доктрины Монро в отношении Южной Америки: «Мы никогда не действовали из эгоистичных побуждений и не мечтали о завоеваниях»³³. Похожие идеи (а также цитаты У. Гардинга) публиковали многие американские периодические издания. Так, газета штата Вермонт «Brattleboro Daily Reformer» сообщала в 1921 г.: «Сейчас Соединенные Штаты — самое могущественное государство на Американском континенте. Но мы — нация не только силы и гордости. Южные республики получили стабильные правительства, интеграцию, мирное развитие и хорошие перспективы»³⁴. Хорошо видно, что республиканские политики и журналисты прямо противопоставляли европейский империализм и доктрину Монро, в которой подчеркивали общеамериканскую выгоду и исторический фундамент взаимодействия государств Северной и Южной Америки³⁵.

Верность классическому пониманию доктрины демонстрировал проповедник и публицист С. Инмэн: «Доктрина Монро оказала

³³ Washington Herald. 1921. April 24. P. 4.

³⁴ Brattleboro Daily Reformer. 1921. February 8. P. 2.

³⁵ Moore J.B. The Monroe Doctrine // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1921. Vol. 96. P. 31. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1014862> (accessed: 15.06.2023).

огромное влияние на Американский континент в плане сохранения республиканской формы правления. Сегодня это не “устаревший талисман” и не “международная дерзость”, если понимать ее оригинальный и истинный смысл. Нет никаких сомнений в том, что доктрина была призвана компенсировать множество политических и торговых грехов»³⁶. В риторике С. Инмэна (как и многих других сторонников традиционного толкования доктрины Монро) сама история этого «Учения» (именно так, с заглавной буквы называл доктрину С. Инмэн) является доказательством необходимости воздержаться от ее изменений и даже интерпретаций.

Историческая аргументация республиканцев была и на предыдущих этапах дискуссии (1918–1920) одной из самых сильных сторон их позиции. В этом плане весьма показательна статья (в том числе как пример аргументации и прошлого, и нового периода) Г. Тафта 1921 г. (брата бывшего президента США), в заключении к которой он вывел квинтэссенцию республиканской концепции международных отношений, истории и восприятия доктрины Монро: «Я не думаю, что опасность, от которой мы стремились защитить себя, совсем ушла. История южноамериканских народов с их многочисленными восстаниями дает и по сей день очень убедительные доказательства того, что если бы не доктрина Монро, то самоуверенные, амбициозные, милитаристские и империалистические нации мира могли бы захватить эти страны в целях расширения своей власти, своих колоний. Всё это они используют ради сырья, материалов и, наконец, для распространения своих политических систем. Доктрина Монро остается политикой великой мудрости и абсолютной необходимости»³⁷.

Такие слова влиятельного общественного деятеля, юриста можно назвать манифестом победившего изоляционизма. Особое внимание стоит обратить на характеристику европейских государств, которую давал Г. Тафт: она очень образно и ярко дополняла его более

³⁶ Inman S.G. The Monroe Doctrine and Hispanic America // The Hispanic American Historical Review. 1921. Vol. 4. No. 4. P. 670. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2505682> (accessed: 15.06.2023).

³⁷ Taft H.W. The Monroe Doctrine and a world organization // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1921. Vol. 96. P. 44. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1014864> (accessed: 15.06.2023).

раннюю мысль о «европейской опасности» для США и актуализировала образ Соединенных Штатов как государства — защитника южноамериканских республик (популярный сюжет на карикатурах изоляционистов периода 1918–1920 гг.) и одновременно показывала общественности новую угрозу со стороны другой империи, скорее всего, Японии (фраза «Я не думаю, что опасность, от которой мы стремились защитить себя, совсем ушла»). Не менее пугающими у Г. Тафта получились и цели европейских держав: традиционный для республиканской риторики начала 1920-х годов перечень был дополнен «распространением своих политических систем». Следовательно, для сторонников изоляционизма (и для Г. Тафта в частности) неизменность доктрины Монро — это не просто идея или внешнеполитический принцип, это вопрос внутренней безопасности «всего Американского дома». Однако после выборов 1920 г. подобный классический взгляд на доктрину Монро был свойствен не всем сторонникам Г. Лоджа.

Вторая версия доктрины Монро, активно циркулировавшая в 1921–1923 гг., также распространялась республиканскими политиками, редакторами и журналистами, но имела существенное отличие от первой: речь шла о синтезе политики открытых дверей и доктрины Монро. Периодическая печать США, общественные деятели и художники-карикатуристы активно обсуждали такой вариант эволюции американской внешней политики на рубеже XIX–XX вв. Об этом подробно писал в 1921 г. У. Линдельбах (профессор европейской истории Университета Пенсильвании)³⁸. А газета «Evening Star» на первой полосе обращалась к «судьбе доктрины Монро в свете будущей [Вашингтонской] конференции»³⁹. Вопросы автора статьи Э. Дингли (журналист, специалист по международным отношениям и финансам) выглядели интересными: «Каким образом изменения, вызванные войной, повлияют на доктрину Монро?», «Угрожают ли проблемы Дальнего Востока (политика открытых дверей и “особые интересы Японии”) американской доктрине?», «Сохранится ли доктрина после конференции?». На часть из этих тем Э. Дингли сам давал

³⁸ Lingelbach W.E. The Monroe Doctrine and American participation in European affairs // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1921. Vol. 96. P. 33. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1014863> (accessed: 15.06.2023).

³⁹ Evening Star. 1921. November 13. P. 1.

ответы: время, когда доктрина Монро и политика открытых дверей противостояли друг другу, прошло. В новых условиях послевоенного мира, по мнению журналиста, необходимо расширение принципов доктрины Монро на Гавайи, Гуам, Филиппины и, возможно, Китай.

Обсуждение подобных идей в США особенно активизировалось осенью 1921 г. — перед началом работы Вашингтонской конференции⁴⁰. От внимания как экспертов, так и журналистов в октябре–ноябре 1921 г. не ускользнул состав делегации Соединенных Штатов: Ч. Хьюз, Г. Лодж, Э. Рут, О. Андервуд⁴¹ — за исключением последнего все республиканцы. Именно этот фактор подсказывал экспертному сообществу, что не только вопросы вооружения и разоружения будут обсуждаться на конференции, но и политика открытых дверей в Китае. Причем пресса указывала, что Э. Рут был ее активным сторонником еще с рубежа веков, а заняв пост государственного секретаря сразу после Дж. Хэя, продолжил его линию выстраивания отношений с великими державами в Китае⁴². О поддержке политики открытых дверей Г. Лоджем писали газеты «Albuquerque Morning Journal»⁴³, «Chariton Courier»⁴⁴, «The Monett Times»⁴⁵. Следовательно, американские политические комментаторы уже в самом начале работы конференции предполагали, что она затронет не только вопросы морских вооружений, но и глобальные проблемы международных отношений на Тихом океане в Азии, где два «имперских подхода» (японский и британский) сталкивались с американским.

Другое издание, «The Labor Journal» (печатанный орган Американской федерации рабочих), о будущем синтезе двух американских внешнеполитических принципов сообщило с наибольшей прямотой: «Политика открытых дверей — это лишь термин, чтобы перенести доктрину Монро на Восток. Здесь не может быть компромисса, так

⁴⁰ Money C.H. The Fugitive Slave Law of 1850 in Indiana // Indiana Magazine of History. 1921. Vol. 17. No. 2. P. 160. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27785991> (accessed: 15.06.2023).

⁴¹ Wright Q. The control of foreign relations // The American Political Science Review. 1921. Vol. 15. No. 1. P. 20. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1944023> (accessed: 15.06.2023).

⁴² The Manning Times. 1921. November 23. P. 4.

⁴³ Albuquerque Morning Journal. 1921. August 24. P. 1.

⁴⁴ Chariton Courier. 1921. November 18. P. 4.

⁴⁵ The Monett Times. 1921. October 28. P. 4.

как японское 21 требование Китаю — это настоящая азиатская доктрина Монро»⁴⁶. Эту идею можно обозначить как переход к третьему толкованию доктрины в 1921–1923 гг.

Эта третья версия доктрины Монро была связана с опасениями, которые высказывали американские редакторы, журналисты, общественно-политические деятели о возможном трансфере принципов Монро от США к другим государствам, прежде всего к Японии. Издание «The Washington Times» в июле 1921 г. обращало внимание, что «Япония имеет особые интересы в Китае. Она называет это “азиатской доктриной Монро”. Тем самым Япония может не только держать в руках торговлю в Китае, но и завоевать, аннексировать, контролировать любую часть Азии — какую выберет»⁴⁷. Примерно такие же опасения в ноябре 1921 г. высказывал профессор Западного колледжа искусств в Лос-Анджелесе (Occidental College) Р. Буэлл: Япония не ограничится Китаем и Сибирью, противостояние с США — определяющий фактор международных отношений будущего⁴⁸. Эти мрачные оценки разделял и известный американский юрист с крайне консервативными взглядами П. Хэлл: «Доктрина Монро для Азии. В ней Япония хочет быть администратором. Сейчас у нее свободны руки в контроле над просыпающимся Востоком. И теперь Япония может сыграть роль, к которой очень давно стремится: проникновение и освоение Китая, Монголии, Маньчжурии и, может быть, Сибири. А Англия, Соединенные Штаты дали ей полную свободу действий»⁴⁹.

Аргументация в поддержку данной версии отличалась ярко выраженной избирательностью: если для США доктрина Монро — это фундаментальный принцип внешней политики, который обеспечил процветание целому ряду южноамериканских государств, то любая попытка других держав использовать данную идею или даже само ее название — это опасная тенденция, угрожающая международной безопасности. Кроме того, сторонники этой трактовки доктрины

⁴⁶ The Labor Journal. 1921. November 18. P. 1.

⁴⁷ The Washington Times. 1921. July 20. P. 1.

⁴⁸ Buell R.L. Militarism in Japan // Current History. 1921. Vol. 15. No. 2. P. 205.

⁴⁹ Hall P.F. The present and future of immigration // The North American Review. 1921. Vol. 213. No. 786. P. 600. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25151131> (accessed: 15.06.2023).

Монро указывали, что ее японский вариант — открытое проявление империализма, колониализма и экспансионизма. Причину такой существенной разницы объяснил П. Хэлл: Япония никогда не была демократическим государством; у нее есть премьер-министр, парламент, «но они ничего не решают, как и император. В Японии есть гэнро (старейшины). Эти семь политиков сосредоточили всю власть»⁵⁰. Следовательно, именно эксперты, которые рассуждали о трансфере доктрины Монро, отметили демократический режим как одну из ключевых ее особенностей. Можно утверждать, что для американских политических комментаторов в 1921 г. это был своего рода критерий «правильности доктрины»: без демократии принцип Монро (согласно трактовкам журналистов и экспертов) превращался в то, от чего данная доктрина должна была защищать. Такие идеи не были широко озвучены в 1919–1920 гг. — на предыдущем этапе дискуссии о внешней политике.

Все эти опасения экспертов, журналистов и редакторов нашли отражение в карикатуре Д. Дарлинга 1921 г. На ней изображен земной шар с гипертрофированной Азией, возвышающейся над всеми другими континентами. В центре Азии (приблизительно в Сибири) нарисована табличка с надписью «Японский остров», а сам японец с широкой улыбкой ловит рыбу между тремя крошечными географическими точками: Гавайями, Филиппинами, США. Безусловно, это один из наиболее наглядных на то время примеров визуализации «японской доктрины Монро»: «Азия для азиатов, а точнее — для японцев». Причем художнику удалось более ярко и образно подчеркнуть проблемы международных отношений, о которых текстуальные средства массовой информации писали сдержанно: Япония уже захватила значительные территории в Азии и распространила свое влияние на Дальний Восток, Корею, Китай, Монголию, Сибирь, а ближайшая цель — зона не просто американских интересов, а безопасности: Гавайи, Филиппины и Западное побережье США.

Четвертую версию толкования доктрины Монро в 1921 г. предложили демократы. Профессор Новой школы социальных исследований Х. Кэллен писал: «У доктрины Монро сейчас есть только один смысл: неприятие Лиги Наций. В прошлом Соединенные

⁵⁰ Ibid. P. 601.

Штаты вышли в мировые лидеры, рассчитывая на международную добрую волю и сотрудничество. Сейчас США находятся в исключительно удачном стратегическом положении, чтобы взять на себя инициативу. Однако необходимо понять, что будущие проблемы во многом такие же, как и те, что были в последние три года. Если в правящих кругах преобладают настроения, которые доминировали, когда президент В. Вильсон вернулся в эту страну в 1919 г., то мало на что можно надеяться на любой конференции по международному разоружению»⁵¹. Видно, что Х. Кэллен существенно упростил и сократил спектр различных толкований доктрины, сведя всё к противостоянию республиканской версии (с неправильной, по его мнению, трактовкой самой сути доктрины) и демократической (где доктрина не препятствует международному сотрудничеству США с другими государствами).

О различных интерпретациях доктрины Монро говорил в своем выступлении на заседании Американского исторического общества и Дж. Клейн: «Моя цель не в том, чтобы примкнуть к одной из версий: за доктрину или за Лигу Наций. Она в другом: посмотреть, каким образом региональную концепцию превратить в основу международных отношений»⁵². Можно утверждать, что последователи либерального интернационализма в 1921 г. сохранили уверенность в базовых принципах В. Вильсона, согласно которым доктрина Монро должна охватывать не только Западное полушарие [Collier, 1981: 11].

В период работы Вашингтонской конференции «глобалистскую» трактовку принципов Монро стали с новой силой и энергией продвигать на страницах демократических периодических изданий: редакторы «San Francisco Chronicle», «Lowell Sun», «Berkeley Daily Gazette» видели в таких документах, как «Договор 4 держав», «Договор 5 держав», «Договор 9 держав», частичную реанимацию того «исторического шанса», который был упущен на Парижской конференции. Как безусловную победу и принципа открытых дверей,

⁵¹ Kallen H.M. The Covenant of the League of Nations, American foreign policy and the Washington Conference // The Journal of International Relations. 1921. Vol. 12. No. 2. P. 279. Available at: <https://www.jstor.org/stable/29738476> (accessed: 15.06.2023).

⁵² Klein J. The Monroe Doctrine as a regional understanding // The Hispanic American Historical Review. 1921. Vol. 4. No. 2. P. 248. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2505920> (accessed: 15.06.2023).

и доктрины Монро американские политические обозреватели практически сразу восприняли «Договор 9 держав» о Китае⁵³.

С точки зрения демократов, гарантии безопасности на Тихом океане, отказ великих держав от зон влияния в Китае, уважение его целостности — наглядная иллюстрация поражения милитаризма и империализма (под которыми в 1921–1922 гг. чаще всего понимали Японию, реже — Великобританию) и распространения принципов Монро на Восточное полушарие⁵⁴.

Рассмотрев оценки и подходы американских политиков, экспертов, журналистов к пониманию сущности доктрины Монро в 1920-е годы, мы можем сделать следующие выводы об этапах эволюции их взглядов.

На начальном этапе (1920) изоляционисты сформулировали базовые аргументы против интернационалистской трактовки доктрины Монро, предложенной демократами в условиях изменения миропорядка после Первой мировой войны. В центре дискуссий оказались проблемы взаимоотношений США с Лигой Наций. Обе стороны активно использовали ссылки на доктрину для подкрепления собственной позиции. На этом этапе началось также переосмысление роли Японии в мире и появились публикации об исходившей от нее «новой имперской угрозе». Особенно активно использовала доктрину Монро в своей аргументации против Лиги Наций группа республиканцев во главе с Г. Лоджем. В риторике, идеологии и тезисах изоляционистов в 1920 г. можно заметить несколько общих моментов.

Во-первых, авторами большинства статей выступали либо историки, либо дипломаты. Скорее всего, это связано с тем, что в силу своих профессиональных интересов они были наиболее хорошо знакомы с историческими условиями эволюции доктрины Монро

⁵³ Hornbeck S.K. Principles and policies in regard to China // Foreign Affairs. 1922. Vol. 1. No. 2. P. 120. Available at: <https://www.jstor.org/stable/20028218> (accessed: 15.06.2023).

⁵⁴ Blaney L. American ideals and traditions // The North American Review. 1922. Vol. 215. No. 798. P. 577. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25121028> (accessed: 15.06.2023).

и одновременно с практикой ее применения в контексте внешней политики. Кроме того, в этом можно усмотреть стремление республиканцев противопоставить президенту-ученому других ученых (с «проамериканской» позицией). В любом случае, во всех приведенных статьях 1920 г. прослеживалась общая задача: лишить президента В. Вильсона возможности апеллировать к доктрине Монро в выгодном для себя ключе.

Во-вторых, для обоснования своей позиции республиканцы прежде всего использовали разнообразные исторические аналогии и параллели. В этом контексте обращают на себя внимание постоянные отсылки ко временам наивысшего расцвета Британской империи и периоду формирования основ внешней политики США (что в обоих случаях возвращало и политиков, и общественность к событиям XIX в.). Такая аргументация оказалась достаточно популярной и востребованной, так как позволяла представить Г. Лоджа с соратниками в качестве защитников традиционных, исторически проверенных внешнеполитических ценностей⁵⁵. История британского колониализма XIX в. постоянно использовалась республиканцами в первые послевоенные годы для создания простых, запоминающихся и образных параллелей: значительная часть мира после Наполеоновских войн перешла под контроль Великобритании, этим же целям, но уже в XX в., служит Лига Наций.

Второй этап дискуссии о доктрине Монро продолжался с 1921 по 1923 г. и был связан с Вашингтонской конференцией. В этот период в публичном дискурсе США фигурировали четыре основных взгляда на доктрину Монро. Расширение палитры оценок стало возможным после активизации японской внешней политики на Тихом океане. Однако формированию единого подхода в отношении японских действий в Азии препятствовало несколько факторов. В американских СМИ (как ежедневных газетах, так и аналитических журналах) в 1921–1922 гг. публиковались статьи об экономических амбициях Японии в Китае, о слабости китайских военно-политических лидеров, проблемах советско-японских отношений из-за Китая [Kim, 2015: 330; Masaru, 1989: 47; Kinsella, 1978: 89]. В данных публикациях

⁵⁵ Scott J.B. American solidarity // *The American Journal of International Law*. 1920. Vol. 14. No. 4. P. 598. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2187878> (accessed: 15.06.2023).

выкристаллизовались две основные позиции: с одной стороны, проблема Китая часто рассматривалась через призму старого образа Японии как «янки Востока», наиболее дружественной США восточной нации; с другой — всё большую популярность стала приобретать интерпретация событий на Дальнем Востоке в рамках политики открытых дверей, с точки зрения которой японские действия выступали как наиболее серьезная угроза [Tohmatsu, Willmott, 2004: 48].

Тем не менее постепенно представители и экспертного, и журналистского сообщества США пришли к выводу, что неважно, в каком ключе они трактуют доктрину Монро, — расширение зоны ее применения уже произошло. Утверждение этого мнения среди американских политических комментаторов отчетливо наблюдалось после Вашингтонской конференции, что нашло практическое выражение в дискуссиях о возможном конфликте Японии и США на Тихом океане. Китай и Тихий океан после 1922 г. оценивались как безусловная зона ответственности Соединенных Штатов⁵⁶. Доктрина Монро окончательно перестала ассоциироваться лишь с Западным полушарием, на первый план вышел образ агрессивной Японской империи, которая стала угрожать не только экономическим интересам США в Китае, но и безопасности всего Тихоокеанского региона. Следовательно, не просто сращивание идей политики открытых дверей и принципов доктрины Монро, но и существенное расширение в географическом плане «американской зоны ответственности» после 1922 г. стали очевидными для всех участников дискуссии — как изоляционистов, так и интернационалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arrighi G., Silver B.J. Capitalism and world (dis)order // *Review of International Studies*. 2001. Vol. 27. No. 5. P. 257–279. DOI: 10.1017/S0260210501008117.
2. Baker R.S. Woodrow Wilson and world settlement: In 3 vols. Vol. 1: Illustrations from photographs, facsimiles and maps. Garden City: Doubleday, Page & Co., 1922.
3. Collier R. 1941: Armageddon. London: Hamilton, 1981.

⁵⁶ Taylor H. The triumph of American diplomacy // *Advocate of Peace through Justice*. 1922. Vol. 84. No. 9/10. P. 331. Available at: <https://www.jstor.org/stable/20660106> (accessed: 15.06.2023).

4. Cooper J.M. Woodrow Wilson: A biography. New York: Alfred A. Knopf, 2009.
5. Cooper R. The post-modern state and the world order. New York: Demos Medical Publishing, 2002.
6. Cox M. Empire, imperialism and the Bush Doctrine // Review of International Studies. 2004. No. 30. P. 585–608. DOI: 10.1017/S0260210504006242.
7. Damrosch L.F. The 'American' and the 'international' in the American Journal of International Law // The American Journal of International Law. 2006. Vol. 100. No. 1. P. 2–19. DOI: 10.2307/3518829.
8. Frost R.A. Reflections on British colonial policy // Pacific Affairs. 1945. No. 4. P. 309–320.
9. Gilchrist H. Colonial questions at the San Francisco Conference // The American Political Science Review. 1945. Vol. 39. No. 5. P. 982–992. DOI: 10.2307/1950038.
10. Gilderhus M.T. The Monroe Doctrine: Meanings and implications // Presidential Studies Quarterly. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.
11. Grayson C.T. Woodrow Wilson: An intimate memoir. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1960.
12. Hodge J.M. British colonial expertise, post-colonial careering and the early history of international development // Journal of Modern European History. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 24–46. DOI: 10.17104/1611-8944_2010_1_24.
13. Immerman R.H. Empire for liberty: A history of American imperialism from Benjamin Franklin to Paul Wolfowitz. Princeton: Princeton University Press, 2010.
14. Johnson R.D. Article XI in the debate on the United States' rejection of the League of Nations // The International History Review. 1993. Vol. 15. No. 3. P. 502–524. Available at: <https://www.jstor.org/stable/40106729> (accessed: 15.06.2023).
15. Khalil O.F. The crossroads of the world: U.S. and British foreign policy doctrines and the construct of the Middle East, 1902–2007 // *Diplomatic History*. 2014. Vol. 38. No. 2. P. 299–344. DOI: 10.1093/dh/dht092.
16. Kim J. Empire versus empire: American critiques of Japan's colonial rule in Korea in the 1920s and 1930s // The Journal of American-East Asian Relations. 2015. Vol. 22. No. 4. P. 315–342. Available at: <https://www.jstor.org/stable/43898435> (accessed: 15.06.2023).
17. Kinsella W.E. Leadership in isolation: F.D. Roosevelt and origins of the Second World War. Cambridge: Schenkman Publishing Company, Inc., 1978.
18. Louis W.R. Imperialism at bay: The United States and the decolonization of the British Empire, 1941–1945. New York: Oxford University Press, 1978.
19. Maddox R.J. William E. Borah and American foreign policy. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1970.

20. Manela E. Imagining Woodrow Wilson in Asia: Dreams of east-west harmony and the revolt against empire in 1919 // *The American Historical Review*. 2006. Vol. 111. No. 5. P. 1327–1351. DOI: 10.1086/ahr.111.5.1327.

21. Marten K.Z. *Enforcing the peace: Learning from the imperial past*. New York: Columbia University Press, 2004.

22. Masaru I. Examples of mismanagement in U.S. policy toward Japan before World War II // *Pearl Harbor: Reexamined* / Ed. by H. Conroy, H. Wray. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989. P. 47–50.

23. Miller K.A.J. *Populist nationalism: Republican insurgency and American foreign policy making, 1918–1925*. Westport; London: Greenwood Press, 1999.

24. Morefield J. *Empires without imperialism: Anglo-American decline and the politics of deflection*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

25. Myers D.P. Philip Marshall Brown, 1875–1966: An appreciation // *World Affairs*. 1966. Vol. 129. No. 1. P. 4–6.

26. Parchami A. *Hegemonic peace and empire: The Pax Romana, Britannica and Americana*. London: Routledge, 2009.

27. Pires M.C., Nascimento L.G. The Monroe Doctrine 2.0 and U.S.-China-Latin America trilateral relations // *International Organisations Research Journal*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08.

28. Robinson N. Problems of European reconstruction // *The Quarterly Journal of Economics*. 1945. Vol. 60. No. 1. P. 1–55.

29. Ross W.G. Constitutional issues involving the controversy over American membership in the League of Nations, 1918–1920 // *The American Journal of Legal History*. 2013. Vol. 53. No. 1. P. 1–88. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID2220369_code31032.pdf?abstractid=2175177&mirid=1 (accessed: 15.06.2023). DOI: 10.1093/ajlh/53.1.1.

30. Tohmatsu H., Willmott H.P. *A gathering darkness: The coming of war to the Far East and the Pacific, 1921–1942*. Lanham: SR Books, Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2004.

31. Tompkins E.B. *Anti-imperialism in the United States: The great debate, 1890–1920*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970.

32. Wolfe P. History and imperialism: A century of theory, from Marx to postcolonialism // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102. No. 2. P. 388–420. DOI: 10.1086/ahr/102.2.388.

REFERENCES

1. Arrighi G., Silver B.J. 2001. Capitalism and world (dis)order. *Review of International Studies*, vol. 27, no. 5, pp. 257–279. DOI: 10.1017/S0260210501008117.

2. Baker R.S. 1922. *Woodrow Wilson and world settlement: In 3 vols. Vol. 1: Illustrations from photographs, facsimiles and maps*. Garden City, Doubleday, Page & Co.

3. Collier R. 1981. *1941: Armageddon*. London, Hamilton.
4. Cooper J.M. 2009. *Woodrow Wilson: A biography*. New York, Alfred A. Knopf.
5. Cooper R. 2002. *The post-modern state and the world order*. New York, Demos Medical Publishing.
6. Cox M. 2004. Empire, imperialism and the Bush Doctrine. *Review of International Studies*, no. 30, pp. 585–608. DOI: 10.1017/S0260210504006242.
7. Damrosch L.F. 2006. The 'American' and the 'international' in the American Journal of International Law. *The American Journal of International Law*, vol. 100, no. 1, pp. 2–19. DOI: 10.2307/3518829.
8. Frost R.A. 1945. Reflections on British colonial policy. *Pacific Affairs*, no. 4, pp. 309–320.
9. Gilchrist H. 1945. Colonial questions at the San Francisco Conference. *The American Political Science Review*, vol. 39, no. 5, pp. 982–992. DOI: 10.2307/1950038.
10. Gilderhus M.T. 2006. The Monroe Doctrine: Meanings and implications. *Presidential Studies Quarterly*, vol. 36, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.
11. Grayson C.T. 1960. *Woodrow Wilson: An intimate memoir*. New York, Holt, Rinehart, and Winston.
12. Hodge J.M. 2010. British colonial expertise, post-colonial careering and the early history of international development. *Journal of Modern European History*, vol. 8, no. 1, pp. 24–46. DOI: 10.17104/1611-8944_2010_1_24.
13. Immerman R.H. 2010. *Empire for liberty: A history of American imperialism from Benjamin Franklin to Paul Wolfowitz*. Princeton, Princeton University Press.
14. Johnson R.D. 1993. Article XI in the debate on the United States' rejection of the League of Nations. *The International History Review*, vol. 15, no. 3, pp. 502–524. Available at: <https://www.jstor.org/stable/40106729> (accessed: 15.06.2023).
15. Khalil O.F. 2014. The crossroads of the world: U.S. and British foreign policy doctrines and the construct of the Middle East, 1902–2007. *Diplomatic History*, vol. 38, no. 2, pp. 299–344. DOI: 10.1093/dh/dht092.
16. Kim J. 2015. Empire versus empire: American critiques of Japan's colonial rule in Korea in the 1920s and 1930s. *The Journal of American-East Asian Relations*, vol. 22, no. 4, pp. 315–342. Available at: <https://www.jstor.org/stable/43898435> (accessed: 15.06.2023).
17. Kinsella W.E. 1978. *Leadership in isolation: F.D. Roosevelt and origins of the Second World War*. Cambridge, Schenkman Publishing Company, Inc.
18. Louis W.R. 1978. *Imperialism at bay: The United States and the decolonization of the British Empire, 1941–1945*. New York, Oxford University Press.

19. Maddox R.J. 1970. *William E. Borah and American foreign policy*. Baton Rouge, Louisiana State University Press.
20. Manela E. 2006. Imagining Woodrow Wilson in Asia: Dreams of east-west harmony and the revolt against empire in 1919. *The American Historical Review*, vol. 111, no. 5, pp. 1327–1351. DOI: 10.1086/ahr.111.5.1327.
21. Marten K.Z. 2004. *Enforcing the peace: Learning from the imperial past*. New York, Columbia University Press.
22. Masaru I. 1989. Examples of mismanagement in U.S. policy toward Japan before World War II. In: Conroy H., Wray H. (eds.). *Pearl Harbor: Reexamined*. Honolulu, University of Hawaii Press, pp. 47–50.
23. Miller K.A.J. 1999. *Populist nationalism: Republican insurgency and American foreign policy making, 1918–1925*. Westport, London, Greenwood Press.
24. Morefield J. 2014. *Empires without imperialism: Anglo-American decline and the politics of deflection*. Oxford, Oxford University Press.
25. Myers D.P. 1966. Philip Marshall Brown, 1875–1966: An appreciation. *World Affairs*, vol. 129, no. 1, pp. 4–6.
26. Parchami A. 2009. *Hegemonic peace and empire: The Pax Romana, Britannica and Americana*. London, Routledge.
27. Pires M.C., Nascimento L.G. 2020. The Monroe Doctrine 2.0 and U.S.-China-Latin America trilateral relations. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08.
28. Robinson N. 1945. Problems of European reconstruction. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 60, no. 1, pp. 1–55.
29. Ross W.G. 2013. Constitutional issues involving the controversy over American membership in the League of Nations, 1918–1920. *The American Journal of Legal History*, vol. 53, no. 1, pp. 1–88. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID2220369_code31032.pdf?abstractid=2175177&mirid=1 (accessed: 15.06.2023). DOI: 10.1093/ajlh/53.1.1.
30. Tohmatsu H., Willmott H.P. 2004. *A gathering darkness: The coming of war to the Far East and the Pacific, 1921–1942*. Lanham, SR Books, Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc.
31. Tompkins E.B. 1970. *Anti-imperialism in the United States: The great debate, 1890–1920*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
32. Wolfe P. 1997. History and imperialism: A century of theory, from Marx to postcolonialism. *The American Historical Review*, vol. 102, no. 2, pp. 388–420. DOI: 10.1086/ahr/102.2.388.

Статья поступила в редакцию 20.08.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 18.10.2023

The paper was submitted 20.08.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 18.10.2023

С.Г. Малкин*

ДОКТРИНА МАЛЫХ ВОЙН КОРПУСА МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ)
443090, Самара, ул. Максима Горького, 65/67*

Стремительная трансформация современного миропорядка всё чаще возвращает внимание экспертного сообщества к феномену империи (как формы организации политической жизни), а особое место США в этих трансформационных процессах — к истории становления и развития Рак Америки и на уровне идеи, и в сфере реальной политики. Определение роли и значения колониального опыта в проецировании американской военно-политической мощи в конце XIX — начале XXI в. позволяет составить более предметное представление о теории и практике международных отношений как в эпоху «высокого империализма» и мировых войн XX в., так и в период перехода от эпохи глобальных колониальных империй к эпохе ядерных супердержав, а также после холодной войны — в условиях распада биполярной системы и нарастающих противоречий между сторонниками концепции «глобального лидерства» и многополярного мира. В этом контексте данное исследование фокусируется на вопросах осмысления колониального опыта ведущих европейских держав и интервенций с участием армии и Корпуса морской пехоты (КМП) США американскими военными теоретиками в конце XIX — первой половине XX в. Особое внимание уделено концепции «малых войн». На основе широкого массива первоисточников, представленного как работами военных экспертов, непосредственных участников различных контрповстанческих операций в колониях, так и учебными наставлениями и уставами КМП, показана

* Малкин Станислав Геннадьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (e-mail: s.g.malkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9522-7926).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны» (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

эволюция содержательного наполнения этой концепции от первоначального акцента на сугубо военных проблемах контрпартизанской борьбы в сторону всё большего учета вопросов «борьбы за умы и сердца» местного населения. Автор отмечает синхронность и идентичность общей логики развития военной мысли ведущих колониальных держав межвоенного периода по вопросам поддержания внутренней безопасности на зависимых территориях. США проявляли утилитарный интерес к релевантному опыту глобальных империй в рамках практической реализации доктрины Монро в странах Латинской Америки, рассматривая европейские державы при этом в качестве конкурентов за политическое влияние. В последние годы на фоне обострения межгосударственного соперничества в различных регионах мира наблюдается возрождение интереса политиков и военных теоретиков США к опыту малых войн первой половины XX в., поэтому изучение различных форм проецирования американской мощи за рубежом, в том числе на основе осмысления колониального опыта европейских держав, приобретает не только академическое, но и практическое значение.

Ключевые слова: доктрина Монро, Корпус морской пехоты, колониальная империя, империализм, колониализм, неоколониализм, смена режимов, интервенция, метрополия, малые войны, антиповстанчество, асимметричный конфликт, борьба за умы и сердца, США, Британская империя

Для цитирования: Малкин С.Г. Доктрина малых войн Корпуса морской пехоты США и колониальный опыт европейских держав // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 87–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-87-124.

Stanislav G. Malkin

THE SMALL WARS DOCTRINE OF THE US MARINE CORPS AND COLONIAL EXPERIENCE OF THE EUROPEAN POWERS

*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, Maksim Gorky Str., Samara, Russia, 443090*

The rapid transformation of the current world order excites renewed interest of the expert community in the phenomenon of empire (as a form of the organization of political life). And since the United States plays a central role in this transformation, the history of the Pax Americana, its formation

and development, both at the level of the idea and in the field of real politics is of particular relevance. The author argues that clarification of the role and significance of the colonial background in the projection of US military-political power in the late 19th — early 21st centuries allows for better understanding of the theory and practice of international relations both in the era of ‘high imperialism’ and world wars of the 20th century, and in the context of transition from global colonial empires to nuclear superpowers. It may also be instrumental in addressing the deepening contradictions between advocates of a ‘global leadership’ concept and proponents of a multipolar world during the post-Cold War period. In this regard, the paper examines the works of the US military theorists of the late 19th – first half of the 20th centuries that focused on the colonial experience of the leading European powers, as well as the experience gained from interventions involving the US Army and Marine Corps. Special emphasis is given to the concept of ‘small wars’. Building on a wide array of primary sources, presented both by the works of military experts, direct participants in various counterinsurgency operations in the colonies, as well as by the teaching materials and field manuals of the US Marine Corps, the author traces the evolution of this concept which implied establishment of external management and/or control through military and police measures. This allows the author to restore the historical genealogy of current models of internal security promoted in American foreign policy in conditions of proliferating, protracted, and increasingly hybrid civil conflicts. The author concludes that in the interwar period the US law enforcement agencies pragmatically implemented the relevant experience of global empires in Latin American countries within the framework of the Monroe Doctrine, while regarding European powers as political rivals. It is noted that conflicting imperatives of asymmetric and conventional threats to US national security urge researchers and practitioners to revisit after a post-Vietnam period of neglect the approaches of colonial empires to the conduct of small wars and to adapt them to modern conditions. The findings broaden the understanding of the modern leading powers’ approaches to internal security models transfer, as well as of its limits.

Keywords: Monroe Doctrine, Marine Corps, colonial empire, imperialism, colonialism, neocolonialism, regime change, intervention, metropolis, small wars, anti-insurgency, asymmetric conflict, struggle for hearts and minds, USA, British empire

About the author: *Stanislav G. Malkin* — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Chair of World History, Law and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (e-mail: s.g.malkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9522-7926).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00011 (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

For citation: Malkin S.G. 2023. The small wars doctrine of the US Marine Corps and colonial experience of the European powers. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 87–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-87-124. (In Russ.)

Рецепция колониального опыта во внешней политике США: к постановке проблемы

В 2023 г. исполняется 200 лет знаменитой доктрине Монро — весьма примечательный юбилей не только для истории, но и для теории и практики международных отношений. С тех пор как 2 декабря 1823 г. пятый президент США Джеймс Монро с подачи государственного секретаря Джона Куинси Адамса в послании к Конгрессу США выдвинул идею о недопустимости вмешательства европейских колониальных держав в дела обоих Американских континентов, изначальный смысл этой доктрины изменился едва ли не на противоположный. Взятая за основу доктрины Монро концепция сферы национальных интересов (в области безопасности прежде всего) со временем охватила весь мир, став квинтэссенцией революционной трансформации, которую претерпели взгляды американской политической элиты к началу холодной войны [Егорова, 2009, 2014]. Показательна в этом смысле роль, которую во внешней политике США в это время приобрела «теория домино», включая смену политических режимов в Латинской Америке [Зобнин, 2016]. Так, противостояние пресловутой «красной угрозе» в лице СССР и коммунистического Китая в странах «третьего мира» быстро обрело форму «империализма деколонизации» [Louis, 1984; Louis, Robinson, 1994], позволив уже современникам говорить о неокOLONIALИЗМЕ и неоимпериализме как неотъемлемой составляющей внешней политики США во второй половине XX в. [Gallagher, Robinson, 1953; Williams, 1969; Palmer, 1971].

Недавние исследования показывают, что заимствование Соединенными Штатами у европейских держав моделей колониального

управления во внешней политике после 1945 г., хотя и противоречило их антиимпериалистической риторике межвоенного периода, по факту началось еще на рубеже XIX–XX вв. [Louis, 2006; Parchami, 2009; Lorcin, 2013]. В этом отношении американцы, как в свое время испанцы, британцы и французы, на практике подтвердили уже не единожды высказанную мысль о необязательности наличия формального статуса империи для обращения к колониальным методам управления зависимыми территориями. Как заметил в этой связи профессор Уиллард Сандерленд, характеризуя становление колониальных учреждений ведущих держав Нового времени, «нет такого правила, по которому империя обязана иметь централизованное колониальное управление»; захват территорий и управление ими — это «скорее базовые функции государственной власти, чем сфера особой компетенции, сосредоточенная в специальных учреждениях» [Сандерленд, 2010: 113].

Так, уже в конце XIX — первой половине XX в. в США обсуждали различные варианты совершенствования системы управления своими колониями: от учреждения должности «государственного секретаря по имперским делам» до преобразования созданного еще в 1900 г. по итогам Испано-американской войны 1898 г. Бюро островных дел в полноценное «имперское министерство» или «колониальную службу» [Snow, 1902; Schumacher, 2002; Marotta, 1983].

В этой связи, характеризуя экспансию США в Латинской Америке, а затем и в других странах «третьего мира» в целом, необходимо иметь в виду, что в эпоху империй ведущие державы, включая страны, не обладавшие формальным имперским статусом, утратившие таковой и/или с точки зрения государственного устройства относившиеся к республиканской форме правления, активно обменивались колониальным опытом [Thomas, 2008; Hodge, 2010; Hevia, 2012; Neep, 2012; Lindner, 2015; British and French colonialism..., 2019; Wempe, 2019; Gannon, 2019]. Еще в 1894 г. в Брюсселе был учрежден Международный колониальный институт, который был призван объединить интеллектуальные усилия экспертов в области «сравнительного колониализма» (впервые это понятие ввел французский обозреватель Пьер-Поль Леруа-Болье) из разных стран в целях совершенствования управления зависимыми территориями в таких сферах, как право, экономическое развитие (в форме политической

экономии) и администрирование [Lindner, 2015]. Причем с самого начала на постоянной основе членами института помимо представителей Великобритании, Франции и Голландии, а также России, никогда не имевшей отдельного министерства по колониальным делам, и Германии, которая обзавелась колониальным ведомством только в 1907 г. (после того как Бюро островных дел появилось в США), состояли и американцы: их опыт управления бывшими испанскими владениями в бассейне Карибского моря и Тихом океане европейские делегаты рассматривали как вполне комплиментарный их собственным колониальным предприятиям.

В современной историографии проблема трансфера моделей колониального управления в рамках реализации инверсий доктрины Монро во внешней политике США, начиная с интервенций в страны Латинской Америки в конце XIX — первой половине XX в. и заканчивая военными кампаниями на Ближнем и Среднем Востоке в первой четверти XXI в., осмысливается и в стратегическом плане — как геополитическое наследие эпохи глобальных империй, и в операционно-тактическом — как конкретные шаги по применению европейского колониального опыта в осуществлении внешнего управления или контроля [Kinzer, 2006; Peic, Reiter, 2010].

В первом случае речь идет как об аналогиях между глобальными стратегиями Британской империи до Первой мировой войны и США уже после Второй мировой войны, так и о мерах тактического характера по совместному использованию британских колониальных владений в решении конкретных военно-технических задач по сдерживанию СССР в первые два десятилетия холодной войны. Примером такого рода исследований могут служить широко известные работы Найла Фергюсона, предложившего рассматривать США в качестве наследника Британской империи после Второй мировой войны — нового глобального лидера [Фергюсон, 2013]. Можно также вспомнить труды Чарльза Майера и Арне Вестада, которые описывают колониальный опыт европейских держав как идейно-практическую основу интервенционистской политики сверхдержав в «третьем мире» [Maier, 2006; Westad, 2007]. Усилия США по поддержке колониальных империй и наследованию им в эпоху холодной войны в практических целях подробно изучали также Роджер Льюис и Рональд Робинсон [Louis, 1977; Louis, Robinson, 1994].

Во втором случае в центре внимания оказываются проблемы сотрудничества новых независимых государств с бывшими метрополиями в области экономического планирования (экономика развития в новых независимых странах Азии и Африки как наследие колониального правления [Истерли, 2016; Hodge, 2007, 2010; Thomas, 2007]), военного строительства (подготовка офицерского корпуса по стандартам бывших колониальных держав¹) и организации (контр)разведки (частичная передача документации и материально-технической базы в сфере внутренней безопасности разведывательным службам бывших колоний в целях сохранения влияния метрополии в пределах бывшей империи [Уолтон, 2016]). С точки зрения темы данного исследования особый интерес представляют работы, посвященные попыткам США перенять опыт колониального антиповстанчества европейских держав для оптимизации собственного военно-политического присутствия за рубежом в эпоху холодной войны. Так, автор теории асимметричного конфликта Эндрю Макк заключал, что именно антиповстанчество фактически является основой внешней политики США в странах «третьего мира» [Mask, 1975; Louis, 2002].

В этой же логике шли становление и развитие региональных и стратегических исследований — можно проследить прямую логическую и институциональную связь между колониальным знанием и региональными работами и социальными науками до и после Второй мировой войны в рамках целенаправленных попыток трансферов колониального опыта в деятельность разведывательных служб Великобритании и США [Hevia, 2012; Berger, 2003; Clemis, 2009; Miller, Mills, 2010; Morrissey, 2011; Security expertise..., 2015]. Выводя исследования за традиционные рамки изучения армии как инструмента экспансии и социального лифта, такой подход расширяет пространство дискуссии за счет более пристального внимания к феноменам социальной инженерии, экспертного знания и колониального антиповстанчества в анализе экспорта моделей внутренней

¹ Training syllabus. Staff College, Camberley, 1956–1958 // The National Archives (UK). War Office 231/101; Training syllabus. Staff College, Camberley, 1966 // The National Archives (UK). War Office 231/103; Training syllabus. Staff College, Camberley, 1968–1969 // The National Archives (UK). War Office 231/102.

безопасности в страны «третьего мира» [Hevia, 2012; French, 2012; The theory and practice of irregular warfare..., 2014].

Влияние колониального антиповстанчества на политику США как в Западном полушарии до и после Великой войны, так и в «третьем мире» в целом в эпоху биполярного противостояния и в рамках «войны с террором» в начале XXI в., как показывают исследования этого рода, реализовывалось в форме целенаправленной рецепции европейского опыта малых войн в колониях (включая опыт организации антиповстанческой деятельности). Этот процесс развивался и в рамках публичных дискуссий, и на высоком политическом уровне с привлечением военных и гражданских экспертов (включая офицеров колониальной службы): в Белом доме, Пентагоне и Государственном департаменте².

В этом контексте перспективной аналитической призмой может стать анализ тех форм колониального антиповстанчества, которые вошли в экспертное знание силовых структур США по обеспечению внутренней безопасности в опекаемых странах³. Особого внимания заслуживает последовательный и масштабный процесс теоретического осмысления интервенций в страны Латинской Америки с участием специалистов Корпуса морской пехоты (КМП, Корпус) США в эпоху Интербеллума: многие доктринальные положения устава «войск Госдепа» о ведении малых войн 1940 г. (первое издание — 1935 г.) сохранили свое значение для американских вооруженных сил вплоть до начала XXI в. [Schaffer, 1972; Bickel, 2001; Beckett, 2008: 149]⁴. Показательным примером может служить и деятельность корпорации РЭНД по экспертному сопровождению политики США в Юго-Восточной Азии в годы холодной войны. Целью представи-

² Отечественная историография этого вопроса еще формируется [см., например: Дериглазова, 2009; Малкин и др., 2019, 2020].

³ Тобиас Рюттершофф утверждает, что экспертное знание этого рода в рамках военно-политического присутствия США за рубежом также эволюционировало с течением времени: от инструментального (Филиппины на рубеже XIX–XX вв.) к символическому (Афганистан и Ирак в начале XXI в.) через паритетное сочетание этих характеристик (Вьетнам в 1960-е — начале 1970-х годов) [Ruettershoff, 2015].

⁴ В этой связи показательна тематика квалификационных работ курсантов военных учебных заведений США, подготовленных на фоне военных кампаний в Афганистане и Ираке в 2000-е годы [см. подробнее: Ford, 2003; Prater, 2005; Kent, 2006; Sullivan, 2006; Piscitelli, 2014].

телей мозгового центра было выведение универсального рецепта организации контрпартизанской борьбы с учетом европейского колониального опыта (прежде всего британская Малайя и французский Индокитай)⁵. Можно также вспомнить работу Британской консультативной миссии в Южном Вьетнаме под началом сэра Роберта Томпсона в 1961–1965 гг., который в США считался экспертом в вопросах организации антиповстанческой деятельности благодаря службе в штабе руководителя операций в Малайе сэра Джерарда Темплера во время режима чрезвычайного положения в этой британской колонии в 1950-е годы [Elliot, 2010; Beckett, 1997].

В этом контексте данное исследование призвано решить несколько взаимосвязанных задач. Прежде всего, мы постараемся выявить особенности рецепции европейского колониального опыта в рамках формирования доктрины малых войн КМП США в таких

⁵ См., например: Hosmer S.T., Crane S.O. Counterinsurgency: A symposium, April 16–20, 1962 // RAND Corporation. Santa Monica, 2006. Available at: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2006/R412-1.pdf> (accessed: 15.06.2023); Galula D. Pacification in Algeria, 1956–1958 // RAND Corporation. Santa Monica, 2006. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2006/RAND_MG478-1.epub (accessed: 15.06.2023); Melnik C. The French campaign against the FLN. Memorandum RM-5449-ISA, September 1967 // RAND Corporation. Santa Monica, 1967. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2005/RM5449.pdf (accessed: 15.06.2023); Komer R.W. Malayan emergency in retrospect: Organization of a successful counterinsurgency effort. R-957-ARPA, February 1972 // RAND Corporation. Santa Monica, 1972. Available at: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R957.pdf> (accessed: 15.06.2023); Sunderland R. Antiguerrilla intelligence in Malaya, 1948–1960. Memorandum RM-4172-ISA, September 1964 // RAND Corporation. Santa Monica, 1964. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2005/RM4172.pdf (accessed: 15.06.2023); Sunderland R. Army operations in Malaya, 1947–1960. Memorandum RM-4170-ISA, September 1964 // RAND Corporation. Santa Monica, 1964. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2006/RM4170.pdf (accessed: 15.06.2023); Sunderland R. Organizing counterinsurgency in Malaya, 1947–1960. Memorandum RM-4171-ISA, September 1964 // RAND Corporation. Santa Monica, 1964. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2005/RM4171.pdf (accessed: 15.06.2023); Sunderland R. Resettlement and food control in Malaya. Memorandum RM-4173-ISA, September 1964 // RAND Corporation. Santa Monica, 1964. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2006/RM4173.pdf (accessed: 15.06.2023); Sunderland R. Winning the hearts and minds of the people: Malaya, 1948–1960. Memorandum RM-4174-ISA, September 1964 // RAND Corporation. Santa Monica, 1964. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2005/RM4174.pdf (accessed: 15.06.2023).

аспектах, как поддержка союзных политических режимов в странах присутствия и борьба с повстанческими движениями. Как таковое данное исследование преследует цель не только реконструировать идейно-теоретическую генеалогию доктрины малых войн Корпуса, но и оценить адекватность представлений американских военных и их европейских коллег в эпоху Интербеллума как о военной, так и о политической специфике конфликтов этого типа. Отдельное внимание будет уделено месту и роли доктрины в подготовке офицеров КМП США в качестве инструментального и символического экспертного знания на завершающем этапе существования глобальных колониальных империй и в эпоху ядерных супердержав.

Колониальные кампании и доктрина малых войн КМП США

В XIX в. американские интервенции носили спорадический и краткосрочный характер (Доминиканская Республика — 1800 г.; Пуэрто-Рико — 1824; Никарагуа — как исключительный случай — 1852, 1853, 1854, 1894, 1896, 1898; Гаити — 1888 г.). Однако после Испано-американской войны (1898) военно-политическое присутствие США в странах Карибского моря приобрело длительный характер, а практическое применение доктрины Монро оказалось тесно связанным с затяжными военными операциями против местных повстанцев [Renda, 2001; Daugherty, 2015]. Особый интерес к странам Карибского моря Вашингтон стал проявлять после запуска Панамского канала (официально — 1920 г., пробный пропуск кораблей — 1916 г.), в том числе в связи с опасениями, вызванными возможным проникновением в регион Германии накануне и во время Великой войны, а также в свете послевоенных финансовых противоречий, обусловленных попытками европейских игроков использовать проблему долгов латиноамериканских республик для оказания давления на Вашингтон. Некоторые специалисты именно это время считают началом становления *Rex Americana*, усматривая прямую связь между доктриной Монро и политикой «открытых дверей», с одной стороны, и участием США в Великой войне и процессе послевоенного мироустройства — с другой [Туз, 2017: 26].

Так или иначе, сохранение или восстановление политической и экономической стабильности в этих странах приобрело для США стратегическое значение. Именно с этой целью в 1904 г. президент

Теодор Рузвельт предложил новое толкование доктрины Монро — на основе «долларовой дипломатии» и «политики большой дубинки» (формально это обосновывалось необходимостью защиты жизни, интересов и собственности американских и иностранных граждан, а также урегулирования долговых обязательств латиноамериканских стран перед европейскими кредиторами) [Munro, 1964; Plummer, 1988; Veese, 2002]. Только в 1930 г., при президенте Герберте Гувере, в рамках «политики добрососедства» со странами Латинской Америки был обнародован меморандум заместителя государственного секретаря США Рубена Кларка от 1928 г., дезавуировавший интервенционистскую по характеру концепцию Т. Рузвельта, но не ставивший под сомнение право Соединенных Штатов в случае необходимости осуществить вооруженное вмешательство во внутренние дела государств региона [Gilderhus, 2006; McPherson, 2014]. Так, несмотря на заявленную смену подхода к политике в Латинской Америке, американские войска продолжали находиться в Никарагуа (до 1933 г.). В то же время происходило осмысление опыта, приобретенного в предшествующие годы в странах Карибского моря, что легло в основу доктринальных разработок во второй половине 1930-х годов⁶.

Основным инструментом реализации интервенционистского внешнеполитического курса в первой трети XX в. стал КМП США, что вполне объяснимо с практической точки зрения: отправка в зарубежные страны регулярных армейских частей выглядела бы как нападение, международный конфликт, явно выходящий за рамки «дружественной помощи» соседним государствам [Ellsworth, 1974: vi; Schmidt, 1987: 44–45, 126]. Военное министерство со своей стороны не испытывало энтузиазма по поводу интервенций после затяжных партизанских войн на Филиппинах и Кубе, последовавших практически сразу за окончанием Испано-американской войны [Millet, 1991: 152, 164; Collins, 1991: 91]. При этом примечательно, что в рамках

⁶ Small wars operations: 1935 revision / Ed. by H.L. Larsen. Quantico: Marine Corps Schools, 1936; Small wars manual. United States Marine Corps, 1940. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1940. Существует предположение, что первый устав Корпуса морской пехоты США по ведению малых войн был опубликован в 1930 г. Указание в названии издания 1935 г. на то, что это пересмотренная версия, косвенно свидетельствует о существовании более раннего издания, однако другие доказательства отсутствуют [McMonagle, 1996: 65].

практической реализации доктрины Монро Корпус с самого начала опирался не только на соответствующий американский опыт (приобретенный во время интервенций в страны Латинской Америки и «индейских войн» более ранней поры), но и на модели колониальной экспансии и контроля ряда ведущих европейских держав, проникновению которых в Западное полушарие Вашингтон как раз и решил противопоставить меры финансово-экономического и военно-политического характера.

С точки зрения институциональной структуры и статуса прослеживается очевидная параллель между КМП США и морской пехотой Франции, которая участвовала в колониальных предприятиях Парижа в первых рядах, однако в колониальную армию была формально преобразована только в 1900 г. при активном лоббировании этого решения состоявшими на колониальной службе политически активными представителями французского офицерского корпуса [Lyautey, 1900; Porch, 1986, 2013]. Организационно колониальные кампании европейских держав продолжительное время курировали, как и в случае с интервенциями США, не номинально профильные ведомства. В Великобритании в первой половине XIX в. эти функции выполняло военное министерство, отдельное министерство заведовало Индией, а МИД, разумеется, имел отношение ко всем колониальным вопросам⁷. Во Франции до начала XX в. практическая реализация колониальной политики находилась в ведении морского министерства (силовые операции), а общее направление колониальной политики определялось на основе взаимодействия различных министерств и групп интересов⁸. На этом фоне распределение ответственности за силовое сопровождение «долларовой дипломатии» между морским министерством и Государственным департаментом США не выглядит уникальным. Неудивительно, что КМП называли «войсками Госдепа».

⁷ При этом Индия являлась не колонией, а сложным конгломератом формально независимых княжеств и напрямую возглавляемых британским сувереном территорий «британского раджа» (1858–1947). Более того, Великобритания, в отличие от ряда континентальных держав, юридически никогда не была оформлена именно как империя.

⁸ «Колониальная партия» во Франции представляла собой объединение представителей разных политических сил, рода занятий и профессиональной принадлежности [Фомин, 2010].

Однако в данном случае речь идет именно о совпадениях, об общей логике проекции военной мощи за рубежом, обусловленной схожими (но отнюдь не идентичными) обстоятельствами и близостью некоторых внешнеполитических (точнее, военно-политических) задач; целеполагание при этом оставалось различным. Процесс институционализации опыта антиповстанческих операций Корпуса в Латинской Америке специалисты не без оснований связывают с началом соответствующих кампаний на Гаити (1915) и в Доминиканской Республике (1916) [Bickel, 2001]. Одновременно в КМП возник интерес к европейскому, прежде всего британскому, колониальному опыту. Круговорот идей в процессе эволюции военной мысли КМП США в рамках освоения практического наследия европейских колониальных держав начался с появлением в 1916 г. собственного печатного органа, «Журнала Корпуса морской пехоты», и последующей институционализацией изучения опыта ведения малых войн в рамках учебных программ в офицерских школах Корпуса в 1920–1930-е годы и шел достаточно медленно.

Первая публикация об особенностях ведения малых войн появилась в журнале в 1921 г., тогда же увидела свет и первая работа, в которой был представлен анализ непосредственно европейской практики колониального антиповстанчества, — «Стратегия и тактика малых войн» майора Сэмюэля Харрингтона, имевшего большой опыт участия в такого рода операциях в Латинской Америке⁹. Статья была включена в учебные планы офицерских школ морской пехоты, хотя была подготовлена на основе его собственной квалификационной работы. Наряду с опытом, который Корпус приобрел в Никарагуа, Гаити и Доминиканской Республике, С. Харрингтон анализировал опыт «индейских войн» США и британскую практику обеспечения внутренней безопасности в Индии. При этом во втором случае автор опирался главным образом на работу генерал-майора британской армии сэра Чарльза Эдуарда Коллвелла «Малые войны. Их принципы и практика», опубликованную в 1896 г. (переиздана

⁹ Ellis E.H. Bush brigades // Marine Corps Gazette. March 1921. Vol. 6. No. 1. P. 1–15. Available at: https://archive.org/details/sim_marine-corps-gazette_1921-03_6_1 (accessed: 15.06.2023); Harrington S.M. The strategy and tactics of small wars // Marine Corps Gazette. December 1921. Vol. 6. No. 4. P. 474–491. Available at: https://archive.org/details/sim_marine-corps-gazette_1921-12_6_4 (accessed: 15.06.2023).

в 1899 и 1906 гг.) [Callwell, 1906]¹⁰. Это сочинение стало настольной книгой офицерского корпуса британской армии в вопросах организации контрпартизанской борьбы в колониях [Whittingham, 2012]. Широкая известность и высокий авторитет этой работы, отсутствие языкового барьера и схожий характер разбираемых проблем объясняют большое значение, которое в КМП США придавали «Малым войнам» Ч.Э. Коллвелла¹¹.

Следующая публикация в журнале Корпуса, автор которой обратился к британскому колониальному опыту, вышла только 10 лет спустя — «Тактики и техники малых войн» майора Гарольда Ютли. Работа состояла из пяти частей, первые три были опубликованы в 1931 г.¹², оставшиеся две напечатаны в журнале в 1933 г. Автор, как и С. Харрингтон (на статью которого он тоже опирался), принял во внимание опыт «индейских войн», «Малые войны» генерала Ч.Э. Коллвелла, а также комментарии других офицеров КМП США и работу еще одного британского генерала — сэра Уильяма Чарльза Гиффарда Хенекера под названием «Военное дело в условиях партизанской войны» (1907) [Bush warfare..., 2009]. Это сочинение стало первым серьезным анализом проблематики малых войн в британской военной мысли после работы Ч.Э. Коллвелла и также входило в список рекомендованного чтения в военных учебных заведениях Великобритании в эпоху Интербеллума. Хотя, как заметил в этой связи майор корпуса Ричард МакМонагл, Г. Ютли скорее обобщил сформировавшиеся в англосаксонской военной традиции сведения и взгляды на специфику малой войны (включая Вторую англо-бурскую войну), чем предложил новый теоретический подход к этой проблеме¹³.

¹⁰ Harrington S.M. Op. cit.

¹¹ Ч.Э. Коллвелл был признанным военным теоретиком и стал лучшим автором сочинений военной тематики в рамках одного из конкурсов Королевского института объединенных служб — старейшей «фабрики мысли», образованной при Военном министерстве Великобритании в 1831 г. [Callwell, 1887].

¹² Utley H.H. An introduction to the tactics and technique of small wars // Marine Corps Gazette. May 1931. Vol. 16. No. 1. P. 50–53. Available at: https://archive.org/details/sim_marine-corps-gazette_1931-05_16_1/page/52/mode/2up (accessed: 15.06.2023); Utley H.H. The tactics and technique of small wars // Marine Corps Gazette. November 1933. Vol. 18. No. 3. P. 43–46. Available at: https://archive.org/details/sim_marine-corps-gazette_1933-11_18_3/page/46/mode/2up (accessed: 15.06.2023).

¹³ McMonagle R.C. Op. cit. P. 58.

В июне 1931 г. руководство Корпуса учредило специальный комитет для подготовки устава по ведению сухопутных операций, включая малые войны. Но дело продвигалось медленно, поскольку, во-первых, всё большее внимание уделялось комбинированным военно-морским операциям в свете роста потенциальной японской угрозы, а во-вторых, члены комитета были обременены своими первоочередными преподавательскими обязанностями в качестве инструкторов в офицерских школах КМП. Только в 1935 г. устав был подготовлен (переиздан в 1938 г.), а его новая редакция появилась в 1940 г. (усеченная версия первоначального варианта)¹⁴. С практической точки зрения, включая многочисленные конкретные примеры, устав был основан во многом на недавнем опыте американского вооруженного вмешательства во внутренние дела стран Карибского моря¹⁵, а вот в теоретическом плане его авторы в значительной степени опирались на «Малые войны» Ч.Э. Коллвелла. Известно, что помимо членов секции малых войн школ Корпуса в составе майора Генри Ларсена, майора Арнольда Якобсена и капитана Виктора Блисдэйла в подготовке устава принял участие майор Г. Ютли, который внес вклад в его содержание благодаря не только своим работам, вошедшим в учебные планы школ КМП, но и преподавательской деятельности в первой половине 1930-х годов (именно он инициировал первое существенное увеличение часов на преподавание малых войн в 1932 г.) [Birtle, 1998: 53, 57].

Колониальные модели внутренней безопасности и доктрина малых войн КМП США

Авторы устава КМП США о малых войнах действительно находились под заметным влиянием работ С. Харрингтона и Г. Ютли с точки зрения как структуры устава, так и приведенных в нем примеров. Вместе с тем наряду с уже стандартными отсылками к колониальному опыту Великобритании в интерпретации генерала Ч.Э. Коллвелла и «индейским войнам» самих США в устав

¹⁴ Small wars operations...; Small wars manual...

¹⁵ Опыт антиповстанческих операций на Филиппинах конца XIX — начала XX в. в устав не вошел, поскольку рассматривался как сфера компетенции армии, а не Корпуса морской пехоты США. Такое представление о «разделении труда» на доктринальном и теоретическом уровнях сохраняется по сей день [Birtle, 1998, 2006].

вошли эпизоды из истории военных кампаний этого рода, которые французы вели в Северной Африке в XIX — первой четверти XX в. и Индокитае в последней четверти XIX — начале XX в., испанцы — на Кубе в конце XIX в., сами американцы (как армия, так и морская пехота) — в Латинской Америке в XIX — первой четверти XX в.¹⁶ Разбирая примеры участия европейских армий в такой форме вооруженной борьбы, как герилья, авторы устава рационализировали и универсализировали ее в тактическом и операционном плане так же, как Ч.Э. Коллвелл, проводивший прямые параллели между характером инкорпорации Алжира, Северного Кавказа и Средней Азии в состав европейских держав в XIX в. и аналогичными процессами на Кубе, американском Западе и в Южной Африке на рубеже XIX–XX вв. [Callwell, 1906].

Особое внимание и в США, и в Великобритании обращали на отличительную особенность герильи: во всех указанных случаях метрополии имели дело с повстанцами, пользовавшимися широкой народной поддержкой. Закономерно, что авторы устава вслед за их британским коллегой пришли к выводу, что герилья — это такая модель партизанской войны, при которой центр тяжести усилий регулярной армии смещается от вооруженных отрядов повстанцев к самому населению мятежной территории¹⁷. В отличие от предшественников, авторы устава не только увеличили число выделяемых ими этапов малых войн с четырех до пяти, но и внесли принципиальные поправки в их трактовки, сделав основной акцент не столько на преследовании вооруженной оппозиции в рамках обычной контрпартизанской борьбы, сколько на обеспечении возобновления функционирования государственных институтов с помощью мер военно-полицейского характера и устранения причин для роста «революционных» настроений¹⁸.

¹⁶ Small wars operations... Chap. 1. Appendix 1: Historical examples of small wars missions. P. 19–21; Ibid. Chap. 2. Appendices. P. 13–16; Ibid. Chap. 4. Appendix 4: Historical examples of factors influencing composition of expeditionary forces. P. 53.

¹⁷ Примечательно, что именно Ч.Э. Коллвелл первым обратил особое внимание на принципиальное значение организации эффективной разведывательной деятельности для успешной борьбы с инсургентами — идеи, которая будет воспроизводиться во всех последующих знаковых работах британских военных теоретиков о герилье.

¹⁸ Small wars operations... Chap. 1, 2. P. 12–15; Ibid. Chap. 3, 14; Small wars manual... Chap. 13.

В этом смысле и устав 1935 г., и его более универсальная (за счет сокращения конкретно-исторических примеров) версия 1940 г. по идейно-теоретическому наполнению и целеполаганию близки не столько к «Малым войнам» Ч.Э. Коллвелла, сколько к еще одной известной работе в области колониального антиповстанчества — «Патрулируя империю» генерал-майора британской армии сэра Чарльза Уильяма Гвинна 1934 г. (труд был переиздан в 1936 и 1939 гг.) [Gwynn, 1939]. В 1934 г. появился и одноименный британский устав, в составлении которого, судя по текстуальным пересечениям и совпадениям, Ч.У. Гвинн принимал участие, что только подтверждает заметный интеллектуальный вес его сочинения с точки зрения теоретического и доктринального осмысления повстанческой активности¹⁹. Симптоматично, что британский и американский уставы появились почти одновременно, отражая схожие военно-политические задачи, которые стояли перед вооруженными силами Великобритании и США в межвоенный период. Так, из двенадцати случаев применения армии для восстановления британского присутствия за морями, рассмотренных Ч.У. Гвинном в качестве (не)приемлемых моделей обеспечения внутренней безопасности в империи, больше половины касались стран, формально не являвшихся британскими колониями (Египет, Судан, Кипр, Палестина, Китай)²⁰. В целом если «Малые войны» Ч.Э. Коллвелла — это сумма знаний в вопросах колониальных захватов, то устав КМП США о малых войнах посвящен в первую очередь организации интервенций в целях стабилизации союзных политических режимов.

Как и в случае с работой Ч.У. Гвинна, в уставе Корпуса о ведении малых войн речь идет не о расширении колоний, а о борьбе с повстанческими движениями («революционными» или национально-освободительными). Причем временной горизонт таких операций в обоих трудах не был жестко прописан: предполагалось, что военное присутствие должно быть прекращено по достижении местным

¹⁹ Notes on imperial policing. London: H.M. Stationery Office, 1934.

²⁰ Обеспечение безопасности европейского квартала в Шанхае в 1927 г. Ч.У. Гвинн рассматривал как показательный пример использования армии в качестве инструмента дипломатии, что роднит его подход со взглядами на Корпус морской пехоты в США, который называли «войсками Госдепа» [Gwynn, 1939: 181–220].

режимом политической зрелости, критерии которой должны были определяться каждый раз отдельно, исходя из местной специфики²¹.

При этом от прямого устрашения целых групп населения, о чем Ч.Э. Коллвелл открыто рассуждал в своей работе совершенно в духе эпохи активных колониальных захватов, в уставе КМП и исследовании Ч.У. Гвинна предлагалось перейти к политике сдерживания повстанческой активности путем превентивных ударов главным образом по наиболее активным «заговорщикам»²². Разведка (в идеале — в тесном взаимодействии с местными силами безопасности и опорой на сеть информаторов) объявлялась альфой и омегой эффективной борьбы с инсургентами. В этой связи особое внимание уделялось отношениям военных и гражданских властей. Несмотря на технические различия (в уставе Корпуса особое внимание уделено (ре)организации полиции и проведению выборов с целью обеспечить легитимность поддерживаемых США местных властей, а в британских наставлениях говорилось о необходимости содействовать скорейшему возобновлению функционирования колониальных администраций и полиции), обе школы военной мысли основную задачу военного присутствия за морями усматривали в создании благоприятных условий для перевода открытого вооруженного конфликта противоборствующих сторон в русло политического диалога [Gwynn, 1939; Simson, 1937]²³. Борьба «за сердца и умы» населения, среди которого скрываются мятежники, следовательно, рассматривалась необходимым условием победы в сочетании с точечными ударами по ним на основе разведанных [Malkin, 2021].

²¹ Подполковник британской армии Хью Джеймс Симсон, один из ведущих теоретиков колониального антиповстанчества в 1930-е годы, всю Британскую империю называл «великим экспериментом» [Simson, 1937: 30].

²² Основным недостатком «Малых войн» считается почти полное отсутствие внимания их автора к вопросам политического характера. Между тем труд содержит не единичные комментарии о последствиях военных кампаний для отношений между колониальными властями и местным населением. Их суть сводится к тому, что насилие должно оказывать необходимый для прекращения сопротивления «моральный эффект», но при этом не провоцировать затягивание борьбы в результате чрезмерной жестокости. Авторы устава морской пехоты о ведении малых войн придерживались этой же мысли, однако прямые отсылки к работе Ч.Э. Коллвелла касаются только вопросов тактического и операционного характера.

²³ Small wars operations... Chap. 13, 14, 32; Small wars manual... Chap. 12–14; Notes on imperial policing...

Первая половина XX в. ознаменовалась ростом угроз европейскому колониальному порядку со стороны панисламизма, национализма и коммунизма в сочетании с урбанизацией протестных и повстанческих движений и увеличением влияния средств массовой информации и общественного мнения [Jeffrey, 1984, 2006, 2008]. В этой связи вопросам работы с общественным мнением (как на родине, так и в опекаемых странах) в уставе КМП США о малых войнах уделено повышенное внимание²⁴. Осуществление внешнего контроля в этих обстоятельствах предполагало новый инструментарий, новые подходы и новую политику в отношении религиозных, национальных, социальных и политических движений, включая переосмысление герильи и контрпартизанской борьбы. Симптоматично, что британская армия впервые столкнулась с герильей нового типа в домашних водах (во время войны за независимость Ирландии в 1919–1921 гг.²⁵), а не в отдаленных заморских колониях — почти как американские войска (в Латинской Америке как уже традиционной сфере национальных интересов США в рамках доктрины Монро).

При этом употребление самого понятия «малая война» в уставе Корпуса не должно вводить в заблуждение. Его авторы, как и их британские коллеги, понимали зонтичный характер этого определения, которое в реалиях межвоенной поры обозначало самый широкий спектр вооруженных операций за пределами самих США, «по большей части в духе доктрины Монро»²⁶. Ч.Э. Коллвелл также объяснял свой выбор в пользу этого термина просто отсутствием более подходящего определения [Callwell, 1906: 21]. В рамках британской военной мысли рефлексия по поводу Войны за независимость Ирландии 1919–1921 гг. уже в начале 1920-х годов привела многих офицеров к взгляду на концепцию «малой войны» как на понятие,

²⁴ Small wars operations... Chap. 1–3, 14, 32.

²⁵ После ее завершения командование британской армии в Ирландии подготовило четырехтомное исследование повстанческой активности на острове и ответных мер армии и правительства с дальним прицелом — на случай, если подобное повторится «в любой другой части империи»: Rebellion in Ireland: Historical record // The National Archives. 20.04.2001. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C160165> (accessed: 15.06.2023); Record of the rebellion in Ireland in 1920/21 // The National Archives. 20.04.2001. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C160166> (accessed: 15.06.2023).

²⁶ Small wars operations... Chap. 1, Paragraph 2: Classes of small wars.

характеризующее прежде всего тактические аспекты проблемы, в то время как для описания стратегического значения и природы «Ирландской войны» применялась уже категория «герилья»²⁷. Этим понятием пользовались и авторы устава КМП США, причем в военной среде существовало вполне современное представление об исторических истоках этой формы вооруженной борьбы [Duru, 1939]. В самих Соединенных Штатах понятие «малая война» по логике употребления постепенно стало фактически синонимичным «патрулированию империи» (*Imperial policing*) — концепту, рутинно употреблявшемуся британскими военными до окончательного распада колониальной системы уже после Второй мировой войны²⁸.

Так или иначе, теоретические искания офицеров КМП и британской армии относительно полицейских функций вооруженных сил метрополии в колониях и опекаемых странах ознаменовали новый этап развития военной мысли Великобритании и США после Великой войны — от малых колониальных войн викторианской эпохи к современному пониманию антиповстанчества, предполагающему тесное переплетение военно-полицейских и политических мер ввиду необходимости добиться лояльности местного населения (на добровольной основе и принуждением), чтобы ограничить возможности повстанцев найти поддержку у рядовых обывателей [Malkin, 2019]. Речь шла при этом о качественном переосмыслении самих форм проекции военной мощи ведущих держав за рубежом для защи-

²⁷ Rebellion in Ireland: Historical record...

²⁸ Учебные планы Штабного колледжа в Кэмберли в 1950–1960-е годы наряду с изучением роли британских вооруженных сил в холодной войне всё еще включали курсы, посвященные полицейским функциям армии в колониях: Training syllabus. Staff College, Camberley, 1956–1958 // The National Archives (UK). War Office 231/101; Training syllabus. Staff College, Camberley, 1966 // The National Archives (UK). War Office 231/103; Training syllabus. Staff College, Camberley, 1968–1969 // The National Archives (UK). War Office 231/102. В целом процесс осмысления специфики контрпартизанской борьбы в британских вооруженных силах после Второй мировой войны приобрел второе дыхание с активизацией национально-освободительных движений в колониях: Mountain warfare against guerilla enemy. Final report on trials by 25 (experimental) infantry brigade, 1947 // The National Archives (UK). War Office 231/34; Imperial policing and duties in aid of the civil power, 1949 // The National Archives (UK). FCO 141/11920; Blair C.N.M. Guerilla Warfare // The National Archives (UK). War Office 231/80; Ministerial committee to review organization of armed forces, police and security services in the colonies, 1955–1958 // The National Archives (UK). T 220/577.

ты своих интересов. Сравнительный анализ теоретических работ и доктрин Корпуса и британской армии позволяет зафиксировать своеобразную конвергенцию моделей внешнего управления ведущих морских держав первой половины XX в.²⁹ С точки зрения и практики интервенций, и основанных на ней военных доктрин подходы США и европейских колониальных империй в этом вопросе в эпоху Интербеллума смыкались и демонстрировали общий алгоритм не только на тактическом и операционном, но и на стратегическом уровнях.

Так, принцип минимума силы (ее соразмерной достаточности), выполнение армией и морской пехотой полицейских функций, организация поисковых («летучих») отрядов, учреждение кордонной системы и стратегия «масляного пятна» (восстановление контроля в охваченной мятежом стране по частям) были рельефно представлены как в уставе Корпуса, так и в работе Ч.У. Гвинна, одноименном уставе британской армии и аналогичных сочинениях и колониальной практике французских военных в Индокитае, Алжире и Марокко [Bennett, 2010; Lloyd, 2010; Tripodi, 2010; Rid, 2010; Finch, 2013]. Причем французский опыт борьбы с инсургентами в Юго-Восточной Азии и Северной Африке вошел в перечень примеров малых войн, представленных в уставе КМП США³⁰.

Влияние колониального опыта прослеживается не только в теории, доктринах и практике участия Корпуса в малых войнах, но и в программах подготовки его офицеров. Изучение малых войн в рамках учебного процесса в офицерских школах КМП отражало общую динамику их осмысления на теоретическом уровне. В 1924–1925 гг. всего 9 часов из примерно 1000 (в рамках двухлетней программы обучения) было отведено на изучение теории и практики малых войн в современных условиях. Курс вел служивший ранее на Гаити полковник Уильям Апшур, возглавлявший тренировочные школы Корпуса в Куантико и участвовавший в составлении устава

²⁹ Некоторые члены британского кабинета министров в этой связи высказались достаточно определенно на фоне краха восточного фронта, ослабления Франции и укрепления позиций Великобритании на Ближнем Востоке в 1917 г.: наряду с установлением британского контроля в Западном Средиземноморье и Восточной Африке предлагался британский вариант доктрины Монро в Индийском океане и прилегающих к нему регионах [Туз, 2017: 254].

³⁰ Small wars operations... Chap. 2. Appendices. P. 13–16; Chap. 4. Appendix 4: Historical examples of factors influencing composition of expeditionary forces. P. 53.

Корпуса о малых войнах 1935 г. [Shaffer, 1972: 46]. В 1930–1931 гг. на этот предмет отводилось 10 часов из 1016. В 1932 г. было выделено уже 19 часов, а курс вел майор Г. Ютли, имевший опыт службы в Никарагуа и являвшийся автором работ, на которые опирались составители устава Корпуса о малых войнах³¹. На 1934–1935 гг. пришелся пик интереса к изучению опыта малых войн в офицерских школах КМП, неслучайно совпавший по времени с составлением соответствующего устава, — 187 часов. В 1937–1938 гг. объем учебной нагрузки по этой дисциплине снизился до 45 часов, что отражало падение интереса у руководства Корпуса к интервенциям в форме малых войн в пользу десантных операций по поддержке действий ВМФ [Shaffer, 1972: 46]³².

К 1938 г. сторонники малых войн в руководстве Корпуса утратили былое влияние (в том числе на командном уровне и в руководстве офицерскими школами)³³. Было очевидно, что грядущий военный конфликт будет иметь конвенциональный характер (внешнеполитические амбиции Японии на этот счет почти не оставляли сомнений) и потому потребует от Корпуса главным образом проведения амфибийных операций. Кроме того, еще раньше свою роль в этой переориентации приоритетов КМП в подготовке к грядущим конфликтам сыграл и новый курс Вашингтона в отношениях со странами Латинской Америки («политика доброго соседа»), провозглашенный в начале 1930-х годов. Таким образом, с началом Второй мировой войны устав КМП США о малых войнах (редакцию 1940 г.) ожидало забвение. При этом личный опыт участия офицеров Корпуса в малых войнах в межвоенный период сильно разнился и потому мог лишь частично компенсировать этот пробел в профессиональной подготовке [Bickel, 2001: 16].

В самом начале скатывания США в трясину Вьетнамской войны в Корпусе подготовили новый устав по организации антиповстанческих операций, однако подходы к ним теперь определялись реалиями холодной войны: «В современном контексте подрывная подпольная деятельность вдохновляется, поддерживается и исполь-

³¹ Utley H.H. An introduction to the tactics and technique of small wars...; Utley H.H. The tactics and technique of small wars...

³² McMonagle R.C. Op. cit. P. 65.

³³ Ibid. P. 54–55.

зуется в основном коммунистами»³⁴. Переиздание первого устава Корпуса о малых войнах уже в 1987 г. вернуло в дискуссионное поле идеи и концепции, высказанные его авторами на основе анализа опыта интервенций США в Латинской Америке и колониальных кампаний европейских держав первой половины XX в. Очередной всплеск интереса пришелся уже на начало XXI в. в связи с военными кампаниями США в Афганистане и Ираке [Ford, 2003; Prater, 2005; Kent, 2006; Sullivan, 2006]. Генерал КМП Джеймс Норман Мэттис, командовавший 1-й дивизией Корпуса в Ираке, рекомендовал офицерам внимательно ознакомиться с уставом КМП о малых войнах 1940 г., считая изложенные в нем рекомендации пригодными для ситуации, в которой оказались американские военные на Ближнем и Среднем Востоке. Однако интерес к опыту малых войн эпохи Интербеллума не стал определяющим ни с доктринальной точки зрения, ни в рамках подготовки офицерского корпуса. Отношение к уставу в армии и Корпусе повторяло ситуацию 1960-х годов: в 2006 г. был представлен новый устав армии и КМП США, в котором опыт колониального антиповстанчества европейских держав был ограничен примерами после Второй мировой войны (Малайя, Кения, Алжир, Индокитай)³⁵.

³⁴ Operations against guerrilla forces. FMFM-21. Washington, D.C.: United States Department of the Navy; United States Marine Corps, 1962. Sec. 1, Paragraph 102. В журнале Корпуса, посвященном китайской модели партизанской войны и представленном президенту США Джону Ф. Кеннеди комендантом Корпуса генералом Дэвидом Монро Шупом, разбирались примеры колониального антиповстанчества только после Второй мировой войны [Mans, 1965; Fall, 1965; Bethouart, 1965].

³⁵ The U.S. Army and Marine Corps counterinsurgency field manual. U.S. Army field manual No. 3-24. Marine Corps warfighting publication No. 3-33.5. Chicago: The University of Chicago Press, 2006. Поступив в открытую продажу в 2007 г., этот устав в США стал бестселлером года. Как заметил почетный профессор Дуглас Порч (Военно-морская аспирантура ВМС США, Оксфордский университет), новый устав представлял собой «доктрину эскапизма... — бегство от демократического гражданского контроля, даже от модерности, в направлении анахроничного, романтизированного, ориенталистского взгляда, целенаправленно проецирующего западные стандарты и западные предрассудки на незападные общества» [Porch, 2013: 330]. Попытки буквально применить антиповстанческий опыт полувековой давности привели к негативным последствиям для военного присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке в 2000-е годы. Сохраняющийся высокий конфликтный потенциал региона наглядно демонстрирует дефицит стратегии, основанной на бездумном копировании колониального опыта европейских держав.

* * *

Таким образом, отношение к колониальному опыту европейских держав в вооруженных силах США (и в армии, и в морской пехоте) с точки зрения его применимости к проекции военной мощи за рубежом (как в региональном измерении, так и в глобальном — с началом холодной войны) характеризовалось двойственностью на каждом из этапов исторического развития. В первой половине XX в. колониальные империи воспринимались в качестве одновременно и конкурентов за влияние (в странах Латинской Америки, на Ближнем Востоке и в Азии), и сопоставимых примеров различных моделей обеспечения внутренней безопасности в государствах присутствия. При этом можно говорить о конвергенции идей и практик в этом вопросе — во всяком случае, в том, что касается развития «имперской школы» британской военной мысли в тот же период. Весьма прагматичный подход КМП США к заимствованию релевантного опыта европейских держав по организации антиповстанческой деятельности на зависимых территориях характеризовался интересом как к тактическим приемам контрпартизанской борьбы в колониях до Великой войны, так и к стратегическим решениям, обусловленным декларативными принципами Версальско-Вашингтонского миропорядка (прежде всего право народов на самоопределение и равноправие государств на международной политической арене) и ростом влияния общественного мнения и средств массовой информации.

Профессор Кристофер Гриффин из Университета Анже в Нанте справедливо предположил, что «революция в колониальном военном деле» последней четверти XIX — первой четверти XX в., вероятно, произошла независимо друг от друга в разных державах³⁶. Он же отметил, что французские военные проявляли практический интерес к британской модели непрямого правления. Но точно так же поступали и склонные к теоретическим обобщениям офицеры КМП США в отношении европейского колониального опыта в целом. Синхронность эволюции военной мысли ведущих держав в этом направлении и сравнительный анализ доктринальных документов не только подтверждают мысль К. Гриффина о наличии колониального

³⁶ Griffin C. A revolution in colonial military affairs: Gallieni, Lyautey, and the 'Tache d'huile': Paper prepared for the 2009 British International Studies Association Conference. Leicester, December 14–16, 2009.

измерения военных революций на Западе, но и свидетельствуют о том, что силовые ведомства США проявляли утилитарный интерес к релевантному опыту глобальных империй в рамках практической реализации доктрины Монро в странах Латинской Америки в межвоенный период.

Во второй половине XX — начале XXI в. попытки прямого копирования антиповстанческой практики колониальных империй сочетались с имитацией этого процесса в пропагандистских целях³⁷. Резкое падение заметного интереса к проблематике малых войн после Вьетнама (как на теоретическом и доктринальном уровнях, так и с точки зрения практической подготовки офицерского корпуса) объясняется изменениями в оценках данной практики многими представителями военных кругов США: они утверждали, что антиповстанчество — это aberrация военного мышления, а основная задача вооруженных сил — подготовка к участию в конвенциональном конфликте. В первом десятилетии XXI в. оказалось, что это не так: события на Ближнем и Среднем Востоке заставили реанимировать забытые подходы и доктрины (с акцентом на осмыслении европейского колониального опыта после Второй мировой войны). Очевидно, что такое чередование приоритетности асимметричных и конвенциональных угроз (как реальных, так и мнимых) в документах, посвященных проблемам национальной безопасности США, сохранится и в дальнейшем, поэтому анализ различных форм проекции американской мощи за рубежом, в том числе с опорой на колониальный опыт европейских держав, имеет не только академическое значение, включая, разумеется, первый и наиболее длительный пример — малые войны КМП США после Великой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гобсон Дж.А. Империализм. М.: URSS, 2018.
2. Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск: Издательство Томского университета, 2009.
3. Егорова Н.И. «Новая история холодной войны» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116–129.

³⁷ Эти же этапы выделяет Т. Рюттерхоф в работе о роли экспертного знания в американской антиповстанческой стратегии [Ruettershoff, 2015].

4. Егорова Н.И. Холодная война в освещении новейшей российской историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. № 7 (30). С. 9. Доступ: <https://history.jes.su/s207987840000842-5-1/> (дата обращения: 15.06.2023).

5. Зобнин А. Теория домино в научном дискурсе // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2 (45). С. 65–77. DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/5.

6. Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.

7. Малкин С.Г., Буранок С.О., Левин Я.А., Нестеров Д.А. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Т. 1: Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «холодной войны». Самара: Издательство СамНЦ РАН, 2019.

8. Малкин С.Г., Буранок С.О., Левин Я.А., Нестеров Д.А. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Т. 2: Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «войны с террором». Самара: Издательство СамНЦ РАН, 2020.

9. Сандерленд В. Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–149.

10. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

11. Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М.: Центрполиграф, 2016.

12. Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель, 2013.

13. Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.

14. Beckett I.F.W. Forward to the past: Reflections on British responses to insurgency // Militaire Spectator. 2008. Vol. 177. No. 3. P. 144–154.

15. Beckett I.F.W. Robert Thompson and the British advisory mission to South Vietnam, 1961–1965 // Small Wars & Insurgencies. 1997. Vol. 8. No. 3. P. 41–63. DOI: 10.1080/09592319708423184.

16. Bennett H. Minimum force in British counterinsurgency // Small Wars & Insurgencies. 2010. Vol. 21. No. 3. P. 459–475. DOI: 10.1080/09592318.2010.505475.

17. Berger M.T. Decolonisation, modernisation and nation-building: Political development theory and the appeal of communism in Southeast Asia,

1945–1975 // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2003. Vol. 34. No. 3. P. 421–448. DOI: 10.1017/S0022463403000419.

18. Bethouart H. *Combat helicopters in Algeria // The guerrilla — and how to fight him. Selections from the Marine Corps Gazette / Ed. by T.N. Greene. New York: Frederick A. Praeger, 1965. P. 260–269.*

19. Bickel K.B. *Mars learning: The Marine Corps' development of small wars doctrine, 1915–1940. New York: Routledge, 2001.*

20. Birtle A.J. *U.S. Army counterinsurgency and contingency operations doctrine, 1860–1941. Washington, D.C.: Center of Military History, United States Army, 1998.*

21. Birtle A.J. *U.S. Army counterinsurgency and contingency operations doctrine, 1942–1976. Washington, D.C.: Center of Military History, United States Army, 2006.*

22. *British and French colonialism in Africa, Asia and the Middle East: Connected empires across the eighteenth to the twentieth centuries / Ed. by J.R. Fichter. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.*

23. *Bush warfare: The early writings of General Sir William C.G. Heneker, KCB KCMG, DSO / Ed. by A.B. Godefroy. Kingston: Directorate of Land Concepts and Designs, 2009.*

24. Callwell C.E. *Lessons to be learnt from the campaigns in which British forces have been employed since the year 1865 // Journal of the Royal United Service Institution. 1887. Vol. 31. No. 139. P. 357–412. DOI: 10.1080/0307184870941582.*

25. Callwell C.E. *Small wars. Their principles and practice. London: Harrison and Sons, 1906.*

26. Clemis M.G. *Crafting non-kinetic warfare: The academic-military nexus in US counterinsurgency doctrine // Small Wars and Insurgencies. 2009. Vol. 20. No. 1. P. 160–184. DOI: 10.1080/09592310802573590.*

27. Collins J.M. *America's small wars: Lessons for the future. Washington, D.C.: Brassey's (US), 1991.*

28. Daugherty L.J. *Counterinsurgency and the United States Marine Corps. Vol. 1: The first counterinsurgency era, 1899–1945. Jefferson: McFarland, 2015.*

29. Dupuy R.E. *The nature of guerilla warfare // Pacific Affairs. 1939. Vol. 12. No. 2. P. 138–148. DOI: 10.2307/2750798.*

30. Elliot M. *RAND in Southeast Asia: A history of the Vietnam war era. Santa Monica: RAND Corporation, 2010.*

31. Ellsworth H.A. *One hundred eighty landings of United States marines, 1800–1934. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1974.*

32. Fall B.B. *Street without joy // The guerrilla — and how to fight him. Selections from the Marine Corps Gazette / Ed. by T.N. Greene. New York: Frederick A. Praeger, 1965. P. 178–198.*

33. Finch M.P.M. A progressive occupation? The Gallieni-Lyautey method and colonial pacification in Tonkin and Madagascar, 1885–1900. Oxford: Oxford University Press, 2013.

34. Ford A.S. The small war manual and marine corps military operations other than war doctrine. The U.S. Army command and General Staff College. MA Thesis. Fort Leavenworth, 2003.

35. French D. Army, empire and Cold War: The British Army and military policy, 1945–1971. Oxford: Oxford University Press, 2012.

36. Gallagher J., Robinson R. The imperialism of free trade // *The Economic History Review*. 1953. Vol. 6. No. 1. P. 1–15. DOI: 10.1111/J.1468-0289.1953.TB01482.X.

37. Gannon S.W. The Irish Imperial Service: Policing Palestine and administering the empire, 1922–1966. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.

38. Gilderhus M.T. The Monroe Doctrine: Meanings and implications // *Presidential Studies Quarterly*. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.

39. Gwynn Ch.W. Imperial policing. London: Macmillan, 1939.

40. Hevia J. The imperial security state: British colonial knowledge and empire-building in Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

41. Hodge J.M. British colonial expertise, post-colonial careerism and the early history of international development // *Journal of Modern European History*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 24–46. DOI: 10.17104/1611-8944_2010_1_24.

42. Hodge J.M. Triumph of the expert: Agrarian doctrines of development and the legacies of British colonialism. Athens: Ohio University Press, 2007.

43. Jeffrey K. The British Army and the crisis of empire, 1918–22. Manchester: Manchester University Press, 1984.

44. Jeffrey K. Field Marshal Henry Wilson: A political soldier. Oxford: Oxford University Press, 2006.

45. Jeffrey K. The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland in the 'British world' // *Irish Historical Studies*. 2008. Vol. 36. No. 142. P. 243–256. DOI: 10.1017/S0021121400007069.

46. Kent R.D. The small wars manual and counterinsurgency. Quantico: Marine Corps Command and Staff College; Marine Corps Combat Development Command, 2006.

47. Kinzer S. Overthrow: America's century of regime change from Hawaii to Iraq. New York: Times Books, 2006.

48. Lindner U. New forms of knowledge exchange between imperial powers: The development of the Institute Colonial International (ICI) since the end of the nineteenth century // *Imperial cooperation and transfer, 1870–1930: Empires and encounters* / Ed. by V. Barth, R. Cvetkovski. London: Bloomsbury Academic, 2015. P. 57–78.

49. Lloyd N. The Amritsar massacre and the minimum force debate // *Small Wars & Insurgencies*. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 382–403. DOI: 10.1080/09592318.2010.481436.

50. Lorcin P.M.E. Pax Romana transposed: Rome as an exemplar for western imperialism // *Routledge history of western empires* / Ed. by R. Aldrich, K. McKenzie. London: Routledge, 2013. P. 409–422.

51. Louis W.R. The British empire in the Middle East, 1945–1951: Arab nationalism, the United States, and postwar imperialism. Oxford: Clarendon Press, 1984.

52. Louis W.R. The dissolution of the British empire in the era of Vietnam // *The American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 1. P. 1–25. DOI: 10.1086/ahr/107.1.1.

53. Louis W.R. Ends of British imperialism: The scramble for empire, Suez and decolonization. London; New York: I.B. Tauris, 2006.

54. Louis W.R. Imperialism at bay, 1941–1945: The United States and the decolonization of the British Empire. Oxford: Clarendon Press, 1977.

55. Louis W.R., Robinson D. The imperialism of decolonization // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1994. Vol. 22. No. 3. P. 462–511. DOI: 10.1080/03086539408582936.

56. Lyautey L.H.G. Du role colonial de l'armee. Paris: Armand Colin, 1900.

57. Mack A. Counterinsurgency in the Third World: Theory and practice // *Review of International Studies*. 1975. Vol. 1. No. 3. P. 226–253. DOI: 10.1017/S0260210500116791.

58. Maier C.S. Among empires: American ascendancy and its predecessors. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

59. Malkin S. From small wars to counterinsurgency: Ch.W. Gwynn, 'Imperial policing' and transformation of doctrine // *Small Wars & Insurgencies*. 2019. Vol. 30. No. 3. P. 660–678. DOI: 10.1080/09592318.2019.1601870.

60. Malkin S. 'Lessons learned' during the interbellum: 'Irish war' and British counterinsurgency // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Vol. 32. No. 4–5. P. 598–618. DOI: 10.1080/09592318.2020.1798082.

61. Mans R.S.N. Victory in Malaya // *The guerrilla — and how to fight him*. Selections from the Marine Corps Gazette / Ed. by T.N. Greene. New York: Frederick A. Praeger, 1965. P. 115–144.

62. Marotta G. The academic mind and the rise of U.S. imperialism: Historians and economists as publicists for ideas of colonial expansion // *American Journal of Economics and Sociology*. 1983. Vol. 42. No. 2. P. 217–234. DOI: 10.1111/j.1536-7150.1983.tb01707.x.

63. McMonagle R.C. The small wars manual and military operations other than war. MA Thesis. Fort Leavenworth, 1996.

64. McPherson A. Herbert Hoover, occupation withdrawal, and the good neighbor policy // *Presidential Studies Quarterly*. 2014. Vol. 44. No. 4. P. 623–639. DOI: 10.1111/psq.12153.

65. Miller D., Mills T. Counterinsurgency and terror expertise: The integration of social scientists into the war effort // *Cambridge Review of International Affairs*. 2010. Vol. 23. No. 2. P. 203–221. DOI: 10.1080/09557571.2010.481664.

66. Millett A.R. *Semper fidelis: The history of the United States Marine Corps*. New York: Free Press, 1991.

67. Morrissey J. Architects of empire: The military-strategic studies complex and the scripting of US national security // *Antipode*. 2011. Vol. 43. No. 2. P. 435–470. DOI: 10.1111/j.1467-8330.2010.00774.x.

68. Munro D.G. *Intervention and dollar diplomacy in the Caribbean, 1900–1921*. Princeton: Princeton University Press, 1964.

69. Neep D. *Occupying Syria under the French mandate: Insurgency, space and state formation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

70. Palmer R.R. The American historical association in 1970 // *American Historical Review*. 1971. Vol. 76. No. 1. P. 1–15. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1869774> (accessed: 15.06.2023). DOI: 10.2307/1869774.

71. Parchami A. *Hegemonic peace and empire: The Pax Romania, Britannica and Americana*. London: Routledge, 2009.

72. Peic G., Reiter D. Foreign-imposed regime change, state power and civil war onset, 1920–2004 // *British Journal of Political Studies*. 2010. Vol. 41. No. 3. P. 453–475. DOI: 10.1017/S0007123410000426.

73. Piscitelli A.J. *The United States Marine Corps way of war*. PhD Thesis. Glasgow, 2014.

74. Plummer B.G. *Haiti and the great powers, 1902–1915*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988.

75. Porch D. Bugeaud, Gallieni, Lyautey: The development of French colonial warfare // *Makers of modern strategy: From Machiavelli to the nuclear age* / Ed. by P. Paret. Princeton: Princeton University Press, 1986. P. 376–407.

76. Porch D. *Counterinsurgency: Exposing the myths of the new way of war*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

77. Prater I.M. *Rediscovering the small wars manual: A guide to 21st century warfare*. Quantico: Marine Corps Command and Staff College; Marine Corps Combat Development Command, 2005.

78. Renda M.A. *Taking Haiti: Military occupation and the culture of U.S. imperialism, 1915–1940*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001.

79. Rid T. The nineteenth century origins of counterinsurgency doctrine // *The Journal of Strategic Studies*. 2010. Vol. 33. No. 5. P. 727–758. DOI: 10.1080/01402390.2010.498259.

80. Ruettershoff T. *Counterinsurgency as ideology. The evolution of expert knowledge production in U.S. asymmetric warfare (1898–2011): The cases of the Philippines, Vietnam and Iraq*. PhD Thesis. Exeter, 2015.

81. Schaffer R. The 1940 small wars manual and the 'lessons of history' // *Military Affairs*. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 46–51. DOI: 10.2307/1984432.

82. Schmidt H. *Maverick marine: General Smedley D. Butler and the contradictions of American military history*. Lexington: University Press of Kentucky, 1987.

83. Schumacher F. The American way of empire: National tradition and transatlantic adaptation in America's search for imperial identity, 1898–1910 // *Bulletin of the German Historical Institute*. 2002. No. 31. P. 35–50.

84. *Security expertise: Practice, power, responsibility* / Ed. by T.V. Berling, C. Bueger. London: Routledge, 2015.

85. Simson H.J. *British rule and rebellion*. Edinburgh; London: William Blackwood & Sons Ltd., 1937.

86. Snow A.H. *The administration of dependencies: A study of the evolution of the federal empire with special reference to American colonial problems*. New York: G.P. Putnam's sons, 1902.

87. Sullivan J.P. *The Marine Corps' small wars manual and colonel C.E. Callwell's small wars — Relevant to the twenty-first century or irrelevant anachronisms*. MA Thesis. Quantico, 2006.

88. *The theory and practice of irregular warfare. Warrior-scholarship in counter-insurgency* / Ed. by A. Mumford, B.C. Reis. New York: Routledge, 2014.

89. Thomas M. *Empires of intelligence. Security services and colonial disorder after 1914*. Berkeley: University of California Press, 2008.

90. Thomas M. *France's North African crisis, 1945–1955: Cold War and colonial imperatives* // *History*. 2007. Vol. 92. No. 2 (306). P. 207–234.

91. Tripodi C. *Enlightened pacification: Imperial precedents for current stabilisation operations* // *Defence Studies*. 2010. Vol. 10. No. 1–2. P. 40–74. DOI: 10.1080/14702430903378009.

92. Veaser C. *A world safe for capitalism: Dollar diplomacy and America's rise to global power*. New York: Columbia University Press, 2002.

93. Wempe S.A. *Revenants of the German empire: Colonial Germans, imperialism, and the League of Nations*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

94. Westad A.O. *The global Cold War: Third world interventions and the making of our times*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007.

95. Whittingham D. 'Savage warfare': C.E. Callwell, the roots of counter-insurgency, and the nineteenth century context // *Small Wars & Insurgencies*. 2012. Vol. 23. No. 4–5. P. 591–607. DOI: 10.1080/09592318.2012.709769.

96. Williams W.A. *The roots of the modern American empire: A study of the growth and shaping of social consciousness in a marketplace society*. New York: Random House, 1969.

REFERENCES

1. Hobson J.A. 1902. *Imperialism: A study*. London, James Nisbet & Co., Ltd. [Russ. ed.: Gobson Dzh.A. 2018. *Imperializm*. Moscow, URSS Publ.].

2. Deriglazova L.V. 2009. *Asimmetrichnye konflikty: uravnenie so mnogimi neizvestnymi* [Asymmetric conflicts: An equation with many unknown variables]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ. (In Russ.)

3. Egorova N.I. 2009. 'Novaya istoriya kholodnoi voiny' v sovremennykh zarubezhnykh issledovaniyakh ['New history of the Cold War' in modern foreign researches]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 116–129. (In Russ.)

4. Egorova N.I. 2014. Kholodnaya voina v osveshchenii noveishei rossiiskoi istoriografii [The Cold War in recent Russian historiography]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal 'Istoriya'*, vol. 5, no. 7 (30), p. 9. Available at: <https://history.jes.su/s207987840000842-5-1/> (accessed: 15.06.2023). (In Russ.)

5. Zobnin A. 2016. Teoriya domino v nauchnom diskurse [Domino theory in scientific discourse]. *International Trends*, vol. 14, no. 2 (45), pp. 65–77. DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/5. (In Russ.)

6. Easterly W. 2013. *The tyranny of experts: Economists, dictators, and the forgotten rights of the poor*. New York, Basic Books [Russ. ed.: Isterli U. 2016. *Tiraniya ekspertov. Ekonomisty, diktatory i zabytye prava bednykh*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ.].

7. Malkin S.G., Buranok S.O., Levin Ya.A., Nesterov D.A. 2019. *Kolonial'noe znanie v postkolonial'nyu epokhu: istoricheskoe modelirovanie asimmetrichnykh konfliktov. Vol. 1: Istoricheskoe modelirovanie asimmetrichnykh konfliktov v epokhu 'kholodnoi voiny'* [Colonial knowledge in the postcolonial era: Historical modeling of asymmetric conflicts. Vol. 1: Historical modeling of asymmetric conflicts in the Cold War era]. Samara, Izdatel'stvo SamNTs RAN Publ. (In Russ.)

8. Malkin S.G., Buranok S.O., Levin Ya.A., Nesterov D.A. 2020. *Kolonial'noe znanie v postkolonial'nyu epokhu: istoricheskoe modelirovanie asimmetrichnykh konfliktov. Vol. 2: Istoricheskoe modelirovanie asimmetrichnykh konfliktov v epokhu 'voiny s terrorom'* [Colonial knowledge in the postcolonial era: Historical modeling of asymmetric conflicts. Vol. 2: Historical modeling of asymmetric conflicts in the era of the 'war on terror']. Samara, Izdatel'stvo SamNTs RAN Publ. (In Russ.)

9. Sanderlend V. 2010. Ministerstvo aziatskoi Rossii: nikogda ne sushchestvovalsya, no imevsya dlya etogo vse shansy kolonial'noe vedomstvo [Ministry of Asian Russia: The colonial office that never existed, but had every chance for this]. In: Aust M., Vul'pius R., Miller M. (eds.). *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 105–149. (In Russ.)

10. Tooze A. 2014. *The deluge: The Great War, America and the remaking of the global order, 1916–1931*. New York, Viking Adult [Russ. ed.: Tuz A. 2017. *Vsemirnyi potop. Velikaya voina i pereustroistvo mirovogo poryadka, 1916–1931 gody*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ.].

11. Walton C. 2013. *Empire of secrets: British intelligence, the Cold War, and the twilight of empire*. New York, Overlook Press [Russ. ed.: Uolton K. 2016. *Britanskaya razvedka vo vremena kholodnoi voiny. Sekretnye operatsii MI-5 i MI-6*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ.].
12. Ferguson N. 2004. *Empire: How Britain made the modern world*. London, Penguin [Russ. ed.: Fergysun N. 2013. *Imperiya. Chem sovremennyyi mir obyazan Britanii*. Moscow, Astrel' Publ.].
13. Fomin A.M. 2010. *Voina s prodolzheniem. Velikobritaniya i Frantsiya v bor'be za 'Osmanskoe nasledstvo', 1918–1923* [The war with the sequel. Great Britain and France in the struggle for the 'Ottoman legacy', 1918–1923]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ. (In Russ.)
14. Beckett I.F.W. 2008. Forward to the past: Reflections on British responses to insurgency. *Militaire Spectator*, vol. 177, no. 3, pp. 144–154.
15. Beckett I.F.W. 1997. Robert Thompson and the British advisory mission to South Vietnam, 1961–1965. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 8, no. 3, pp. 41–63. DOI: 10.1080/09592319708423184.
16. Bennett H. 2010. Minimum force in British counterinsurgency. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 21, no. 3, pp. 459–475. DOI: 10.1080/09592318.2010.505475.
17. Berger M.T. 2003. Decolonisation, modernisation and nation-building: Political development theory and the appeal of communism in Southeast Asia, 1945–1975. *Journal of Southeast Asian Studies*, vol. 34, no. 3, pp. 421–448. DOI: 10.1017/S0022463403000419.
18. Bethouart H. 1965. Combat helicopters in Algeria. In: Greene T.N. (ed.). *The guerrilla — and how to fight him. Selections from the Marine Corps Gazette*. New York, Frederick A. Praeger, pp. 260–269.
19. Bickel K.B. 2001. *Mars learning: The Marine Corps' development of small wars doctrine, 1915–1940*. New York, Routledge.
20. Birtle A.J. 1998. *U.S. Army counterinsurgency and contingency operations doctrine, 1860–1941*. Washington, D.C., Center of Military History, United States Army.
21. Birtle A.J. 2006. *U.S. Army counterinsurgency and contingency operations doctrine, 1942–1976*. Washington, D.C., Center of Military History, United States Army.
22. Fichter J.R. (ed.). 2019. *British and French colonialism in Africa, Asia and the Middle East: Connected empires across the eighteenth to the twentieth centuries*. Cham, Palgrave Macmillan.
23. Godefroy A.B. (ed.). 2009. *Bush warfare: The early writings of General Sir William C.G. Heneker, KCB KCMG, DSO*. Kingston, Directorate of Land Concepts and Designs.
24. Callwell C.E. 1887. Lessons to be learnt from the campaigns in which British forces have been employed since the year 1865. *Journal of the Royal United Service Institution*, vol. 31, no. 139, pp. 357–412. DOI: 10.1080/0307184870941582.

25. Callwell C.E. 1906. *Small wars. Their principles and practice*. London, Harrison and Sons.

26. Clemis M.G. 2009. Crafting non-kinetic warfare: The academic-military nexus in US counterinsurgency doctrine. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 20, no. 1, pp. 160–184. DOI: 10.1080/09592310802573590.

27. Collins J.M. 1991. *America's small wars: Lessons for the future*. Washington, D.C., Brassey's (US).

28. Daugherty L.J. 2015. *Counterinsurgency and the United States Marine Corps. Vol. 1: The first counterinsurgency era, 1899–1945*. Jefferson, McFarland.

29. Dupuy R.E. 1939. The nature of guerilla warfare. *Pacific Affairs*, vol. 12, no. 2, pp. 138–148. DOI: 10.2307/2750798.

30. Elliot M. 2010. *RAND in Southeast Asia: A history of the Vietnam war era*. Santa Monica, RAND Corporation.

31. Ellsworth H.A. 1974. *One hundred eighty landings of United States marines, 1800–1934*. Washington, D.C., U.S. Government Printing Office.

32. Fall B.B. 1965. Street without joy. In: Greene T.N. (ed.). *The guerrilla — and how to fight him. Selections from the Marine Corps Gazette*. New York, Frederick A. Praeger, pp. 178–198.

33. Finch M.P.M. 2013. *A progressive occupation? The Gallieni–Lyautey method and colonial pacification in Tonkin and Madagascar, 1885–1900*. Oxford, Oxford University Press.

34. Ford A.S. 2003. *The small war manual and marine corps military operations other than war doctrine. The U.S. Army command and General Staff College*. MA Thesis. Fort Leavenworth.

35. French D. 2012. *Army, empire and Cold War: The British Army and military policy, 1945–1971*. Oxford, Oxford University Press.

36. Gallagher J., Robinson R. 1953. The imperialism of free trade. *The Economic History Review*, vol. 6, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.1111/J.1468-0289.1953.TB01482.X.

37. Gannon S.W. 2019. *The Irish Imperial Service: Policing Palestine and administering the empire, 1922–1966*. Cham, Palgrave Macmillan.

38. Gilderhus M.T. 2006. The Monroe Doctrine: Meanings and implications. *Presidential Studies Quarterly*, vol. 36, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.

39. Gwynn Ch.W. 1939. *Imperial policing*. London, Macmillan.

40. Hevia J. 2012. *The imperial security state: British colonial knowledge and empire-building in Asia*. Cambridge, Cambridge University Press.

41. Hodge J.M. 2010. British colonial expertise, post-colonial careering and the early history of international development. *Journal of Modern European History*, vol. 8, no. 1, pp. 24–46. DOI: 10.17104/1611-8944_2010_1_24.

42. Hodge J.M. 2007. *Triumph of the expert: Agrarian doctrines of development and the legacies of British colonialism*. Athens, Ohio University Press.

43. Jeffrey K. 1984. *The British Army and the crisis of empire, 1918–22*. Manchester, Manchester University Press.
44. Jeffrey K. 2006. *Field Marshal Henry Wilson: A political soldier*. Oxford, Oxford University Press.
45. Jeffrey K. 2008. The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland in the 'British world'. *Irish Historical Studies*, vol. 36, no. 142, pp. 243–256. DOI: 10.1017/S0021121400007069.
46. Kent R.D. 2006. *The small wars manual and counterinsurgency*. Quantico, Marine Corps Command and Staff College; Marine Corps Combat Development Command.
47. Kinzer S. 2006. *Overthrow: America's century of regime change from Hawaii to Iraq*. New York, Times Books.
48. Lindner U. 2015. New forms of knowledge exchange between imperial powers: The development of the Institut Colonial International (ICI) since the end of the nineteenth century. In: Barth V., Cvetkovski R. (eds.). *Imperial cooperation and transfer, 1870–1930: Empires and encounters*. London, Bloomsbury Academic, pp. 57–78.
49. Lloyd N. 2010. The Amritsar massacre and the minimum force debate. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 21, no. 2, pp. 382–403. DOI: 10.1080/09592318.2010.481436.
50. Lorcin P.M.E. 2013. Pax Romana transposed: Rome as an exemplar for western imperialism. In: Aldrich R., McKenzie K. (eds.). *Routledge history of western empires*. London, Routledge, pp. 409–422.
51. Louis W.R. 1984. *The British empire in the Middle East, 1945–1951: Arab nationalism, the United States, and postwar imperialism*. Oxford, Clarendon Press.
52. Louis W.R. 2002. The dissolution of the British empire in the era of Vietnam. *The American Historical Review*, vol. 107, no. 1, pp. 1–25. DOI: 10.1086/ahr/107.1.1.
53. Louis W.R. 2006. *Ends of British imperialism: The scramble for empire, Suez and decolonization*. London, New York, I.B. Tauris.
54. Louis W.R. 1977. *Imperialism at bay, 1941–1945: The United States and the decolonization of the British empire*. Oxford, Clarendon Press.
55. Louis W.R., Robinson D. 1994. The imperialism of decolonization. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, vol. 22, no. 3, pp. 462–511. DOI: 10.1080/03086539408582936.
56. Lyautey L.H.G. 1900. *Du role colonial de l'armee*. Paris, Armand Colin.
57. Mack A. 1975. Counterinsurgency in the Third World: Theory and practice. *Review of International Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 226–253. DOI: 10.1017/S0260210500116791.
58. Maier C.S. 2006. *Among empires: American ascendancy and its predecessors*. Cambridge, Harvard University Press.

59. Malkin S. 2019. From small wars to counterinsurgency: Ch.W. Gwynn, 'Imperial policing' and transformation of doctrine. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 30, no. 3, pp. 660–678. DOI: 10.1080/09592318.2019.1601870.

60. Malkin S.G. 2021. 'Lessons learned' during the interbellum: 'Irish war' and British counterinsurgency. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 32, no. 4–5, pp. 598–618. DOI: 10.1080/09592318.2020.1798082.

61. Mans R.S.N. 1965. Victory in Malaya. In: Greene T.N. (ed.). *The guerilla — and how to fight him. Selections from the Marine Corps Gazette*. New York, Frederick A. Praeger, pp. 115–144.

62. Marotta G. 1983. The academic mind and the rise of U.S. imperialism: Historians and economists as publicists for ideas of colonial expansion. *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 42, no. 2, pp. 217–234. DOI: 10.1111/j.1536-7150.1983.tb01707.x.

63. McMonagle R.C. 1996. *The small wars manual and military operations other than war*. MA Thesis. Fort Leavenworth.

64. McPherson A. 2014. Herbert Hoover, occupation withdrawal, and the good neighbor policy. *Presidential Studies Quarterly*, vol. 44, no. 4, pp. 623–639. DOI: 10.1111/psq.12153.

65. Miller D., Mills T. 2010. Counterinsurgency and terror expertise: The integration of social scientists into the war effort. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 2, pp. 203–221. DOI: 10.1080/09557571.2010.481664.

66. Millett A.R. 1991. *Semper fidelis: The history of the United States Marine Corps*. New York, Free Press.

67. Morrissey J. 2011. Architects of empire: The military-strategic studies complex and the scripting of US national security. *Antipode*, vol. 43, no. 2, pp. 435–470. DOI: 10.1111/j.1467-8330.2010.00774.x.

68. Munro D.G. 1964. *Intervention and dollar diplomacy in the Caribbean, 1900–1921*. Princeton, Princeton University Press.

69. Neep D. 2012. *Occupying Syria under the French mandate: Insurgency, space and state formation*. Cambridge, Cambridge University Press.

70. Palmer R.R. 1971. The American historical association in 1970. *American Historical Review*, vol. 76, no. 1, pp. 1–15. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1869774> (accessed: 15.06.2023). DOI: 10.2307/1869774.

71. Parchami A. 2009. *Hegemonic peace and empire: The Pax Romania, Britannica and Americana*. London, Routledge.

72. Peic G., Reiter D. 2010. Foreign-imposed regime change, state power and civil war onset, 1920–2004. *British Journal of Political Studies*, vol. 41, no. 3, pp. 453–475. DOI: 10.1017/S0007123410000426.

73. Piscitelli A.J. 2014. *The United States Marine Corps way of war*. PhD Thesis. Glasgow.

74. Plummer B.G. 1988. *Haiti and the great powers, 1902–1915*. Baton Rouge, Louisiana State University Press.

75. Porch D. 1986. Bugeaud, Gallieni, Lyautey: The development of French colonial warfare. In: Paret P. (ed.). *Makers of modern strategy: From Machiavelli to the nuclear age*. Princeton, Princeton University Press, pp. 376–407.

76. Porch D. 2013. *Counterinsurgency: Exposing the myths of the new way of war*. Cambridge, Cambridge University Press.

77. Prater I.M. 2005. *Rediscovering the small wars manual: A guide to 21st century warfare*. Quantico, Marine Corps Command and Staff College, Marine Corps Combat Development Command.

78. Renda M.A. 2001. *Taking Haiti: Military occupation and the culture of U.S. imperialism, 1915–1940*. Chapel Hill, University of North Carolina Press.

79. Rid T. 2010. The nineteenth century origins of counterinsurgency doctrine. *The Journal of Strategic Studies*, vol. 33, no. 5, pp. 727–758. DOI: 10.1080/01402390.2010.498259.

80. Ruettershoff T. 2015. *Counterinsurgency as ideology. The evolution of expert knowledge production in U.S. asymmetric warfare (1898–2011): The cases of the Philippines, Vietnam and Iraq*. PhD Thesis. Exeter.

81. Schaffer R. 1972. The 1940 small wars manual and the ‘lessons of history’. *Military Affairs*, vol. 36, no. 2, pp. 46–51. DOI: 10.2307/1984432.

82. Schmidt H. 1987. *Maverick marine: General Smedley D. Butler and the contradictions of American military history*. Lexington, University Press of Kentucky.

83. Schumacher F. 2002. The American way of empire: National tradition and transatlantic adaptation in America’s search for imperial identity, 1898–1910. *Bulletin of the German Historical Institute*, no. 31, pp. 35–50.

84. Berling T.V., Buerger C. (eds.). 2015. *Security expertise: Practice, power, responsibility*. London, Routledge.

85. Simson H.J. 1937. *British rule and rebellion*. Edinburgh, London, William Blackwood & Sons Ltd.

86. Snow A.H. 1902. *The administration of dependencies: A study of the evolution of the federal empire with special reference to American colonial problems*. New York, G.P. Putnam’s sons.

87. Sullivan J.P. 2006. *The Marine Corps’ small wars manual and Colonel C.E. Callwell’s small wars — Relevant to the twenty-first century or irrelevant anachronisms*. MA Thesis. Quantico.

88. Mumford A., Reis B.C. (eds.). 2014. *The theory and practice of irregular warfare. Warrior-scholarship in counter-insurgency*. New York, Routledge.

89. Thomas M. 2008. *Empires of intelligence. Security services and colonial disorder after 1914*. Berkeley, University of California Press.

90. Thomas M. 2007. France’s North African crisis, 1945–1955: Cold War and colonial imperatives. *History*, vol. 92, no. 2 (306), pp. 207–234.

91. Tripodi C. 2010. Enlightened pacification: Imperial precedents for current stabilisation operations. *Defence Studies*, vol. 10, no. 1–2, pp. 40–74. DOI: 10.1080/14702430903378009.

92. Veaser C. 2002. *A world safe for capitalism: Dollar diplomacy and America's rise to global power*. New York, Columbia University Press.

93. Wempe S.A. 2019. *Revenants of the German Empire: Colonial Germans, imperialism, and the League of Nations*. Oxford, Oxford University Press.

94. Westad A.O. 2007. *The global Cold War: Third world interventions and the making of our times*. Cambridge, New York, Cambridge University Press.

95. Whittingham D. 2012. 'Savage warfare': C.E. Callwell, the roots of counter-insurgency, and the nineteenth century context. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 23, no. 4–5, pp. 591–607. DOI: 10.1080/09592318.2012.709769.

96. Williams W.A. 1969. *The roots of the modern American empire: A study of the growth and shaping of social consciousness in a marketplace society*. New York, Random House.

Статья поступила в редакцию 04.06.2022; одобрена после
рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 13.10.2023

The paper was submitted 04.06.2022; approved after reviewing 08.11.2022;
accepted for publication 13.10.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-125-159

Научная статья / Research paper

Е.Ю. Сергеев*

**БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ ДОКТРИНЫ МОНРО
VERSUS «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ»:
КОЛЛИЗИИ ОТНОШЕНИЙ СССР
И СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
В СТРАНАХ ВОСТОКА (СЕРЕДИНА 1920-Х ГОДОВ)****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, ленинский проспект, 32А*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

Объявление в декабре 1823 г. американским президентом Дж. Монро новой концепции внешней политики страны в Западном полушарии стало знаковым событием не только в истории США, но также в теории и практике международных отношений в целом. Для Великобритании принципы доктрины Монро приобрели новую актуальность и злободневность после завершения Первой мировой войны. Тогда предметом особого беспокойства для правящих кругов Соединенного Королевства стала перспектива неконтролируемой большевистской экспансии в британские колонии и зависимые территории в Азии и Африке. Именно для противодействия этой угрозе военные и политические элиты Великобритании обратились к опыту своих заокеанских коллег и разработали комплекс мер, которые можно

* *Сергеев Евгений Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7834-5824).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны» (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

обозначить как британскую версию доктрины Монро. Своим острием эти меры были направлены против попыток большевиков опереться на национально-освободительное движение в целях его революционизирования и использования для подрыва «колониального тыла» империалистических держав. Этот внешнеполитический курс Москвы, в котором британские правящие круги усматривали также попытку большевиков вернуться к практикам Российской империи, в свою очередь стали обозначать с помощью концепции «коммунистического милитаризма». Именно с точки зрения столкновения британской версии доктрины Монро и концепции «коммунистического милитаризма» в данном исследовании проанализированы перипетии противостояния Великобритании и Советского Союза в Центральной Азии в середине 1920-х годов. Особое внимание уделено борьбе, развернувшейся между двумя странами в Иране (Персии), Афганистане, северо-западной Индии, Синьцзяне и Тибете. Эта борьба за влияние на местных правителей принимала самые разные формы: от информационно-пропагандистских кампаний до соперничества в сфере инфраструктурно-логистических проектов. При этом она сопровождалась и постоянным столкновением интересов различных группировок внутри СССР и Великобритании, что препятствовало проведению ими по-настоящему последовательной политики в регионе. Так или иначе, в совокупности указанные обстоятельства придавали советско-британскому соперничеству в Центральной Азии в 1920-е годы ярко выраженную специфику, которая не позволяет трактовать его как очередной виток Большой игры.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, советско-британские отношения, Большая игра, Коминтерн, национально-освободительное движение, колониализм, империализм, деколонизация, доктрина Монро

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. Британский вариант доктрины Монро versus «коммунистический милитаризм»: коллизии отношений СССР и Соединенного Королевства в странах Востока (середина 1920-х годов) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 125–159. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-125-159.

Evgeny Yu. Sergeev

**BRITISH EDITION OF THE MONROE DOCTRINE
VERSUS 'COMMUNIST MILITARISM':
COLLISSIONS BETWEEN THE USSR AND THE UK
IN EASTERN COUNTRIES IN THE MID-1920S**

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32A Leninskii prospect, Moscow, 119334*

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993*

The new US foreign policy concept in the Western hemisphere introduced by the American President J. Monroe in December 1823 has become a milestone both in the country's history and in the theory and practice of international relations in general. For Great Britain, the principles of the Monroe Doctrine acquired new relevance after the end of the First World War. The prospect of unfettered Bolshevik expansion into British colonies and dependent territories in Asia and Africa became a matter of particular concern for the UK ruling circles. It was this threat that forced the military and political elites of Great Britain to turn to the experience of their overseas counterparts and develop a set of measures that can be described as the British edition of the Monroe Doctrine. These measures were directed right against the Bolsheviks' attempts to revolutionize the national liberation movement and to use it to undermine the 'colonial rear' of the imperialist powers. British decision-makers interpreted these attempts as a Bolsheviks' endeavor to revive the foreign policy practices of the Russian Empire and denoted them as 'communist militarism'. It is through the lens of the collision of the British edition of the Monroe Doctrine and the concept of 'communist militarism' that this study examines the dynamics of the Soviet-British confrontation in Central Asia in the mid-1920s. Special attention is paid to the struggle that took place between the two countries in Iran (Persia), Afghanistan, northwest India, Xinjiang and Tibet. This competition for influence over local rulers took a variety of forms: from information and propaganda campaigns to rivalry in the field of infrastructure and logistics projects. At the same time, it was accompanied by a constant clash of interests of various factions within the USSR and Great Britain, which prevented them from pursuing a coherent policy in the region. Together, these circumstances endowed the Soviet-British rivalry in Central Asia in the 1920s with a number of unique features that does not allow it to be interpreted as just yet another round of the 'Great Game'.

Keywords: USSR, Great Britain, Soviet-British relations, Great Game, Comintern, national liberation movement, colonialism, imperialism, decolonization, Monroe Doctrine

About the author: *Evgeny Yu. Sergeev* — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Russian State University for the Humanities and the State Academic University for the Humanities (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7834-5824).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00011 (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

For citation: Sergeev E.Yu. 2023. British edition of the Monroe Doctrine versus 'communist militarism': Collisions between the USSR and the UK in Eastern countries in the mid-1920s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 125–159. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-125-159. (In Russ.)

Трансформация советского и британского подходов к внешней политике в середине 1920-х годов

Двухсотлетняя годовщина декларации принципов внешней политики США, провозглашенных 2 декабря 1823 г. президентом Дж. Монро в послании членам Конгресса, больше известной как доктрина Монро, предоставляет историку-международнику повод снова поставить вопрос о значимости концептуальных воззрений на практику реализации идей «сфер влияния» и «баланса интересов» в политике великих держав XX–XXI вв. Как известно, первоначально эта концепция имела прогрессивный характер, выступив средством защиты Западного полушария от европейского колониализма. Однако к концу XIX в. на смену охранительным настроениям пришли вполне экспансионистские мотивы, которые позволяли обосновать имперские интересы США в регионах мира.

Цель статьи заключается в компаративном рассмотрении британской версии доктрины Монро и большевистской концепции «коммунистического милитаризма» в странах Востока как региона традиционного геополитического соперничества СССР/России и Великобритании в Новое и Новейшее время. Автор поставил перед собой задачу впервые в историографии проанализировать воздействие британского прочтения доктрины Монро и большевистского понимания «коммунистического милитаризма» на отношения Лондона и Москвы в середине 1920-х годов. Именно тогда, с одной стороны, идеи мировой революции в сознании кремлевского руководства

постепенно уступали место пониманию первостепенной значимости обеспечения национальных интересов Страны Советов в условиях империалистического окружения, а с другой — британский внешнеполитический истеблишмент занимался поиском наиболее эффективных методов адаптации империи к реалиям Версальско-Вашингтонского миропорядка.

Несмотря на то что в работах отечественных и зарубежных историков встречаются упоминания о «новой доктрине Монро» для Британской империи и «коммунистическом милитаризме» как стратегии нанесения решающего удара СССР по «колониальному тылу империалистических держав» [Warth, 1983: 121–135; Watt, 1965: 139–158; Hillmer, 1981; Clayton, 1986: 32–33; Howe, 1993: 44–52; Overy, 1998: 24–25; Neilson, 2006: 52–53; Сагимбаев, 2018: 124–125; Магадеев, 2021: 611–618], специальные исследования указанной проблемы отсутствуют. Даже в увидевших свет за последние годы обобщающих трудах российских историков по внешней политике обоих государств она вообще не рассматривается [Остапенко, Прокопов, 2012: 140–141; Капитонова, Романова, 2016: 341–342; Айрапетов, 2020: 128–135]. Это обстоятельство наряду с компаративным использованием малоизвестных или ранее недоступных материалов из фондов российских и британских архивов¹, а также опубликованных сборников дипломатической корреспонденции и обзоров специальных служб определяют новизну статьи, актуальность которой в связи с возрастанием международной напряженности и повышением значимости государств Среднего Востока на фоне современных глобальных политических процессов не может вызывать сомнений. Выбор автором указанного региона обусловлен еще и тем обстоятельством, что сюжеты противостояния

¹ Корпус неопубликованных источников, использованных автором, составили документы секретариата Г.В. Чичерина (Ф. 4 и 04), референтуры Великобритании (Ф. 69) Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) (Ф. 62) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также материалы Национальных архивов Соединенного Королевства (The National Archives of the United Kingdom, TNA), отложившиеся в фондах Кабинета министров (Cabinet Papers, CAB), Министерства иностранных дел (Foreign Office Papers, FO), Военного ведомства (War Office Papers, WO), Казначейства (Treasury Papers, T) и Министерства по делам Индии (India Office Records, IOR), официальные бумаги которого сосредоточены в Отделе изучения стран Азии и Африки Британской библиотеки (British Library: Asian and African Studies, BLAAS).

СССР и Великобритании на собственно китайском направлении в период революционного движения 1925–1927 гг., получившие гораздо большее освещение в историографии, требуют отдельного всестороннего рассмотрения.

Имперский вариант доктрины Монро для Великобритании

Говоря о внешнеполитической повестке Соединенного Королевства, отметим, что к середине послевоенного десятилетия для значительной части его властной элиты вырисовывалась необходимость сочетания традиционных методов «жесткой» силы с новыми практиками «мягкого» воздействия. Этим обуславливалось стремление членов консервативного Кабинета С. Болдуина (1924–1929) воздерживаться от использования войск для подавления национальных движений в азиатских странах либо делать это только в самых крайних случаях, как это происходило на территории Британской Индии (Раджа) или иностранных концессий в Китае.

Одновременно у английских политиков росло понимание необходимости перехода к поддержке национальных движений умеренного типа, например Всеиндийской мусульманской лиги во главе с М. Али Джинной. Свидетельством постепенного осознания эффективности привлечения к сотрудничеству противников насильственных действий среди руководства Индийского национального конгресса (ИНК) стала работа комиссии известного либерального деятеля Дж. Саймона — впоследствии министра иностранных дел. Как известно, он вместе с группой парламентариев на протяжении 1928 г. проводил обследование политического положения в регионах Индии, стремясь подготовить конституционную реформу управления доминионом [Вертинский, 1986; Жирова, 2018: 101].

Признавая необходимость федерализации империи как основы британского глобального лидерства, многие видные тори высказывали различные точки зрения в публичных выступлениях и на страницах «Журнала круглого стола» («The Round Table Journal») — главного периодического издания, отражавшего взгляды правоконсервативных кругов. К числу последовательных охранителей имперских устоев в составе Кабинета С. Болдуина относились канцлер Казначейства У. Черчилль, министр колоний Л. Эмери, министр по делам Индии Ф. Смит, более известный как лорд Биркинхед, а также глава Министерства авиации С. Хор.

Все они выступали с идеей концептуализации практических мер защиты британских интересов, которые, по мнению автора, следует назвать своеобразной «новой доктриной Монро» для британских владений на Ближнем и Среднем Востоке. Как теоретическое построение она предусматривала бескомпромиссное отстаивание имперских рубежей путем сочетания методов, как бы мы сейчас сказали, «жесткой» и «мягкой» силы, а также фиксации статус-кво через договоренности с азиатскими суверенами или наиболее влиятельными политическими лидерами. В качестве ключевого элемента этой концепции с точки зрения ее практической значимости британцы рассматривали активное применение Королевских ВВС и даже оружия массового поражения (отравляющих газов) как гаранта устрашения мятежных племен на фоне интенсивной деятельности эмиссаров Коминтерна². «Нам скорее следовало бы пожать дружеские руки, протянутые доминионами, чем обагрённые кровью руки банды негодяев-космополитов, которые диктуют политику Москвы», — заявил один из консервативных парламентариев 5 августа 1925 г., вызвав протест внимательно отслеживавшего подобные выступления наркома иностранных дел Г.В. Чичерина³.

Вполне понятно, что в представлениях крайне правых сил, получивших название «твердолобые» (*die-hards*), Советский Союз на протяжении 1920-х годов выступал главной угрозой имперским позициям, опорным пунктом которых был Индостан. Как заявил лорд Биркинхед с трибуны парламента в июне 1926 г.: «Советское правительство стремится окружить Индию кольцом большевистских государств»⁴.

Помимо Комитета имперской обороны (КИО; Committee of Imperial Defence, CID) — основного правительственного консультативного органа по стратегическим вопросам, возникшего сразу после окончания англо-бурской войны 1899–1902 гг., важнейшую роль в формулировании британского варианта доктрины Монро сыграли участники Межведомственного совещания по беспорядкам на Вос-

² The situation in Iraq: Memorandum by the secretary of state for the colonies, 11 May 1925 // The National Archives. CAB 24/173/37. P. 1–6. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7738310> (accessed: 30.09.2023).

³ Чичерин — Богомолову, 15 августа 1925 г. // АВП РФ. Ф. 069. Оп. 9. Пап. 20. Д. 1. Л. 16.

⁴ Цит. по: Hughes M. British foreign secretaries in an uncertain world, 1919–1939. London: Routledge, 2006. P. 75.

токе (МСБВ; Interdepartmental Conference on Eastern Unrest, ICEU). Начало его работы относится к февралю 1922 г. Главная задача этого органа, включившего представителей силовых, дипломатических и региональных ведомств, прежде всего Министерства по делам Индии, состояла в мониторинге деятельности, оценке угрозы и подготовке рекомендаций для противодействия националистическим организациям различной идеологической ориентации. Для исключения неизбежного дублирования и в целях финансовой экономии МСБВ по решению КИО от 25 марта 1926 г. вошло в его состав на правах подкомитета. Любопытно, что корпус документов, на основе которых привлеченные подкомитетом эксперты составляли обзоры и меморандумы, состоял из источников четырех категорий по степени надежности: АА — сведения, перехваченные МИИ-6, А — донесения самых проверенных агентов, В — сообщения информаторов, сотрудничавших с разведкой в течение 3 лет, и С — данные, полученные случайным образом [Fisher, 2000: 17].

В течение 1926 г. члены МСБВ провели пять пленарных заседаний и за первое полугодие 1927 г. — такое же количество. Внимание их участников привлекали прежде всего два региона: Афганистан и Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП) Британской Индии, а также центральные и восточные районы Китая, охваченного революционным движением. В связи с локальными восстаниями племен и временным ослаблением власти центральных правительств эксперты МСБВ по рекомендациям Кабинета анализировали также ситуацию в Турции, Иране, Ираке и арабских государствах Ближнего Востока⁵. Отметим, что с этим органом активно взаимодействовали разведывательные службы не только сухопутных, морских и воздушных сил, но и соответствующие полицейские департаменты МВД Великобритании и Министерства по делам Индии [Fisher, 2000: 18]. Однако продолжительные споры представителей различных ведомств и постоянные трения между государственными органами по вопросам финансирования их деятельности вызвали недовольство главы Форин офис О. Чемберлена: в июне 1927 г. он инициировал создание вместо МСБВ подкомитета КИО по обороне Индии, который продолжал свою деятельность вплоть до начала Второй мировой войны [Orde, 1978: 178–183; Fisher, 2000: 29].

⁵Memorandum by ICEU 'Turco-Russian policy in the Middle East and in Arabia', 23 June 1927 // BLAAS. IOR. L/P&J/12/155.

Не менее острыми дебатами были отмечены заседания различных исследовательских центров главных оппонентов тори — представителей Рабочей партии, которые поддерживали существование Британской империи, так как она, по их мнению, гарантировала сохранение всеобщего мира, не допуская геополитического вакуума. Еще в программе 1918 г. лейбористы заявили о желательности предоставить колониям ту степень самоуправления, которую они способны осуществлять. По мере прогрессивного развития зависимой территории рамки самоуправления должны были расширяться до того момента, когда она могла стать равноправным членом проектируемой Британской конфедерации [Судейкин, 1976: 69–71; Thorpe, 2008].

Выступая за реформирование колониального статус-кво, часть лейбористских лидеров, например А. Гендерсон, Х. Далтон и У. Ситрин, основываясь на заключениях экспертов Консультативного комитета по международным вопросам (Labour's Advisory Committee on International Questions), предлагали трансформировать империю в Содружество, включавшее три уровня: метрополия — белые доминионы — азиатские, африканские и карибские колонии [Thomas, 1924; Hillmer, 1981; Sylvest, 2008; Shepherd, 2008].

Им оппонировали Дж. Лэнсбери, А. Понсонби и Ч. Бакстон, принадлежавшие к левому крылу лейбористов. Изучая опыт Советского Союза, они сформулировали концепцию преобразования империи в социалистическое содружество равноправных наций через последовательные реформы, которые требовалось осуществить правительству метрополии. При этом социализм понимался идеологами Рабочей партии именно в его фабианском истолковании, которое означало эволюционное развитие демократических основ государственной жизни без ограничения либеральных свобод путем создания институтов общественного самоуправления. Такая перестройка подразумевала не только политические трансформации, но и хозяйственные изменения с введением элементов государственного регулирования экономики, в том числе ежегодного планирования, хотя ее базисом оставались рыночные отношения. С точки зрения авторов этих проектов, во главе будущей конфедерации должен был находиться Совет Содружества, который созывал бы регулярные конференции с участием представителей всех народов, объединенных общим государственным языком, христианской религией

и демократическими нормами жизни. В будущем планируемая конфедерация, по мнению некоторых лейбористских идеологов, могла стать зародышем Всемирной лиги народов [Судейкин, 1976: 73].

По воспоминаниям члена второго лейбористского правительства Дж.Р. Макдональда, находившегося у власти с июня 1929 по август 1931 г., главным фактором иллюзорности этой амбициозной программы стал мировой экономический кризис начала 1930-х годов, хотя, как представляется автору, очевидная разнородность британских владений вкупе с нарастанием международной напряженности и активизацией национальных движений вряд ли позволили бы лейбористам реализовать изложенные проекты [Howe, 1993: 44–52].

Постепенно в ходе этих дебатов выкристаллизовались базовые компоненты британского варианта доктрины Монро. С точки зрения стратегии ключевыми принципами ее нового прочтения выступали: дальнейшее сближение метрополии и доминионов на федеративной основе с использованием в политическом плане имперских вооруженных сил, а в экономическом — тарифной автономии; противодействие любому вмешательству геополитических конкурентов — других европейских держав, США и Японии во внутриаполитические процессы на территории, находившейся в зонах интересов Великобритании; защита сухопутных и особенно морских коммуникаций, соединявших административные и хозяйственные центры обширной империи; а главное — недопущение распространения коммунистической пропаганды среди колониальных и зависимых народов через привлечение на свою сторону умеренных лидеров и групп в националистических движениях. Если говорить об Азии, то наибольшее значение для Лондона в стратегическом плане имели северо-западный Ирак с нефтяными месторождениями Мосула [Specter, 1959: 82], Персидский залив как важнейшая транспортная артерия, Северный Афганистан, через который проходили сухопутные пути в Индию, а также южный Синьцзян (Кашгария) и Тибет, прилегающие к Индостану [Jeffery, 1982].

«Коммунистический милитаризм» в понимании кремлевских стратегов

Практически одновременно процесс переосмысления внешней политики активно проходил и в Советском Союзе. Именно в середине 1920-х годов специалисты политических ведомств — Ревво-

енсовета, Наркоматов по иностранным и военным делам, Разведывательного управления (РУ) Главного Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и Иностранного отдела (ИНО) Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), а также Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) — выдвинули доктрину опоры на левые силы в национально-освободительных движениях, которые при военно-политической и финансовой поддержке со стороны СССР должны были свергнуть господство капиталистических метрополий над «колониальной периферией» в регионах Азии и Африки. Указанные планы Москвы получили у западных политиков и дипломатов обобщенное наименование концепции «коммунистического милитаризма». Фактически она означала использование стремления народов Азии и Африки к самоопределению для ослабления «колониального тыла» империалистических держав, прежде всего Британской империи. В отношении мусульманских народов Среднего Востока доктрина «коммунистического милитаризма» также предусматривала соединение большевизма с идеей джихадизма, т.е. воинствующего движения против светского государства, основанного на ценностях либеральной демократии Запада⁶ [Ashley, 1925: 633; Toynbee, 1928: 239–241].

Наиболее активными адептами и проводниками концепции «коммунистического милитаризма» выступали сторонники Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева в партийных структурах, эмиссары Коминтерна, а также немалое количество сотрудников спецслужб военного и гражданского назначения⁷. Впрочем, эта точка зрения

⁶ Amery L. My political life. Vol. 3. London: Hutchinson, 1953. P. 140–141; Chamberlain A. The permanent bases of British foreign policy // Foreign Affairs. 01.07.1931. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-kingdom/1931-07-01/permanent-bases-british-foreign-policy> (accessed: 30.09.2023).

⁷ Краткий ориентировочный доклад Разведуправления Штаба РККА председателю РВС СССР М.В. Фрунзе о международной обстановке, о возможности вооруженного выступления против СССР. 28 апреля 1925 г. // Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы: Сборник документов из российских архивов / Сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М.: Историческая литература, 2015. С. 179–185; Специальное сообщение ИНО ОГПУ о политике Англии и Китая с приложением записки Ф.Э. Дзержинского В.Л. Герсону о необходимости доложить И.В. Сталину, 24 января 1926 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь

до определенной степени получила поддержку и у И.В. Сталина, который еще в 1925 г. заявил японскому журналисту о том, что «революционизация тыла» колониальных империалистов могла бы не только послужить его подрыву, но и «придать мощный импульс» усилению антикапиталистической борьбы пролетариата западных стран [Карур, 1966: 77]⁸.

Свою задачу активисты международного коммунистического движения видели в создании благоприятных условий для комбинированного удара по империализму силами пролетариата метрополии и большевизированных националистов в странах Востока. По мнению приверженцев «коммунистического милитаризма» в советском руководстве, хотя Британская империя пребывала на грани распада, ее целью оставалось сначала разгромить своего нового глобального соперника — США, а затем обрушиться на СССР [Гус, 1926: 25, 27]. Приводя в качестве примера многочисленные публикации в англо-индийской прессе о «красной опасности», многие советские военные эксперты вплоть до середины 1930-х годов называли вероятные маршруты британского наступления на СССР через Афганистан, несмотря на природно-географические препятствия, сложную этноконфессиональную ситуацию и значительные финансовые затраты [Маздур, 1933: 37–39, 45–46, 55–72].

Документы Уайтхолла свидетельствуют, что вслед за окончанием Первой мировой войны и Гражданской войны в России экспансия большевизма в страны Востока именно в форме «коммунистического милитаризма» стала рассматриваться властной элитой Британской империи как наибольшая угроза ее существованию [Южный, 1928]. Аналогично соперничеству России и Соединенного Королевства в период Большой игры XIX — начала XX в., хотя и в иной международной обстановке, ключевая роль в этом контексте отводилась государствам Среднего Востока, которые стремились избавиться от полуколониального статуса в процессе обретения международной правоспособности.

1936 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2003. С. 111–113; Воззвание ИККИ в связи с бомбардировкой Нанкина (27 марта 1927 г.) // Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции (на примере Китая): Сборник документов / Под ред. П. Мифа. М.: Издательство Института МХ и МП, 1994. С. 150–152.

⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 7: 1925 год. М.: Политиздат, 1947. С. 235–236.

Столкновение советских и британских интересов в Иране (Персии)

Событийная ткань 1925–1926 гг. позволяет на конкретных примерах рассмотреть особенности противоборства британского варианта доктрины Монро и концепции «коммунистического милитаризма». Начнем с ситуации в Иране как важнейшей стране, за влияние на которую борьба между Россией и Великобританией проходила в течение десятилетий. Новый раунд их соперничества определился в результате свержения династии Каджаров и утверждения режима Реза-шаха Пехлеви к концу 1925 г., хотя еще за полгода до провозглашения его сувереном британский посланник в Тегеране П. Лорейн ошибочно характеризовал положение Ирана как стабильное. В новых условиях он считал совершенствование государственного управления и экономический прогресс лучшими «лекарствами от коммунистической инфекции», сопроводив, однако, свой обзор дежурным заявлением о «красной угрозе Персии»⁹. Комментируя это заявление, напомним читателю, что речь шла о неудавшейся попытке Москвы, используя сепаратистские движения, добиться в начале 1920-х годов создания на северных границах Ирана и Афганистана государственных образований советского типа вроде так называемой Гилянской республики¹⁰ [Сергеев, 2019: 328–370].

Неудача заставила Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) перейти к фактической реанимации традиционной геополитической линии российской дипломатии. Неслучайно британские представители в азиатских странах отмечали, что действия Советской России очень напоминают политику царской империи на Востоке, а распад Австро-Венгрии и ослабление Германии «облегчают выполнение агрессивных замыслов русских»¹¹. Аналогичным образом ведущие иранские газеты пришли к следующему заключению:

⁹ Lorraine to A. Chamberlain, 16 June 1925 // TNA. FO 800/258/165. F. 265–266.

¹⁰ См. подробнее: Meeting of the Cabinet to be held at 10, Downing Street, S.W.I. on Wednesday, May 20th, 1925, at 11:30 a.m. // The National Archives. CAB 23/50/6. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653296> (accessed: 30.09.2023).

¹¹ Sir R. Lindsay (Constantinople) to Mr. A. Chamberlain (Received October 26): No. 785 [E 6527/175/44], Constantinople, October 16, 1925 // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 760–762.

«В основе своей политики Россия совершенно не изменилась, и теперешние правители Севера [т.е. большевики. — *Е.С.*] продолжают, в сущности, ту же политику, что проводили и Извольский, и Сазонов [министры иностранных дел царской России. — *Е.С.*]. <...> Они [большевики. — *Е.С.*] желают привлечь к себе народы Азии для того, чтобы проложить себе дорогу к Персидскому заливу, Оманскому [т.е. Аравийскому. — *Е.С.*] морю и Индии» [Володарский, 1985: 107–108].

Оказывая сильное политическое и экономическое давление на правительство шаха, Москва выступала за возвращение центральных, а главное — северных провинций Ирана в сферу своего влияния. Основной задачей советская дипломатия считала обеспечение доминирования на берегах южного Каспия, отказываясь на протяжении длительного времени эвакуировать воинский контингент РККА из персидского порта Энзели, где он находился еще с мая 1920 г.¹²

В то же время Форин офис выступал за консолидацию режима Реза-хана, предложив ему помимо щедрых финансовых субсидий помощь в реализации проектов развития дорожной сети, строительства линий связи, аэродромов и морских портов¹³. «Британская политика в Персии направлена на содействие персидскому правительству в отпоре посягательствам и несправедливому давлению Советской России, — отмечалось в меморандуме Форин офис от 10 апреля 1926 г., — однако без того, чтобы предоставить Персии военную помощь любого вида при достойной сожаления возможности столкновения с этим государством». И далее составитель меморандума заключал: «Правительство Его Величества желает видеть Персию сильной и независимой, способной стоять на своих ногах, составлять элемент стабильности на Среднем Востоке и закрыть России дорогу в Индию»¹⁴. По мнению упоминавшегося британского посланника в Тегеране П. Лорейна, британо-иранские отношения сталкивались

¹² Чичерин — Богомолу, 14 августа 1925 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Пап. 32. Д. 450. Л. 91–94.

¹³ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию (статьи, документы, материалы). Ташкент: Бюро прессы Среднего Востока при Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б), 1929. С. 10–22.

¹⁴ Memorandum on the foreign policy of His Majesty's Government, with a list of British commitments in their relative order of importance [W 3260/1/50] // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno,

с четырьмя проблемами: значительной суммой внешнего долга шахского правительства, сепаратистскими настроениями в отдельных регионах страны (например, в Хорасане)¹⁵, требованиями к правительству шаха признать Ирак британским протекторатом, а также изменить невыгодный для англичан таможенный тариф¹⁶.

Значимым символом политики «умиротворения» Ирана было призвано стать открытие в 1928 г. регулярной авиалинии Лондон–Каир–Тегеран–Карачи. Однако в реальности британцы продолжали оказывать на правительство шаха достаточно жесткое давление, чтобы контролировать торговое судоходство в Персидском заливе и нефтедобычу на промыслах Anglo-Persian Oil Company, акционерами которой являлись высокопоставленные лица в кабинетах Уайтхолла.

Ряд историков справедливо обращали внимание на угрозу позициям Великобритании в случае формирования у границ Индостана военно-политического блока в составе Турции, Персии и Афганистана под эгидой СССР¹⁷. Однако договоры между Анкарой, Тегераном и Кабулом о тесном сотрудничестве, заключенные в 1926–1928 гг., свидетельствовали главным образом о неприятии этими государствами как сохранения на их территории привилегированного статуса британских юридических и физических лиц, так и большевистской пропаганды [Володарский, 1985: 122–131].

Сочетая тактику давления на правительство шаха через введение эмбарго на весь персидский экспорт в СССР с выплатами крупных взяток иранским министрам (по оценке экспертов Форин офис, они составили более 40 тыс. ф. ст.)¹⁸, Москве удалось добиться

1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 861.

¹⁵ Meeting of the Cabinet to be held at 10, Downing Street, S.W.1. on Wednesday, May 20th, 1925, at 11:30 a.m. // The National Archives. CAB 23/50/6. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653296> (accessed: 30.09.2023).

¹⁶ Sir. P. Loraine (Tehran) to Sir. A. Chamberlain (Received February 15, 8:30 p.m.): No. 58 Telegraphic [E 1116/644/34], Tehran, February 15, 1926, 11 a.m. // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 823.

¹⁷ Lorraine to India Office, 30 January 1926 // BLAAS. IOR L/PS/10/1038.

¹⁸ Sir. P. Loraine (Tehran) to Sir. A. Chamberlain (Received February 15, 8:30 p.m.): No. 58 Telegraphic [E 1116/644/34], Tehran, February 15, 1926, 11 a.m. // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 /

подписания 1 октября 1927 г. нескольких договоров с Тегераном, включая пакт о нейтралитете, торговое соглашение и конвенцию о рыболовстве на Каспии¹⁹. Однако ценой восстановления советских экономических позиций, особенно на севере Ирана, стали отказ от поддержки местных коммунистов и прекращение большевистской пропаганды в стране²⁰.

Таким образом, в отличие от традиционных форм соперничества России и Великобритании в Персии во времена Большой игры, к середине 1920-х годов обе державы столкнулись с новыми вызовами: попытками панисламистских кругов объединить народы Среднего Востока против как империализма, так и большевизма — с одной стороны, а с другой — сепаратистскими движениями в различных регионах Ирана, лидеры которых стремились получить признание и поддержку Москвы или Лондона.

Наше исследование показывает, что современники оценивали планы кремлевского руководства доминировать в ключевых провинциях шахского государства как возвращение к экспансионистской политике царской России, но уже в форме «коммунистического милитаризма». В то же время активизацию усилий Уайтхолла по осуществлению контроля над юго-восточными, приморскими областями Ирана с помощью ВМФ и особенно ВВС следует рассматривать как использование принципов доктрины Монро, учитывая также бескомпромиссную позицию британского правительства относительно сохранения влияния на арабские государства и народы.

Афганистан как основное поле противоборства СССР и Великобритании

Еще большее значение в контексте соперничества России/СССР и Великобритании на Среднем Востоке имел Афганистан — предмет их постоянной заботы на протяжении XIX–XX вв. Следует иметь в виду, что Москве необходимо было обеспечить безопасность границ трех республик, созданных в результате национально-госу-

Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 804; Loraine to India Office, 30 January 1926 // BLAAS. IOR L/PS/10/1038.

¹⁹ P. Clive to A. Chamberlain, 21 October 1927 // Ibidem.

²⁰ Среднеазиатское бюро ВКП(б). Краткие политико-экономические сведения по Хорасанской провинции Персии, 1 сентября 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2210. Л. 25–46.

дарственного размежевания Западного Туркестана в 1923–1924 гг.: Туркменской, Узбекской и Таджикской (с 1929 г.), положив конец рейдам басмачей при поддержке местных афганских властей на советскую территорию [Абдуллаев, 2009: 252–256]. В свою очередь для Лондона принципиально значимым являлось блокирование гипотетических путей вторжения частей РККА вместе с союзными племенными отрядами из большевистской Средней Азии в СЗПП Индии через горные проходы Афганистана²¹.

Как отмечал 4 февраля 1925 г. в очередном сообщении для вице-короля лорда Рединга (А. Айзекса) посланник в Кабуле Ф. Хамфрис, «текущая политика эмира [Амануллы-хана. — *Е.С.*] частично из-за нищеты, частично из-за желания произвести впечатление на членов своего правительства заключается в том, чтобы извлечь максимум материальных выгод из России в плане субсидий и вооружения, обещанных по договору, а также из торговой конвенции, которая сейчас обсуждается. Поэтому он [эмир. — *Е.С.*], хотя и намерен сохранить хорошие отношения с Великобританией, демонстрирует Советам теплую сердечность»²². Переходя далее к характеристике деятельности советского полпреда в Кабуле Л.Н. Старка, бывшего военного моряка, английский дипломат указывал, как и в случае с Ираном, на активное использование им финансовых выплат для поддержания престижа Москвы среди приближенных Амануллы. По мнению Ф. Хамфриса, британская миссия в Афганистане была вполне способна не допустить реализации планов большевиков по организации восстаний как в самой Индии, так и в зоне свободных племен на территории СЗПП. Однако главную опасность для имперских позиций Ф. Хамфрис видел в эвентуальном продвижении Советов к стратегически важным проходам через Гиндукуш, а также в возможном захвате североафганской провинции Герат, хотя всё-таки считал эти сценарии маловероятными. Впрочем, предлагаемые

²¹ Memorandum on the foreign policy of His Majesty's Government, with a list of British commitments in their relative order of importance [W 3260/1/50] // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 866.

²² Humphrys to Lord Reading, 4 February 1925 // Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 679–682.

им средства решения проблемы являлись достаточно традиционными: дипломатическое давление на Москву в Европе, убеждение эмира в поддержке британцев против коварных замыслов русских и финансовые гранты его правительству за сохранение спокойствия на пограничной линии Дюранда между территориями Индии и Афганистана, установленной еще в конце XIX в.²³

Тем временем Аманулла намеревался «столкнуть лбами» соперничавшие стороны, чтобы получить от каждой из них как можно больше денежных субсидий, вооружения и технической помощи для формирования в стране современной инфраструктуры. По мнению лорда Биркинхеда, запросы эмира включали обучение афганских юношей в Великобритании, предоставление в дар крупных партий вооружения и оборудования для нескольких фабрик, а также строительство шоссе Кабул–Хайбер. С точки зрения лорда, перед британской дипломатией в Афганистане стояли две проблемы: нестабильность режима Амануллы, который был вынужден подавлять восстания горных племен, подстрекаемых традиционалистским духовенством, а также возрастающая угроза советского проникновения в страну. Последняя опасность, как полагали Биркинхед, лорд Рединг и Ф. Хамфрис, обуславливалась в немалой степени увеличением по просьбе эмира количества советских авиаторов в юго-восточных провинциях Афганистана и поставками военных самолетов для правительственных войск (Москва обещала Аманулле продать 12 аэропланов). Кроме того, обеспокоенность британских политиков вызывали проекты строительства на советские кредиты телеграфной линии Кабул–Кандагар с продлением до Герата и намерение Москвы учредить консульства в ряде административных центров на юго-востоке Афганистана — традиционной сфере влияния англичан²⁴. По

²³ Ibidem.

²⁴ Afghanistan: C.P. 286 (25), June 1925 // The National Archives. CAB 24/173/88. F. 831–838. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7738361> (accessed: 30.09.2023); Afghanistan: C.P. 517 (25), December 1925 // Ibid. CAB 24/176/16. F. 69–72. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7726761> (accessed: 30.09.2023); Afghanistan: C.P. 524 (25), December 1925 // Ibid. CAB 24/176/23. F. 110. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7726768> (accessed: 30.09.2023). О расширении советского присутствия в Афганистане через открытие новых консульских учреждений см.: Official Soviet summary of relations with Afghanistan for the year 1925 // The Soviet Union and the Middle East. A documentary record of Afghanistan, Iran and Turkey, 1917–1985 / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox.

сообщениям Ф. Хамфриса, летом 1925 г. на афганской территории находился 81 большевистский эмиссар (согласно другим данным, около 70 человек), включая 29 летчиков-инструкторов, что в 10 раз превышало количество проживавших в столице британцев. Как свидетельствует дипломатическая переписка, процесс инфильтрации советского военно-технического персонала в вооруженные силы эмира вызывали наибольшие опасения у Лондона²⁵.

Между тем очередное антиправительственное выступление пуштунских племен численностью до 50 тыс. человек в пограничной с Индией провинции Пактия на рубеже 1924–1925 гг., известное как Хостский мятеж, было расценено некоторыми кремлевскими руководителями с подачи спецслужб как очередной британский заговор против Амануллы [Тихонов, 2008: 148–153]. Стремясь использовать ситуацию для организации интервенции под коммунистическими лозунгами, Г.Е. Зиновьев и его сторонники в ИККИ предложили заключить секретное соглашение с эмиром о формировании повстанческих отрядов в СЗПП для нападения на британские гарнизоны и лояльные им племена. Согласно аналитической записке разведывательного бюро англо-индийского правительства от 14 марта 1926 г. подрывная деятельность большевиков в Афганистане включала «заигрывание с группами национальных фанатиков», подготовку к засылке 240 агентов в Индию, Индокитай и Тибет, направление в Британский Радж партий оружия из шести секретных складов на территории Афганистана, наконец, оборудование нескольких радиостанций для связи с советскими представителями в Кабуле²⁶.

Инициатива Г.Е. Зиновьева в целом была отвергнута членами Политбюро ЦК ВКП(б), однако Кремль всё же решил перейти к формированию в Афганистане широкой сети резидентов и информаторов. Эта резолюция вызвала резкий протест Г.В. Чичерина, который, как уже отмечалось, занимал компромиссную позицию по вопросу

Princeton: The Kingston Press, 1987. P. 99–100; Документы внешней политики СССР. Т. 9 / Отв. ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1964. С. 632–633.

²⁵ Humphrys to the Government of India, 6 July, 7 October 1925 // Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 683–685.

²⁶ Note by V. Short, Director of India Government Intelligence Bureau, 14 March 1926 // Ibid. P. 693–695.

урегулирования советско-британских разногласий в странах Азии [Тихонов, 2008: 168].

События всеобщей забастовки мая 1926 г. на Британских островах только усилили алармизм сотрудников Форин офис, внимательно наблюдавших за продолжавшимся с осени 1925 г. советско-афганским пограничным конфликтом вокруг принадлежности острова Урта-Тагай — бывшего владения бухарского эмира длиной 50 км с населением около 1 тыс. человек на пограничной р. Пяндж (Аму-Дарье), откуда отряды басмачей совершали рейды на территорию СССР [Абдуллаев, 2009: 160–178]. В докладе Комитета начальников штабов британских вооруженных сил, посвященном оценке этого конфликта, политика Кремля опять-таки сравнивалась с внешнеполитическим курсом царской России на Востоке. Военные аналитики рассматривали два основных маршрута гипотетического вторжения РККА в Афганистан: один — из Кушки через Герат в направлении Кандагара, второй — из Термеза через Ташкуртан и Мазари-Шариф в сторону Кабула, хотя и признавали высокую стоимость и немалую сложность противодействия возможной интервенции²⁷. Показательно, что, хотя в феврале 1926 г. советские пограничники покинули спорный Урта-Тагай, а учрежденная двусторонняя комиссия приступила к переговорам, лорд Биркинхед на очередном заседании Кабинета настоятельно рекомендовал Форин офис предупредить Москву, что «военная оккупация афганского Туркестана в целях его последующего присоединения к СССР в любых форме и виде будет рассматриваться как повод к войне (*casus belli*)»²⁸. Впрочем, еще одним кошмаром Форин офис и англо-индийской администрации в связи с афганской проблемой мог также стать государственный переворот, который, по мнению некоторых британских экспертов,

²⁷ Afghanistan (Previous paper: C.I.D. No. 142-D.): Report by the chiefs of staff, July 1926 // The National Archives. CAB 53/12/11. F. 283–284. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C14536934> (accessed: 30.09.2023). Дальнейшее рассмотрение планов организации обороны СЗПИ Индии можно найти в докладе экспертов Военного ведомства, см.: Appreciation of the situation in the event of a war with the USSR in Afghanistan, 17 December 1926 // The National Archives. WO 208/3. F. 127–135.

²⁸ Russia and Afghanistan: Memorandum by Commander Maxse for the Cabinet, 22 June 1926 // The National Archives. FO 800/259. F. 537–539. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C4267358> (accessed: 30.09.2023).

большевистская агентура была способна осуществить в Кабуле по примеру Бухарского эмирата, где ликвидация монархического режима была проведена 2 сентября 1920 г. [Абдуллаев, 2009: 160–178; Тихонов, 2022; Улунян, 2022]²⁹. Судя по дипломатической переписке некоторых высших должностных лиц Британской империи, любое нарушение Советской Россией целостности Афганистана рассматривалось Лондоном, прежде всего администрацией вице-короля, как удар по британскому престижу не только на Востоке, но и во всем мире³⁰.

Урегулирование конфликта вокруг Урта-Тагая 15 августа 1926 г. открыло возможность подписания спустя две недели Пагманского договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Афганистаном сроком на 3 года. Это событие, как ни парадоксально, несколько разрядило напряженность в отношениях Москвы и Лондона по афганской проблеме, поскольку сняло озабоченность британской стороны по поводу вовлечения в локальный военный конфликт на индийских рубежах³¹.

Новый поворот внутривосточной борьбы в Афганистане, связанный с восстанием Бачаи Сакао, таджика по отцу и хазарейца по матери, бывшего военнотружущаго армии эмира, окончательно похоронил в 1928–1929 гг. надежду лидеров Коминтерна вызвать революционный подъем на восточных рубежах Британской империи, приведя к отречению Амануллы и захвату власти очередным сувереном — героем третьей англо-афганской войны Надир-ханом [Абдуллаев, 2009: 386–420; Тихонов, 2007: 117–135].

Отметим в этой связи существенную роль, которую играло состояние СЗПП Индии для сохранения регионального баланса сил.

²⁹ Lieutenant-Colonel Keer, Chief Commissioner and Agent to the Governor-General in the North-West Frontier of India, to Lord Irwin, 12 July 1926 // *Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war* / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 691–692.

³⁰ Lord Irwin to Lord Birkenhead, 7 October 1926 // *Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war* / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 728–736.

³¹ The Pagman Treaty of Neutrality and Non-Aggression between the USSR and Afghanistan, 31 August 1926 // *The Soviet Union and the Middle East. A documentary record of Afghanistan, Iran and Turkey, 1917–1985* / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox. Princeton: The Kingston Press, 1987. P. 101–106; *Official Soviet summary of relations with Afghanistan for the year 1926* // *Ibid.* P. 107–110; ДВП СССР. Т. 9. С. 406–410, 669–671.

Материалы пресс-бюро советского полпредства в Лондоне, которым руководил И.М. Майский, показывают, с каким вниманием НКВД относился к публикациям газет, муссировавших вопрос о «большевистской угрозе» безопасности Британского Раджа со стороны Афганистана. К примеру, консервативная газета «The Morning Post» в июле 1926 г. дважды информировала своих читателей о военной активности русских в юго-восточных провинциальных центрах Джелалабаде и Кандагаре, где якобы началось строительство авиационных баз, с которых самолеты противника получали возможность в короткое время достигать зоны независимых племен — буферной территории между Афганистаном и британскими владениями³².

О планах некоторых кремлевских руководителей, например Г.Е. Зиновьева, добиваться согласования работы центров поддержки национально-освободительного движения в странах Среднего Востока с деятельностью тред-юнионов в метрополии были прекрасно осведомлены полицейские власти как в Лондоне, так и в Дели [Petrie, 1972: 80–82]. По данным индийских историков, на средства, выделенные Коминтерном в 1925–1928 гг., Компартия Великобритании, выполняя директивы ИККИ, ежегодно направляла в Индию до шести своих эмиссаров, чтобы координировать антиправительственные выступления [Samra, 1959: 114–115, 136]³³. В новых условиях эта деятельность также рассматривалась британским истеблишментом как продолжение геополитики царской России. Неслучайно, выступая 26 октября 1926 г. на очередной имперской конференции, лорд Биркинхед обратился к историческим параллелям, отметив интенсификацию попыток агентов Коминтерна и большевистских спецслужб проникнуть на территорию Индостана, синхронизировав их осуществление с провоцированием внутренних беспорядков [Smith, 1959: 535].

Подводя итоги столкновения британской версии доктрины Монро и «коммунистического милитаризма» на территории Афганистана, можно сделать вывод о значительном повышении ставок в геополитическом противостоянии Лондона и Москвы именно в этом регионе на протяжении 1920-х годов. По мнению Уайтхолла,

³² Английская пресса о «красной угрозе» Индии, июль 1926 г. // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 15. Пап. 51. Д. 53. Л. 64–67.

³³ The Times. 3 May 1928.

любые антибританские выступления племен, особенно независимых пуштунов, проживавших на границе Афганистана и Индии, инспирированные коммунистическими агитаторами, снабженными деньгами и оружием, были способны не только привести к четвертой англо-афганской войне, но и послужить удобным предлогом для частей РККА совершить марш к северо-западным пределам Индостана, вызвав, согласно «эффекту домино», массовые восстания проживавших там народов.

Китайский Туркестан (Синьцзян) и Тибет — важнейшие регионы соперничества Москвы и Лондона

Важно подчеркнуть, что алармистские настроения членов консервативного правительства относительно ситуации в Афганистане объяснялись еще одной региональной угрозой — перспективой превращения Китайского (Восточного) Туркестана, известного как Синьцзян, в новую советскую республику, что могло способствовать распространению коммунистического влияния далее на Тибет³⁴.

Положение в этих регионах самым непосредственным образом влияло на национальные движения в Восточной и Южной Азии. Что касается Синьцзяна, то главной проблемой для Москвы к середине 1920-х годов стало сосредоточение там до 70 тыс. беженцев из Советской России, среди которых «непримиримые» противники большевиков составляли, по подсчетам специалистов, 15–20%. Именно они создавали воинские союзы бывших военнослужащих белых армий, образуя, согласно донесениям агентов ОГПУ, питательную среду для деятельности иностранных спецслужб и антибольшевистского подполья на территории СССР [Обухов, 2007: 142–143; Абдуллаев, 2009: 309–328; Наземцева, 2013: 98].

Со своей стороны Уайтхолл рассматривал Синьцзян как еще один важный стратегический регион на северо-западных подступах к имперским владениям. Как свидетельствуют данные разведки, чиновники колониальной администрации Индии стремились контролировать транспортные пути через Китайский Туркестан, пресекая транзит революционеров и партий оружия, который пытались осуществлять большевистские спецслужбы. Если в южной части

³⁴ Memorandum by Hoare for the Cabinet, 19 December 1932 // The National Archives. T 161/699.

Синьцзяна — Кашгарии британцам это в основном удавалось, то на севере региона — в Джунгарии, где активно действовали советские консульские представители, граница между СССР и Китаем долгое время оставалась «прозрачной» со стороны последнего [Nyman, 1977: 75]³⁵. Между тем различные этнорелигиозные группировки, существовавшие на территории Синьцзяна, не оставляли попыток заручиться поддержкой советских или британских эмиссаров, периодически запрашивая у них финансовые средства и партии вооружения [Абдуллаев, 2009: 328–338].

При этом Москва и Лондон были в равной степени обеспокоены активизацией различных сепаратистских движений на территории Синьцзяна, цель которых состояла в отделении от Китайской Республики и провозглашении суверенного исламистского государства. Однако не в пример британцам некоторые советские руководители, включая И.В. Сталина, рассчитывали использовать сепаратистов для превращения Синьцзяна в опорный регион влияния СССР на страны Центральной и Восточной Азии, что полностью укладывалось в концепцию «коммунистического милитаризма» и поддерживалось И.В. Сталиным на протяжении второй половины 1920–1930-х годов [Абдуллаев, 2009: 328–338; Бармин, 1999: 82–140; Обухов, 2007: 208].

Появление осенью 1925 г. в Кашгаре нового генерального консула, бывшего латышского стрелка М.Ф. Думписа, которое совпало по времени с назначением на аналогичный пост британского представителя Дж. Джиллиана, знаменовало очередной раунд противоборства. Внимание Уайтхолла в тот период было отвлечено от Синьцзяна антизападным революционным движением в приморских регионах Китая, тем не менее заключение секретного соглашения между Москвой, гоминьдановским правительством в Кантоне (Гуаньчжоу) и некоторыми милитаристами левой политической ориентации вроде генерала Фэн Юйсяна вызвало серьезные опасения Кабинета, ведь речь могла идти о формировании государственного образования в составе Синьцзяна и пограничной с ним северо-западной провинции Ганьсу под советским протекторатом.

³⁵ Note by Short, officer of the India Government Intelligence Bureau, 14 March 1926 // Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 693–695.

Эскалация деятельности агентов Коминтерна и советских спецслужб в Синьцзяне достигла апогея во второй половине 1926 — начале 1927 г. Иллюстрациями могли служить празднование 1 мая в Кашгаре под красными флагами, а также стремление большевистских эмиссаров установить контакты с Далай-ламой XIII [Nyman, 1977: 60]. Однако все попытки местных китайских властей заручиться поддержкой британских представителей в перевооружении территориальных сил, чтобы нейтрализовать влияние революционеров и сепаратистов, не приносили результата, пока контроль над национальным правительством не перешел в руки генерала Чан Кайши 12 апреля 1927 г. Только после этого начались аресты сторонников коммунистов, а вместе с ними и исламистских сепаратистов, особенно из числа уйгуров и дунган — автохтонных народов Китайского Туркестана. Отметим, что эти репрессии находили понимание у британских представителей на местах, хотя официальный Лондон предпочитал воздерживаться от комментариев [Nyman, 1977: 68–69].

Противоречиво развивались и отношения большевистского руководства с Тибетом, претендовавшим в рассматриваемый хронологический отрезок на независимый статус, о котором его духовный лидер объявил еще в 1913 г., хотя Лига Наций его не признала. Впрочем, и в этом случае происходило столкновение различных точек зрения в кремлевских кабинетах. Если Г.В. Чичерин предлагал И.В. Сталину направить в Лхасу дипломатическую миссию, заключив с британцами новое соглашение о признании интересов друг друга, то, например, заведующий монголо-тибетским отделом ИККИ С.С. Борисов, побывавший в августе 1924 — мае 1926 г. на территории этого высокогорного региона, заявил в лекции студентам Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ): «Для нас противодействие английскому вторжению, закрепление нашего влияния разными путями в Тибете, конечно, стимулируется прежде всего тем моментом, что Тибет находится по соседству с Индией, что по существу он является заключительным звеном той нашей линии соприкосновения с Англией, которая начинается с Турции и кончается в Китае» [Андреев, 2006: 266–267].

18 декабря 1925 г. член коллегии НКВД С.И. Аралов представил в Политбюро ЦК ВКП(б) докладную записку с изложением необходимости установления советского контроля над теократическим

государством. Упомянув активную деятельность в Сиккиме (пограничном княжестве к югу от Лхасы) Ф. Бейли — британского дипломатического агента, С.И. Аралов подчеркнул: «Пока Англия не захватила важнейшие командные позиции в Тибете, необходимо противопоставить ее агрессии все наши реальные возможности» [Андреев, 2006: 281]. Неслучайно поэтому в 1926 г. Москва направила туда советско-монгольскую миссию А.Ч. Чапчаева — советника постпредства СССР в Монголии, бывшего председателя Центральной избирательной комиссии Калмыцкой автономной республики. Членам миссии после нескольких месяцев сопряженного с опасностями путешествия удалось достичь тибетской столицы, где они находились с мая по декабрь 1927 г. Однако главная цель экспедиции — установление дипломатических отношений между Тибетом и Монгольской Народной Республикой, за спиной которой стояла Москва, — достигнута не была. Причиной стало глубокое недоверие Далай-ламы к большевистским эмиссарам, которое было вызвано активно распространявшейся Ф. Бейли информацией о преследовании в СССР буддистов [Андреев, 2006: 291–294].

Практически в то же время другая, на этот раз неофициальная экспедиция под руководством известного художника и по совместительству буддолога Н.К. Рериха, имевшего на руках сразу три паспорта — советский, британский и французский, также попыталась достичь Лхасы. Характерно, что, готовясь к путешествию в Москве, Н.К. Рерих встречался не только с Г.В. Чичериным и его заместителем Л.М. Караханом, но и с руководителями ИККИ, а также с некоторыми должностными лицами ОГПУ, включая начальника ИНО Г.И. Бокия. В дневниковой записи от 5 апреля 1926 г. супруга художника Елена Рерих следующим образом определила цель экспедиции: «Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности»³⁶.

По сути, основная идея Н.К.Рериха — объединение исповедовавших буддизм народов Азии в Монголо-Сибирское государство — Священный союз Востока, согласно его терминологии, означала

³⁶ Рерих Е.И. Листы дневника. Т. 3: 1925–1927. М.: Руссанта, 2012. С. 124.

бы ликвидацию британского влияния во всей Центральной Азии. Поэтому Н.К. Рерих намеревался убедить Далай-ламу вступить в партнерские отношения с СССР, а члены экспедиции, по данным некоторых исследователей [Meyer, Brysac, 2001: 466–473], везли с собой партию оружия, предназначенного для национальной армии, в создании которой советские военные инструкторы были готовы оказать непосредственное содействие. Однако все попытки исследователя достичь Лхасы в конце 1927 — начале 1928 г. оказались неудачными из-за блокирования единственной дороги в столицу Тибета местными властями, обеспокоенными угрозой большевизации их страны, о перспективе которой не устал повторять Ф. Бейли в дворцовых покоях верховного правителя Тибета [Андреев, 2006: 300–308]. Итогом неудавшейся экспедиции стало разочарование Н.К. Рериха в возможности установления военно-политического союза между СССР и Тибетом на антиимпериалистической и прежде всего антибританской основе.

Что же касается Форин офис, то как в Синьцзяне, так и в Тибете он не выдвигал каких-либо заслуживающих внимания инициатив на протяжении рассматриваемого периода, предпочитая защищать имперские позиции в основном тремя способами: разоблачением планов Москвы наряду с предотвращением деятельности большевистских эмиссаров, стимулированием коммерческих отношений с англо-индийскими компаниями, включая поставки вооружения, а также предоставлением денежных субсидий местным правителям (наместникам). Кроме того, директивы из кабинетов Уайтхолла нередко корректировались инициативными шагами британских дипломатов и военных на местах, что, хотя и в гораздо меньшей степени, было также характерно для деятельности советских эмиссаров в странах Востока.

Вместо заключения

Завершая рассмотрение интересующего нас периода, попытаемся обобщить и проанализировать основные линии противостояния сторонников британского издания доктрины Монро и адептов «коммунистического милитаризма» в странах Востока.

Первой из них, безусловно, выступала борьба за влияние на местных правителей, начиная с персидского шаха или афганского

эмира и заканчивая локальными вождями и духовными лидерами. Средствами достижения цели обычно служили финансовые субсидии и поставки вооружения, а также откомандирование в регион военно-технического персонала, хотя при необходимости как Москва, так и Лондон не останавливались перед применением военной силы. Классическим примером служит Афганистан.

Вторым вектором конфронтации двух держав была разработка конкурировавших между собой проектов создания транспортной и коммуникационной инфраструктуры в регионах, практически лишенных линий связи, автомобильных и железных дорог, а также аэродромов. Обе стороны всемерно покровительствовали увеличению объемов экспортно-импортных операций, стремясь вытеснить иностранных конкурентов с местных рынков. В этом плане главными регионами противостояния Советского Союза и Великобритании являлись Иран, Афганистан и Синьцзян.

К третьей важной сфере противоборства Москвы и Лондона необходимо отнести информационную войну, которая заключалась не только в том, чтобы всячески разоблачать замыслы противника, но и в стремлении либо убедить народы Востока в преимуществах большевизма как идеологии, наиболее отвечающей их национальным чаяниям, либо, наоборот, обосновать единственно возможный сценарий эволюционного перехода к политическому суверенитету без каких-либо масштабных революционных потрясений в соответствии с британскими рекомендациями, как это происходило в Иране и Индии на протяжении межвоенного периода, что, конечно, вовсе не исключало отдельных всплесков вооруженной борьбы.

Наконец, следует признать, что соперничество политических группировок и личных амбиций в большевистском и британском руководстве, о чем свидетельствовали ожесточенная внутрипартийная борьба в СССР и столкновение различных точек зрения как внутри консервативного британского истеблишмента, так и между тори и лейбористами, серьезно затрудняло последовательную разработку и реализацию концептуальных внешнеполитических установок в Азии на протяжении межвоенного периода. К аналогичным по характеру трудностям необходимо также отнести инициативные действия советских и особенно британских представителей на местах, вносивших дополнительные, но зачастую важные коррективы

в двусторонние отношения. Однако детальное раскрытие указанных сюжетов выходит за рамки статьи и заслуживает отдельного рассмотрения.

Вместе с тем, хотя противостояние «коммунистического милитаризма» и доктрины Монро в британском понимании могло вызвать у современников ассоциацию с «Большой игрой 2.0», его всё же, по мнению автора, следует рассматривать лишь как очередной этап развития отношений между Москвой и Лондоном, обусловленный прежде всего усилившейся непримиримостью сторон из-за идеологических мотивов и воздействия национальных движений в странах Востока. Важным новым фактором в этой связи также стало постепенное обретение действительной международной правоспособности самими азиатскими государствами — Ираном, Афганистаном и Китаем. Что же касается классической Большой игры как исторического феномена, то она завершилась в годы «дипломатической революции» 1902–1907 гг. Именно это событие привело к выходу Соединенного Королевства из «блестящей» изоляции и подключению России к сотрудничеству с западными демократиями [Сергеев, 2012: 289–299]. И хотя геополитическое соперничество двух держав возобновилось после окончания Первой мировой войны, его причины, формы и направления существенно отличались от эпохи движения Российской и Британской империй навстречу друг другу в «сердце» Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009.
2. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020.
3. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство А. Терентьева «Нартанг», 2006.
4. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул: Издательство БГПУ, 1999.
5. Вертинский А.В. Комиссия Саймона и борьба в политических кругах Великобритании вокруг индийской конституционной реформы (1927–1930 гг.) // Из истории буржуазной дипломатии и межимпериалистических

противоречий в первой половине XX в. / Отв. ред. С.С. Григорцевич. Томск: Издательство Томского университета, 1986. С. 57–73.

6. Володарский М.И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1985.

7. Гус М.С. Британский империализм и Восток. Харьков: Украинский рабочий, 1926.

8. Жирова Н.С. Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922–1943): Дисс. ... канд. ист. наук. Липецк, 2018.

9. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.

10. Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект-Пресс, 2021.

11. Маздур И. Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М.: Международный аграрный институт, 1933.

12. Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013.

13. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007.

14. Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2012.

15. Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018.

16. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

17. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

18. Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1976.

19. Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Эксмо; Яуза, 2008.

20. Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк: Информ, 2007.

21. Тихонов Ю.Н. Роль «Бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5.

22. Улунян А.А. Британское непризнание бухарской независимости в 1922 г.: оценки, прогнозы и механизм // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 135–150. DOI: 10.31857/S013038640018264-8.

23. Южный К. Англо-персидские трения в Персидском заливе // Международная жизнь. 1928. № 7. С. 41–49.

24. Ashley W. The menace of communism // *English Review*. 1925. No. 12. P. 628–634.
25. Clayton A. The British empire as a superpower, 1913–39. Athens: The University of Georgia Press, 1986.
26. Fisher J. The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to Bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s // *Journal of Asian History*. 2000. Vol. 34. No. 1. P. 1–34.
27. Hillmer N. The Foreign Office, the dominions and the diplomatic unity of the empire, 1925–29 // *Retreat from power. Studies in Britain's foreign policy of the twentieth century: In 2 vols. Vol. 1: 1906–1939 / Ed. by D. Dilks*. London: Macmillan, 1981. P. 64–77.
28. Howe S. Anticolonialism in British politics: The left and the end of empire, 1918–1964. Oxford: Clarendon Press, 1993.
29. Hughes M. British foreign secretaries in an uncertain world, 1919–1939. Abingdon: Routledge, 2006.
30. Jeffery K. The Eastern arc of empire: A strategic view, 1850–1950 // *Journal of Strategic Studies*. 1982. Vol. 5. No. 4. P. 531–545. DOI: 10.1080/01402398208437133.
31. Kapur H. Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A study of Soviet policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva: Graduate Institute of International Studies, 1966.
32. Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of shadows. The Great Game and the race for empire in Asia. London: Abacus, 2001.
33. Neilson K. Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
34. Nyman L.-E. Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934. Stockholm; Goeteborg: Esselte studium, 1977.
35. Orde A. Great Britain and international security, 1920–1926. London: Royal Historical Society, 1978.
36. Overy R.J. The origins of the Second World War. London; New York: Longman, 1998.
37. Petrie D. Communism in India, 1924–1927. Calcutta: Editions Indian, 1972.
38. Samra C.S. India and Anglo-Soviet relations, 1917–1947. Bombay: Asia Publishing House, 1959.
39. Shepherd J. A gentleman at the Foreign Office: Influences shaping Ramsay Macdonald's internationalism in 1924 // *The British Labour Party and the wider world / Ed. by P. Cornthorn, J. Davis*. London; New York: AAAI Press, 2008. P. 25–47.
40. Smith F.W.F. The life of F.E. Smith, first earl of Birkenhead. London: Eyre and Spottiswoode, 1959.

41. Spector I. The Soviet Union and the Muslim world 1917–1958. Seattle: University of Washington Press, 1959.
42. Sylvest C. A commanding group? Labour's advisory committee on international questions, 1918–1931 // Ed. by P. Cornthorn, J. Davis. The British Labour Party and the wider world. London; New York: AAAI Press, 2008. P. 48–63.
43. Thomas J.H. Labour and the empire // World Today. 1924. No. 5. P. 487–489.
44. Thorpe A. Introduction // The British Labour Party and the wider world / Ed. by P. Cornthorn, J. Davis. London; New York: AAAI Press, 2008. P. 1–24.
45. Toynbee A. Survey of international affairs. London: Oxford University Press; Humphrey Milford, 1928.
46. Warth R.D. Soviet Russia in world politics. New York: Twayne Publishers, 1983.
47. Watt D.C. Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century. London: Longmans, 1965.

REFERENCES

1. Abdullaev K.N. 2009. *Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the 20th century]. Dushanbe, Irfon Publ. (In Russ.)
2. Airapetov O.R. 2020. *Vneshnyaya politika Sovetskoi Rossii i SSSR v 1920–1939 godakh i istoki Vtoroi mirovoi voiny* [Foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the origins of the Second World War]. Moscow, Rodina Publ. (In Russ.)
3. Andreev A.I. 2006. *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii* [Tibet in the politics of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Izdatel'stvo A. Terent'eva 'Nartang' Publ. (In Russ.)
4. Barmin V.A. 1999. *Sovetskii Soyuz i Sin'tszyan 1918–1941 gg. Regional'nyi faktor vo vneshnei politike Sovetskogo Soyuza* [The Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941. Regional factor in the foreign policy of the Soviet Union]. Barnaul, Izdatel'stvo BGPU Publ. (In Russ.)
5. Vertinskii A.V. 1986. *Komissiia Saimona i bor'ba v politicheskikh krugakh Velikobritanii vokrug indiiskoi konstitutsionnoi reformy (1927–1930 gg.)* [The Simon commission and the struggle in the political circles of Great Britain over the Indian constitutional reform (1927–1930)]. In: Grigortsevich S.S. (ed.). *Iz istorii burzhuaznoi diplomatii i mezhimperialisticheskikh protivorechii v pervoi polovine XX v.* [From the history of bourgeois diplomacy and inter-imperialist contradictions in the first half of the twentieth century]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., pp. 57–73. (In Russ.)

6. Volodarskii M.I. 1985. *Sovety i ikh yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933)* [The USSR and its southern neighbors Iran and Afghanistan (1917–1933)]. London, Overseas Publications Interchange Ltd. (In Russ.)
7. Gus M.S. 1926. *Britanskii imperializm i Vostok* [British imperialism and the East]. Khar'kov, Ukrainskii rabochii Publ. (In Russ.)
8. Zhironova N.S. 2018. *Sotrudnichestvo indiskoi partii 'Gadar' s Kominternom (1922–1943)* [Cooperation of the Indian Ghadar Party with the Comintern (1922–1943)]. PhD Thesis. Lipetsk. (In Russ.)
9. Kapitonova N.K., Romanova E.V. 2016. *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii* [History of Great Britain's foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
10. Magadeev I.E. 2021. *V teni Pervoi mirovoi voiny. Dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the shade of the First World War. Dilemmas of European security in the 1920s]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
11. Mazdur I. 1933. *Britanskii imperializm v Indii i podgotovka interventsii protiv SSSR* [British imperialism in India and preparations for intervention in the USSR]. Moscow, Mezhdunarodnyi agrarnyi institut Publ. (In Russ.)
12. Nazemtseva E.N. 2013. *Russkaya emigratsiya v Sin'tszyane (1920–1930-e gg.)* [Russian emigration to Xinjiang (1920s–1930s)]. Moscow, Nobel' Press Publ. (In Russ.)
13. Obukhov V.G. 2007. *Skhvatka shesti imperii. Bitva za Sin'tsyan* [The battle of the six empires. In struggle for Xinjiang]. Moscow, Veche Publ.
14. Ostapenko G.S., Prokopov A.Yu. 2012. *Noveishaya istoriya Velikobritanii: XX — nachalo XXI veka* [Contemporary history of Great Britain in the 20th — at the beginning of the 21st century]. Moscow, Vuzovskii uchebnik, INFRA-M Publ. (In Russ.)
15. Sagimbaev A.V. 2018. *Kolonial'naya politika Velikobritanii v mezhoennoy period: prichiny i osobennosti transformatsii* [The colonial policy of Great Britain in the interwar period: Causes and features of transformation]. Moscow, TsIOGNIS Publ. (In Russ.)
16. Sergeev E.Yu. 2012. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856–1907: Myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. (In Russ.)
17. Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: From intervention to recognition]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)
18. Sudeikin A.G. 1976. *Kolonial'naya politika leiboristskoi partii Anglii mezhdvu dvumya mirovymi voynami* [Colonial policy of the British Labour Party between the two world wars]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

19. Tikhonov Yu.N. 2008. *Afganskaya voyna Stalina. Bitva za Tsentral'nyuyu Aziyu* [Stalin's Afghan war. The battle for Central Asia]. Moscow, Eksmo, Yauza Publ. (In Russ.)

20. Tikhonov Yu.N. 2007. *Politika velikikh derzhav v Afganistane i pushtunskie plemena (1919–1945)* [The great power politics in Afghanistan and the Pashtun tribes (1919–1945)]. Moscow, Lipetsk, Inform Publ. (In Russ.)

21. Tikhonov Yu.N. 2022. Rol' 'Bukharskogo voprosa' pri zaklyuchenii sovetsko-afganskogo 'Dogovora o druzhbe' 1921 g. [The role of the 'Bukhara question' in the conclusion of the Soviet-Afghan 'Treaty of Friendship' of 1921]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5. (In Russ.)

22. Ulunyan A.A. 2022. Britanskoe nepriznanie bukharskoi nezavisimosti v 1922 g.: otsenki, prognozy i mekhanizm [The British non-recognition of Bukhara's independence in 1922: Assessments, forecasts, and mechanism]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 135–150. DOI: 10.31857/S013038640018264-8. (In Russ.)

23. Yuzhnyi K. 1928. Anglo-persidskie treniya v Persidskom zalive [Anglo-Persian tensions in the Persian Gulf]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 7, pp. 41–49. (In Russ.)

24. Ashley W. 1925. The menace of communism. *English Review*, no. 12, pp. 628–634.

25. Clayton A. 1986. *The British empire as a superpower, 1913–39*. Athens, The University of Georgia Press.

26. Fisher J. 2000. The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to Bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s. *Journal of Asian History*, vol. 34, no. 1, pp. 1–34.

27. Hillmer N. 1981. The Foreign Office, the dominions and the diplomatic unity of the empire, 1925–29. In: Dilks D. (ed.). *Retreat from power. Studies in Britain's foreign policy of the twentieth century. In 2 vols. Vol. 1: 1906–1939*. London, Macmillan, pp. 64–77.

28. Howe S. 1993. *Anticolonialism in British politics: The left and the end of empire, 1918–1964*. Oxford, Clarendon Press.

29. Hughes M. 2006. *British foreign secretaries in an uncertain world, 1919–1939*. Abingdon, Routledge.

30. Jeffery K. 1982. The Eastern arc of empire: A strategic view, 1850–1950. *Journal of Strategic Studies*, vol. 5, no. 4, pp. 531–545. DOI: 10.1080/01402398208437133.

31. Kapur H. 1966. *Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A study of Soviet policy towards Turkey, Iran and Afghanistan*. Geneva, Graduate Institute of International Studies.

32. Meyer K.E., Brysac S.B. 2001. *Tournament of shadows. The Great Game and the race for empire in Asia*. London, Abacus.

33. Neilson K. 2006. *Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939*. Cambridge, Cambridge University Press.
34. Nyman L.-E. 1977. *Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934*. Stockholm, Goeteborg, Esselte Studium.
35. Orde A. 1978. *Great Britain and international security, 1920–1926*. London, Royal Historical Society.
36. Overy R.J. 1998. *The origins of the Second World War*. London, New York, Longman.
37. Petrie D. 1972. *Communism in India, 1924–1927*. Calcutta, Editions Indian.
38. Samra C.S. 1959. *India and Anglo-Soviet relations, 1917–1947*. Bombay, Asia Publishing House.
39. Shepherd J. 2008. A gentleman at the Foreign Office: Influences shaping Ramsay Macdonald's internationalism in 1924. In: Conrthorn P., Davis J. (eds.). *The British Labour Party and the wider world*. London, New York, AAAI Press, pp. 25–47.
40. Smith F.W.F. 1959. *The life of F.E. Smith, first earl of Birkenhead*. London, Eyre and Spottiswoode.
41. Spector I. 1959. *The Soviet Union and the Muslim world 1917–1958*. Seattle, University of Washington Press.
42. Sylvest C. 2008. A commanding group? Labour's advisory committee on international questions, 1918–1931. In: Conrthorn P., Davis J. (eds.). *The British Labour Party and the wider world*. London, New York, AAAI Press, pp. 48–63.
43. Thomas J.H. 1924. Labour and the empire. *World Today*, no. 5, pp. 487–489.
44. Thorpe A. 2008. Introduction. In: Conrthorn P., Davis J. (eds.). *The British Labour Party and the wider world*. London, New York, AAAI Press, pp. 1–24.
45. Toynbee A. 1928. *Survey of international affairs*. London, Oxford University Press, Humphrey Milford.
46. Warth R.D. 1983. *Soviet Russia in world politics*. New York, Twayne Publishers.
47. Watt D.C. 1965. *Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century*. London, Longmans.

Статья поступила в редакцию 26.07.2023; одобрена после
рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 21.10.2023

The paper was submitted 26.07.2023; approved after reviewing 03.09.2023;
accepted for publication 21.10.2023

Е.В. Хахалкина*

**ОТ «БОЛЬШОЙ» К «ГЛОБАЛЬНОЙ БРИТАНИИ»:
НОВОЕ И СТАРОЕ
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ
СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36*

Выход Соединенного Королевства из Европейского союза вынудил руководство страны искать новые подходы к выстраиванию отношений с внешним миром. Результатом этих поисков в политико-идеологической сфере стала концепция «Глобальной Британии» (Global Britain). Одновременно актуализировался интерес академического сообщества к изучению аналогичных идейных поисков рубежа XIX–XX вв., когда британский истеблишмент также столкнулся с необходимостью качественной переоценки места империи в мировой политике. Обращение к историческому опыту в данном случае может помочь не только вписать концепцию «Глобальной Британии» в более широкий идейно-политический контекст, но и пролить свет на некоторые неочевидные ее особенности и нюансы. С этой точки зрения интерес представляет ее сравнение с концепцией «Большой Британии», активно обсуждавшейся в указанный период. В первом разделе статьи выявлены условия возникновения концепции «Большой Британии», рассмотрены ее ключевые положения. Автор отмечает, что «Большая Британия», предполагавшая

* Хахалкина Елена Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1747-163X).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00187 «“Неопределенность” как норма жизни: идентичность ЕС в условиях глобальных трансформаций» (<https://rscf.ru/project/22-28-00187/>).

создание своеобразной федеративной модели отношений метрополии и доминионов, стала реакцией на нарастание центробежных тенденций в рамках Британской империи и усиление колониального соперничества между великими державами. Во втором разделе обрисовано концептуальное ядро «Глобальной Британии», предполагающее расширение спектра внешнеполитических возможностей Соединенного Королевства после выхода из Евросоюза за счет налаживания более активного взаимодействия со странами и регионами, в свое время входившими в империю. Особое внимание в статье уделено миграционному фактору, выступавшему в качестве скрепляющего основания британского государства в различные периоды его истории и ставшего неотъемлемым элементом его политической идентичности. Автор приходит к выводу о существовании определенной преемственности в идейно-философском содержании двух концепций, которые оформились в схожих условиях поиска новых ориентиров политики Соединенного Королевства в меняющемся мире. В то же время данные концепты, по мнению автора, не сводимы друг к другу. Если «Большая Британия» была нацелена на консолидацию империи, то «Глобальная Британия» в большей степени ориентирована на преодоление сохраняющегося внутри страны раскола по европейскому и другим вопросам, что в свою очередь актуализирует проблему качественного переосмысления национальной идентичности Соединенного Королевства. Автор заключает, что концепция «Глобальной Британии» в нынешнем ее виде решить эту проблему не сможет, наоборот, она скорее является свидетельством дефицита инновационных идей и решений у современных британских элит.

Ключевые слова: Соединенное Королевство, Великобритания, «Большая Британия», «Глобальная Британия», «Британский мир», внешнеполитическая идентичность, Брекзит, Британская империя, неоколониализм, постимперский синдром, постимпериализм

Для цитирования: Хахалкина Е.В. От «Большой» к «Глобальной Британии»: новое и старое во внешнеполитических установках Соединенного Королевства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 160–184. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-160-184.

Elena V. Khakhalkina

**FROM 'GREATER' TO 'GLOBAL BRITAIN':
THE NEW AND THE OLD IN THE FOREIGN POLICY
OF THE UNITED KINGDOM**

*National Research Tomsk State University
36, Lenin av., Tomsk, 634050*

The UK withdrawal from the European Union forced the country to reevaluate its relations with the outer world. These political and ideological searches culminated in the concept of Global Britain. At the same time, they have drawn attention of the academic community to similar intellectual endeavors at the turn of the 19th-20th centuries, when British politicians also faced the need for a qualitative reassessment of the empire's place in the world. In this context historical references can both help to place the concept of Global Britain within a broader ideological and political framework and shed light on some of its less obvious aspects. And it is particularly interesting to compare it with the concept of Greater Britain, which was extensively discussed during that period. The first section of the paper identifies the origins of the Greater Britain concept, as well as its key provisions. The author notes that the idea of 'Greater Britain', aiming to create a sort of federation that would bring together the metropole and the dominions, emerged as a response to growing centrifugal tendencies within the British Empire and intensification of colonial rivalry between the great powers. The second section outlines the conceptual core of the 'Global Britain', which involves expanding the scope of the UK foreign policy opportunities after leaving the European Union by establishing a more active interaction with countries and regions that were once part of the empire. The paper emphasizes the migration factor, which served as a fundamental element of the British statehood in various periods of its history and became an integral part of the British political identity. The author argues that there is a certain continuity in the ideological and philosophical content of the two concepts, which were both formulated in similar conditions, both originated from the search for new guidelines for the UK policy in a changing world. However, these concepts shouldn't be confused. Whereas 'Greater Britain' was aimed at consolidating the crumbling empire, 'Global Britain' is intended primarily to bridge various divides across the society, which in turn implies re-examination of the UK national identity in general. The author concludes that the concept of Global Britain in its current form cannot address these issues, on the contrary, it rather epitomizes the lack of innovative ideas and solutions among contemporary British elites.

Keywords: United Kingdom, Great Britain, Greater Britain, Global Britain, British world, foreign policy identity, Brexit, British Empire, neocolonialism, post-imperial syndrome, post-imperialism

About the author: Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of the Modern and Contemporary History and International Relations, School of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1747-163X).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00187 (<https://rscf.ru/project/22-28-00187/>).

For citation: Khakhalkina E.V. 2023. From 'Greater' to 'Global Britain': The new and the old in the foreign policy of the United Kingdom. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 160–184. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-160-184. (In Russ.)

31 января 2020 г. произошел так называемый Брекзит — Великобритания покинула Европейский союз. К этому событию страна подошла спустя почти 4 года напряженных переговоров после референдума 23 июня 2016 г. о членстве в объединении. Долгое вступление в Европейские сообщества закольцевалось менее длительным, но не менее сложным и болезненным выходом из состава ЕС.

Брекзит актуализировал обращение в научной среде Великобритании и других государств к вопросам членства Лондона в Европейском союзе и смежной проблематике. В фокус исследований попали сюжеты, связанные с отношением страны к европейской интеграции в целом, формированием и последующей эволюцией ее «особой позиции» внутри Европейских сообществ, а также с общим позиционированием Великобритании на мировой арене.

Соединенное Королевство, потеряв одну из важнейших точек опоры после выхода из ЕС, было вынуждено искать новую стратегию для укрепления своего престижа на мировой арене и перезапуска своих связей с окружающим миром. В качестве обновленной внешнеполитической установки сначала в виде броского лозунга, а позднее — в формате официальной стратегии выступила концепция «Глобальной Британии» (Global Britain)¹. Ее суть состоит в том,

¹Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Presented to Parliament by the Prime Minister by

что после выхода из Евросоюза страна должна сосредоточиться на укреплении своих позиций в других частях света, освободившись, как утверждали евроскептики, от сковывавших ее рамок ЕС.

«Глобальная Британия» не является абсолютно новой идеей. Появление и содержательное наполнение этой концепции, ориентированной на глобальный охват британской внешней политики без каких-либо ограничений и замыканий на конкретных регионах, позволяют провести параллели со временем возникновения и широкого обсуждения в общественно-политических и научных кругах концепта «Большой Британии» (Greater Britain). В российской историографии, в отличие от западной, последний не становился предметом специального анализа; можно отметить лишь эпизодическое обращение к этому концепту в некоторых работах с его включением в контекст общих имперских сюжетов и вопросов эволюции Британской империи [Ливен, 2012; Следзевский, 2010; Хахалкина, 2017; Сагимбаев, 2021].

В зарубежной науке интерес к обозначенному проекту заметно выше [Armitage, 1999; Deudney, 2001; Bell, 2007; Klerides, 2009; Lecourt, 2013; Webb, 2013; и др.] и объясняется попытками исследователей прояснить вопросы о том, насколько идеи «Большой Британии» были реализуемы в свое время или позднее и в чем причины их провала. Симптоматично, что ученые и публицисты отреагировали на «Большую Британию» и связанные с ней идеи (имперской федерации, «Британского мира» и др.) практически сразу же после появления указанного концепта — еще в конце XIX в. [Taylor, 1890; Waddie, 1895; et al.], в целом поддержав размышления его авторов. Например, в рецензии Х. Тэйлора на работу одного из идеологов «Большой Британии» Ч. Дилка обращается внимание на важность ответа на растущую мощь Соединенных Штатов и особенно — Российской империи. «Самый опасный соперник для Англии — это Россия, — утверждал Х. Тэйлор, — и автор [Ч. Дилк. — Е.Х.] подробно прописывает во введении, что будущее мира, кажется, лежит между Британской империей, Соединенными Штатами и Россией, которая одинока среди континентальных наций Европы в своем владении

Command of Her Majesty, March 2021. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed: 15.10.2023).

бескрайними районами плодородных земель вне Европы...» [Taylor, 1890: 318].

Как представляется, в условиях реализации концепта «Глобальной Британии» важно обратиться к идейным истокам современной внешнеполитической стратегии и тем историческим шаблонам, которые используются сейчас Лондоном для перезагрузки отношений с окружающим миром при опоре в том числе на ресурсы бывшей колониальной системы. В статье ставится задача сравнить две идеи британской внешней политики разных лет — «Большой Британии» и «Глобальной Британии», которые разделяет столетие (но сближают названия) и исторические моменты появления которых схожи по своему контексту и идейному наполнению. Оба концепта отразили интеллектуальные усилия части политических и общественных элит, отреагировавших на вызовы времени и риски ослабления позиций Великобритании перед более мощными конкурентами. Обозначенные тезисы призваны были закрепить за страной действительно глобальную роль на базе колониальных (или бывших) владений и сложившихся структур (например, Содружества Наций). Статья также является приглашением к продолжению изучения «Большой Британии», ее ключевых положений и возможностей для их современного использования в рамках колониальных и постколониальных исследований и для разработки практических рекомендаций внешнеполитического характера.

«Большая Британия» и идеи создания имперской федерации

Термин «Большая Британия» (или «Более Великая Британия») возник во второй половине XIX в. в общественно-политическом дискурсе Соединенного Королевства на фоне роста тревоги относительно будущего страны и ее колониальной империи. Появление новых амбициозных соперников в лице Германии и Италии, завершивших процессы объединения в начале 1870-х годов, и США, резко вырвавшихся вперед в связи с впечатляющим ростом технологий и занятых поиском рынков сбыта после окончания освоения западного фронта, при сохранении традиционных противоречий с Российской империей побуждало Лондон задуматься о пересмотре своей внешнеполитической стратегии.

Одним из ответов стало предложение некоторых британских деятелей о создании «Большой Британии» как федеративной конструкции, которая прежде всего должна была объединить пере-

селенческие колонии — Австралию, Канаду, Южно-Африканский Союз и Новую Зеландию — для оформления «общей этнической идентичности белых британцев» [Ливен, 2012: 285] и более тесной связки метрополии и доминионов. Указанные территории составляли небольшую часть британской торговли (около 13% британского импорта и 16% британского экспорта с 1900 г.), но являлись «культурно британскими», и, как следствие, «экспортеры чувствовали себя в безопасности и комфорте в торговле» с ними [Embers of empire in Brexit Britain, 2019: 18], что придавало дополнительный импульс идеям федерации.

В 1868 г. вышло в свет двухтомное издание «Большая Британия» политика-либерала Ч. Дилка о его продолжительном путешествии, пользуясь современной терминологией, «по Британскому миру»²: «Стремясь охватить громоздкие измерения своего предмета, он сознательно решил не называть его “Британской империей”, будучи убежденным в необходимости приуменьшить господство над подчиненными народами и подчеркнуть достижения британского народа, разбросанного по всему миру...» [Embers of empire in Brexit Britain, 2019: 6]. В предисловии к другой, более поздней работе «Проблемы Большой Британии» (частично включавшей первое сочинение) Ч. Дилк указывал, что «это не книга путешествий, а научный труд, посвященный нынешней позиции “Большой Британии”, в котором особое внимание будет уделено отношениям англоговорящих народов друг с другом и сравнительной политике стран, находящихся под британским управлением» [Dilke, 1890: VIII]. Сочинение состояло из трех разделов: «Северная Америка», «Австралия» и «Южно-Африканский Союз». В начале работы Ч. Дилк подчеркивал мощь Британской империи, которая «вместе со всеми владениями включает 9 млн квадратных миль, или три Европы» [Dilke, 1890: 1], акцентируя далее внимание на соперничестве с Россией и необходимости оформления «Большой Британии» как ответа на эту угрозу [Dilke, 1890: 2–7].

Позднее идею создания «Большой Британии» в формате «имперской федерации» развил английский историк Дж. Фруд. В 1871 г. он писал: «...когда мы противопоставляем огромную территорию, принадлежащую России, Соединенным Штатам или Германии, ничтожным размерам нашего собственного островного дома, от нас не может скрыться предубеждение, что наше место как нации исчезнет

² К понятию «Британский мир» мы еще вернемся во второй части статьи.

среди этих соперников, если только мы не сможем отождествить колонии с собой и умножить английскую землю, распространив на ней английскую расу...» [цит. по: Deudney, 2001: 193].

Другой британский историк и публицист, Дж. Сили, также рассуждал о продвижении «английского государства» за свои границы, однако, в отличие от Дж. Фруда, он считал, что «сущность Великой Британии [в данном переводе — не «Большая», а «Великая Британия». — Е.Х.] заключается в распространении английской государственности, а не английской национальности. <...> Если национальность распространяется без расширения государства, как было с греческими колониями, то плодом этого явления может, правда, оказаться усиление нравственного и умственного влияния народа, но возрастания политического могущества при этом не бывает» [Сили, 2013: 43]. В этой связи Дж. Сили заключал, что «Великая Британия вовсе не является империей в обычном смысле слова. Рассматривая отдельно колониальную часть Великой Британии, мы находим естественный рост, простое нормальное распространение английской расы в новых, большей частью слабо населенных, землях, которыми поселенцы овладевают, не совершая завоевания» [Сили, 2013: 244].

Британский географ и геополитик Х. Макиндер исходил из схожих представлений [Mackinder, 1902]. В своих разработках Х. Макиндер и Дж. Сили вели речь о создании объединения, или «имперской федерации» на основе развития системы тарифных преференций для экономической интеграции заморских территорий с Великобританией и реализации программ социальной демократизации и повышения благосостояния населения.

Много внимания в концепте «Большой Британии» уделялось проблемам миграции. Например, считалось, что все части Британской империи должны быть еще теснее связаны между собой посредством эмиграции из Великобритании в переселенческие колонии и в целом путем интенсификации передвижений благодаря технологическому прогрессу и развитию транспорта, а значит, росту миграционных потоков. Дж. Сили, в частности, писал, что «народонаселение, к несчастью, не может приспособиться к пространству; напротив, чем оно больше, тем больше и его ежегодный прирост. Англия уже теперь полна, но она переполняется с возрастающей скоростью; ее население увеличивается на миллион каждые три года. Вероятно, эмиграция нормально должна происходить еще с большей скоростью, чем она происходит теперь, и не подлежит сомнению, что остановка ее была

бы величайшим бедствием [Сили, 2013: 244; Фергюсон, 2013: 337]. В связи с этим Дж. Сили писал о том, что «на широких просторах Великобритании, в глобальном англосаксонском мире, разглядел такое потенциальное решение» социально-экономических проблем страны, как перевод «недовольства промышленного и аграрного рабочего класса в имперский патриотизм в процессе организованной эмиграции <...>, а система национального образования могла бы оживить британскую культуру, выведя ее из умирающего состояния и превратив в динамическую силу, питаемую признанием славы нации и правильными уроками политической морали» [цит. по: Bell, 2005: 567].

В этом контексте Дж. Сили и Х. Макиндер исходили из предположения о том, что развитие «новых технологий» приведет к образованию «крупных самоуправляемых режимов» и объединению «разбросанных по земному шару фрагментов британской “нации”» в «жизнеспособное национальное государство» [см.: Deudney, 2001: 194]. Ретроспективно очевидно, что оба мыслителя переоценивали скорость технологического прогресса того времени, однако в целом они рассуждали в верном направлении: именно развитие средств транспорта среди прочего способствовало интенсификации миграционных потоков во второй половине XX в.

При этом предлагаемые проекты основывались, как правило, на четком разделении членов британской нации и «чужих» народов, находившихся под британским правлением. Первые должны были быть связаны более тесно; вторые — в конечном счете получить независимость. Британская империя (кроме Индии и Тропической Африки) должна быть населена членами «британской нации», эмигрировавшими с Британских островов» [Deudney, 2001: 197].

Такое разделение членов «британской нации» и «чужих» народов было неслучайным. Как подчеркивал российский исследователь И.В. Следзевский, «синдром известного “самозамыкания” англичан в колониях усиливался благодаря характерному для них ощущению невозможности приобщиться к жизни коренного населения или установить с ним более тесные отношения, в результате чего между этим населением и британцами возникал постоянный психологический барьер» [Следзевский, 2010: 29].

В этом контексте обращает на себя внимание появление термина «Британский мир», который стал обозначать особую конструкцию Британской империи в тот период, когда обсуждался вопрос о соз-

дании «Большой Британии». Такой механизм развития империи и ее трансформации, когда многие жители Соединенного Королевства уезжали в поисках лучшей доли в доминионы и другие части империи, образуя там автономные сообщества и «самозамыкаясь» в новых территориях, российский историк И.В. Следзевский назвал «культурно-цивилизационным способом утверждения и самоопределения *Британского мира* [курсив наш. — Е.Х.] в колониях», отметив его культурную самодостаточность и отсутствие потребности в диалоге с колониальными народами [Следзевский, 2010: 29].

Термин «Британский мир»³ используется и в настоящее время, обозначая особое качество, которое приобрели, в том числе через британские диаспоры и интенсивные миграционные потоки, отношения между бывшими частями Соединенного Королевства [Potter, 2003; Rediscovering the British world, 2005; Empire, migration and identity..., 2013; Pietsch, 2013]. Как справедливо отмечала Дж. Винтер, «история империи — неотъемлемая часть сюжетов о перемещениях населения с Британских островов и обратно. Эта двойная особенность демографической истории часто недооценивается. Демографическая история империи отмечена мощными центробежными и центростремительными силами» [Winter, 2002: 143]. При этом в вышедшей в 2013 г. коллективной монографии «Империя, миграция и идентичность в Британском мире», ставшей результатом ряда конференций по имперской проблематике [Empire, migration and identity..., 2013: 2], главные редакторы К. Федорович и Э. Томсон указывали на то, что эмиграция попадает в фокус внимания современных имперских исследований нечасто (в отличие от процессов иммиграции), прежде всего потому, что представляет собой «ускользающий феномен»: «...внутри империи диаспоры эмигрантов — любой этничности или национальности — редко наносились на карту точно в соответствии с формальными границами колониального управления, что затрудняло их изучение» [Empire, migration and identity..., 2013: 1]. Тем не менее существование диаспор тесно связано с наличием множественной идентичности у живущих

³ Термин «Британский мир» вызывает определенные параллели с понятием «Русский мир»: он так же имеет прямые отсылки к имперскому прошлому и постимперскому развитию государства; подвижный по своему наполнению и границам, он априори подвержен политизации в определенных социально-политических обстоятельствах. Именно эти факторы, возможно, обуславливают нечастое обращение к данному термину в научной литературе.

за пределами своего государства британцев, что указывает на необходимость изучения «Британского мира» и через такие переменные, как миграция, диаспора и идентичность. «Британский мир» формировался и в измененных формах существует благодаря активным миграционным процессам, которые до сих пор определяют наравне с другими факторами современную британскую идентичность (нежелание населения и элиты замыкаться на Евросоюзе, стремление мыслить в глобальных категориях) и внешнеполитическую логику, нацеленную на сохранение связей с бывшими территориями.

Возвращаясь к представлениям ранее упомянутых исследователей, отметим, что они не стремились детализировать содержание используемого ими термина «Большая» или «Великая Британия»: по их мнению, преимущество Великобритании как раз заключалось «в самой туманности ее внешних проекций, стирающих границы местоположения и скрывающих нежелательные детали» [Embers of empire in Brexit Britain, 2019: 6].

Вместе с тем концепт «Большой Британии» высвечивал две существенные проблемы, стоявшие перед страной в то время. Во-первых, он показал, что термин «Британская империя» уже в конце XIX в. представлялся не вполне адекватным для описания актуального международного положения и статуса Соединенного Королевства. Во-вторых, уже тогда Лондону требовался инструмент для сохранения международных позиций в условиях обострившейся конкуренции и Второй промышленной революции. Следовало подумать об усилении политического и институционального единства метрополии и колоний.

Предложения о создании имперской федерации активно обсуждались в британском парламенте в последней трети XIX в. В тот период сочетание центробежных и центростремительных тенденций порождало у части политической элиты опасения относительно грядущего распада империи в случае, если не будут приняты меры для ее укрепления и сплочения [Савченко, 2022: 59]. В этом контексте следует в том числе рассматривать борьбу юнионистов в лице Дж. Чемберлена против предложений У. Гладстона о предоставлении самоуправления Ирландии. В 1884 г. была основана Лига Имперской Федерации в Лондоне в целях укрепления имперских связей между Великобританией и самоуправлявшимися территориями в составе Британской империи. Отделения Лиги были открыты в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и других частях Соединенного Коро-

левства, однако она так и не смогла определиться со своей основной ролью, наладить работу, поэтому была распущена в 1893 г.

В 1909 г. было создано Движение «Круглого стола» как объединение организаций, выступавших за более тесный союз между Великобританией и ее самоуправлявшимися колониями. Группы «Круглого стола» были сформированы в Канаде, Южно-Африканском Союзе, Австралии и Новой Зеландии, а в 1912 г. была создана группа в Ньюфаундленде. Движение возглавил британский чиновник и публицист Л. Кертис, «выросший» из «Детского сада» («Kindergarten») А. Милнера, который состоял в основном из выпускников Оксфорда и служащих британской колониальной администрации [Сагимбаев, 2021: 452–453].

Л. Кертис разработал проект имперской федерации и накануне очередной имперской конференции 1911 г. вместе с другими членами «Круглого стола» попытался привлечь внимание к своим идеям. Он предложил, одним из первых в истории, заменить термин «Британская империя» на «Содружество Наций» и включить в систему имперского управления представителей доминионов. В системе имперских интересов члены группы «Круглого стола» придавали особое значение Индии, выступив с проектом возможного распространения системы доминиона и на это крупнейшее британское владение [Сагимбаев, 2021: 453]. На том этапе истории реализовать эти идеи не удалось, но они были использованы позднее — при создании Содружества в начале 1930-х годов, впрочем, тогда речь уже не шла о каком-то подобии федерации на базе империи, скорее в условиях Мирового экономического кризиса 1929–1939 гг. было важно сохранить уже достигнутое и не допустить серьезного ослабления метрополии и связанных с ней территорий.

«Глобальная Британия» как современный ответ на вызовы времени

Итоги референдума 23 июня 2016 г. многие аналитики расценили как проявление имперского синдрома; в политической среде даже появился хотя и иронический, но быстро распространившийся тогда термин «империя 2.0»⁴. В вышедшей по следам референдума

⁴ Boffey D. Empire 2.0: The fantasy that's fueling Tory divisions on Brexit // The Guardian. 08.11.2018. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2018/nov/08/empire-fantasy-fuelling-tory-divisions-on-brexit> (accessed: 15.10.2023).

коллективной монографии «Тлеющие угли империи в Великобритании периода Брекзита» термин «Глобальная Британия» трактовался как «отсылка к беспокойной совести имперского прошлого» [Embers of empire in Brexit Britain, 2019: 7–8] и аллюзия на «Большую Британию» и другие конструкции. Соединенное Королевство предложило громкий лозунг «глобального курса» страны, видимо, в противовес региональному в рамках Евросоюза, однако детально разработанная стратегия на тот момент времени отсутствовала.

Понадобилось несколько лет для уточнения и наполнения броского лозунга «Глобальной Британии» конкретным содержанием. В марте 2021 г. была опубликована долгожданная стратегия «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики»⁵, в которой заявленный тезис, как уже видно из названия, получил подробное изложение.

Документ состоит из пяти разделов: предисловия премьер-министра, общей вводной части, обзора состояния национальной безопасности и международной среды до 2030 г., стратегической программы действий и рекомендаций по осуществлению намеченных целей. В разделе 4 «Стратегическая основа» обозначены такие приоритеты, как развитие научно-технического потенциала Великобритании, укрепление ее образа как «силы добра», сделан упор на поддержание открытой, устойчивой глобальной экономики, закрепление своей роли как «европейской страны с глобальными интересами», поворот в сторону Индо-Тихоокеанского региона как фундамента внешней политики, укрепление безопасности и обороны внутри страны и за рубежом, противодействие государственным угрозам и вызовам транснациональной безопасности, включая изменение климата и др. Кроме того, было закреплено создание единого Министерства иностранных дел, по делам Содружества и развития (в сентябре 2020 г. произошло слияние Министерства международного развития (DFID) с Министерством иностранных дел и по делам Содружества), что отразило нацеленность Лондона на более тесную увязку вопросов внешней политики и развития.

Особое внимание было уделено Содружеству как одному из столпов британских внешнеполитических традиций и атрибутов державности. В документе отмечено, что Великобритания является одним из 54 членов Содружества — добровольной международной

⁵ Global Britain in a Competitive Age...

ассоциации, «которая ценит демократический суверенитет и охватывает 2,4 млрд человек — 60% из них в возрасте до 30 лет»⁶. Содружеству отводится определенная роль «в поддержке открытого и устойчивого международного порядка, обеспечивающего <...> продвижение демократии, поддержание индивидуальных свобод, устойчивое развитие и трансграничную торговлю товарами и услугами, способствующими экономическому росту»⁷.

Индо-Тихоокеанский регион позиционируется в стратегии как имеющий «решающее значение для нашей экономики, нашей безопасности и нашего глобального стремления поддерживать открытое общество. Не менее 1,7 млн британских граждан живут по всему региону, и наши торговые отношения продолжают расти. В ближайшие десятилетия он [регион. — *Е.Х.*] станет горнилом для решения многих самых насущных глобальных проблем — от изменения климата и биоразнообразия до морской безопасности и геополитической конкуренции, связанных с правилами и нормами»⁸. Далее было зафиксировано, что «в предстоящее десятилетие Великобритания углубит свое участие в Индо-Тихоокеанском регионе, устанавливая большее и более устойчивое присутствие, чем любая другая европейская страна. Регион уже имеет решающее значение для нашей экономики и безопасности; является центром выработки международных законов, правил и норм и станет более важным для процветания Великобритании в ближайшее десятилетие»⁹.

Термин «глобальный», упомянутый в документе 245 раз, не поясняется, однако при представлении стратегии в Палате общин Б. Джонсон озвучил симптоматичный тезис: «Правда в том, что даже если бы мы этого хотели (а мы, конечно, этого не хотим), Великобритания никогда не смогла бы замкнуться в себе или довольствоваться тесными горизонтами региональной внешней политики. Для нас не существует далеких стран, о которых мы мало знаем»¹⁰. Тогдашний премьер-министр фактически указывал на «обреченность» Великобритании не на региональную, а на глобальную роль.

⁶ Ibid. P. 61.

⁷ Ibid. P. 61–62.

⁸ Ibid. P. 66.

⁹ Ibid. P. 62.

¹⁰ PM statement to the House of Commons on the Integrated Review // GOV.UK. 16.03.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-to-the-house-of-commons-on-the-integrated-review-16-march-2021> (accessed: 15.10.2023).

Современный «глобальный» курс Лондона в целом органично коррелирует также с «теорией трех окружностей», озвученной У. Черчиллем на партийной конференции в 1948 г., с ее упором на англо-американские отношения, взаимодействие с империей и Содружеством и связи с Европой [Хахалкина, 2021]. Так, именно США, которые, как зафиксировано в стратегии 2021 г., останутся «экономической, военной и дипломатической сверхдержавой», названы «самым важным стратегическим союзником» Великобритании. В обновленной внешнеполитической стратегии, принятой в марте 2023 г., Вашингтон также мыслится в качестве ключевого союзника: «Глубина отношений Великобритании с США — от разведки до военной и дипломатической координации — остается абсолютно важной опорой нашей безопасности»¹¹. Большая роль отводится также взаимодействию с Содружеством. В частности, говорится о стремлении Великобритании укреплять «организацию, на долю которой приходится более четверти членов ООН и которая отстаивает ценности, лежащие в основе открытого международного порядка. Мы будем углублять сотрудничество с партнерами и учреждениями Содружества, чтобы увеличить преимущества членства для всех его 2,5 млрд граждан, еще больше укрепить торговлю внутри Содружества, поддержать участников, сталкивающихся с проблемами в привлечении внутренних инвестиций, и повысить устойчивость наиболее уязвимых стран-членов к изменению климата <...> и деградации окружающей среды»¹².

Большое внимание в упомянутых стратегиях 2021 и 2023 гг. уделено взаимодействию с ЕС (в обновленном отчете на этом сделан больший, чем прежде, упор), в том числе в оборонной сфере, и Содружеству. В качестве основы британского «глобального» могущества фигурируют такие ключевые международные площадки, как ООН, «Группа семи», «Группа двадцати», Содружество, военные альянсы и др.

В тексте стратегии нашла отражение и миграционная проблематика, которой, как было отмечено, уделялось значительное внимание

¹¹ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a More Contested Volatile World // GOV.UK. 16.05.2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world> (accessed: 15.10.2023).

¹² Ibid. P. 20.

и в рамках концепта «Большой Британии». Как известно, Соединенное Королевство в относительно недавнее время превратилось из страны эмиграции в государство иммиграции. Этот процесс был запущен после Второй мировой войны в условиях нехватки рабочих рук для послевоенного восстановления, когда согласно Акту 1948 г. подтверждался свободный въезд для выходцев из колоний и Содружества¹³.

Накануне референдума о Брексите иммиграция стала одним из самых насущных вопросов (включая проблемы беженцев и значительного количества сезонных рабочих из стран Восточной Европы). Страна тогда ставила вопрос о самостоятельном, без давления Брюсселя регулировании иммиграционных потоков. Было заявлено о создании новой схемы въезда в страну, основанной на балльной системе по образцу Австралии. В результате Великобритания должна была «стать магнитом для международных инноваций и талантов», что отражало стремление правительства к привлечению высококвалифицированных кадров¹⁴.

При этом авторы концепции «Глобальной Британии», опираясь на опыт осмысления миграционной проблематики во времена империи, стремились чутко реагировать на современные вызовы и процессы. Например, в июне 2020 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Б. Джонсон озвучил планы правительства предоставить любому из почти 3 млн граждан Гонконга британское подданство. На тот момент около 350 тыс. из них имели британские (заграничные) паспорта, и еще 2,5 млн человек обладали правом подать заявление на их получение. Такие паспорта разрешают безвизовый въезд на срок до 6 месяцев¹⁵. Эти предложения стали реакцией на рост влияния Китая в подконтрольном ему Гонконге. При этом Б. Джонсон пояснил, что данное положение вступит в силу только в том случае, если КНР будет настаивать на принятии новых законов о безопасности, которые лишают Гонконг его традиционных свобод¹⁶.

¹³ British Nationality Act 1948: 1948 (11 & 12 Geo. 6.), chapter 56 // Legislation.gov.uk. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/contents/enacted> (accessed: 15.10.2023).

¹⁴ Global Britain in a Competitive Age... P. 7.

¹⁵ Wintour P. Boris Johnson lays out visa offer to nearly 3m Hong Kong citizens // The Guardian. 03.06.2020. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/03/britain-could-change-immigration-rules-for-hong-kong-citizens> (accessed: 15.10.2023).

¹⁶ Ibidem.

В стратегии «Глобальная Британия» этот сюжет также нашел отражение: было зафиксировано, что страна отреагировала на действия Пекина в Гонконге, «создав новый иммиграционный маршрут для граждан Великобритании (за границей), членов их семей и иждивенцев, а также на нарушения прав человека Китаем в Синьцзяне посредством принятия мер к обеспечению того, чтобы британские организации не были замешаны в этих нарушениях и не получали от них прибыль»¹⁷.

В феврале 2022 г. Лондон объявил о расширении критериев своей визовой программы для жителей Гонконга, позволяя взрослым детям лиц, имеющих статус зарубежного гражданина Великобритании (British National (overseas), BN(O)), подавать заявления на его получение независимо от родителей. Статус BN(O) был введен в соответствии с британским законом 1985 г. и предназначен именно для жителей Гонконга¹⁸. Свои действия Великобритания аргументировала новыми законами о безопасности, принятыми Китаем в Гонконге¹⁹ и фактически нацеленными на подавление оппозиции²⁰.

В целом в Стратегии в разделе «Стрессоустойчивость и миграция» прогнозировалось: «...трансграничная миграция, вероятно, увеличится в ближайшее десятилетие, что обусловлено растущим глобальным населением и изменением климата, нестабильностью и экономическими факторами. Это будет иметь последствия для многих стран мира, включая Британию»²¹. Заметим, что в 2021 г. в стране проживало около 6,0 млн человек небританского гражданства и 9,6 млн человек, родившихся за границей²². Порядка 5,5 млн

¹⁷ Global Britain in a Competitive Age... P. 63.

¹⁸ Hong Kong Act 1985: 1985, chapter 15 // Legislation.gov.uk. 04.03.1985. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/15/enacted> (accessed: 15.10.2023).

¹⁹ James W. UK expands eligibility for Hong Kong visa offer. Available at: <https://www.reuters.com/world/uk-expands-eligibility-hong-kong-visa-offer-2022-02-24/> (accessed: 15.10.2023).

²⁰ Pomfret J. Hong Kong hits back at UK call for security law to be scrapped. Available at: <https://www.reuters.com/world/china/hong-kong-hits-back-uk-call-security-law-be-scrapped-2023-05-26/> (accessed: 15.10.2023).

²¹ Global Britain in a Competitive Age ... P. 95.

²² Sturge G. Migration statistics: Research briefing // House of Commons Library. 31.05.2023. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06077/SN06077.pdf> (accessed: 15.10.2023).

британцев проживают за пределами Соединенного Королевства²³. Если говорить о мигрантах, то в период с июня 2021 по июнь 2022 г. в страну въехало чуть более 1 млн человек, из них 704 тыс. — из стран вне ЕС (76 тыс. жителей Гонконга), 224 тыс. — из стран ЕС и 135 тыс. вернувшихся британских граждан²⁴.

Миграционная проблематика поднимается и в обновленной стратегии 2023 г. в контексте заметно выросшей иммиграции в Великобританию (по данным Управления национальной статистики, в 2022 г. чистая миграция составила 606 тыс. человек²⁵), которая обозначается в качестве одного из «транснациональных вызовов»²⁶. Авторы вновь подтвердили особый миграционный статус для граждан Гонконга и зафиксировали следующее: «...по состоянию на декабрь 2022 г. мы одобрили 153 708 заявлений от обладателей статуса британского гражданина (за границей) на проживание в Великобритании, что отражает нашу историческую приверженность тем жителям Гонконга, которые решили сохранить свои связи с Великобританией»²⁷. Кейс Гонконга, как видно, продолжает играть важную роль как в миграционном контексте, так и во взаимодействии с Китаем, который по-прежнему рассматривается как один из ключевых соперников страны.

Таким образом, термин «Глобальная Британия» получил расшировку и конкретное наполнение. Однако это не только не сняло все вопросы, которые изначально вызывал этот концепт, но и парадоксальным образом породило новые. Главная проблема по-прежнему заключается в явном отсутствии прорывных идей, которые могли бы подчеркнуть и обосновать новое место Великобритании на международной арене. Достаточно сказать, что все описанные в документе

²³ Bennett-Cook R. Is it embarrassing to be an expat? Brits living abroad and distancing themselves from the term after Brexit // The Conversation. 14.10.2022. Available at: <https://theconversation.com/is-it-embarrassing-to-be-an-expat-brits-living-abroad-are-distancing-themselves-from-the-term-after-brexit-191533> (accessed: 15.10.2023).

²⁴ Long-term international migration, provisional: Year ending June 2022 // Office for National Statistics. 24.11.2022. Available at: <file:///C:/Users/Бордан/Downloads/Long-term%20international%20migration,%20provisional%20year%20ending%20June%202022.pdf> (accessed: 15.10.2023).

²⁵ Picheta R., McGee L., Edwards C. Britain sees record net migration levels, increasing pressure on government // CNN. 25.05.2023. Available at: <https://edition.cnn.com/2023/05/25/uk/uk-net-migration-figures-gbr-intl/index.html> (accessed: 15.10.2023).

²⁶ Integrated Review Refresh 2023...

²⁷ Ibid. P. 28.

инструменты и факторы британского глобального присутствия были доступны стране и ранее, и это рождает вопрос об оправданности и целесообразности введения для их характеристики какого-то нового термина.

* * *

Концепты «Большая Британия» и «Глобальная Британия» появились в условиях активных дискуссий вокруг необходимости пересмотра основ британской внешней политики как ответ на запрос на укрепление международных позиций Соединенного Королевства с помощью ресурсов [бывшей] империи. «Большая Британия» предполагала более тесный союз метрополии с ее переселенческими, а в перспективе — и другими территориями вплоть до идей создания большого национального государства. В проектах рубежа XIX–XX вв. утверждалось, что интенсификация миграционных потоков и общий подъем мировой экономики и торговли приведут к укреплению Британской империи либо ее переформатированию в федерацию или другую структуру. «Глобальная Британия» также предполагает необходимость усиления связей с уже бывшими владениями и другими территориями (прежде всего в рамках Индо-Пацифики), равно как и сохранения в отдельных случаях (пример Гонконга) свободы миграционных передвижений внутри британского ареала — земель, в разное время находившихся под контролем королевства.

В то же время если «Большая Британия» была призвана, по мысли политиков и ученых, сплотить империю, не допустить ее распада, содействовать росту ее могущества и влияния, то «Глобальная Британия» в большей степени ориентирована (или должна быть ориентирована) на поиск своего нового «Я», «пересборку» национальной и внешнеполитической идентичности таким образом, чтобы полностью преодолеть или хотя бы ослабить сохраняющийся раскол внутри страны по европейской и другой проблематике.

Открытым остается вопрос, насколько «Глобальная Британия» и аналогичные проекты состоятельны в этой роли, могут ли они реально укрепить престиж Великобритании и ее возможности на международной арене в условиях давней переориентации бывших доминионов на другие центры силы и обострения конкуренции держав за Индо-Тихоокеанский регион. Вызовы для «Глобальной Британии», как видно, почти те же, что и для «Большой Британии», однако для ответа на них с учетом изменившихся международных

реалий и глубоких внутренних проблем Великобритании, очевидно, требуются нетривиальные подходы и достаточные ресурсы, которых пока нет. Новый внешнеполитический курс на данный момент не дает ожидаемой отдачи, не способствует сплочению страны, процветанию и экономическому благополучию, как было заявлено в целях «Глобальной Британии»; вместо этого он с новой остротой ставит на повестку дня задачу примирения разных компонентов — имперского и европейского — в структуре национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойцов М.А. История и глобализация. Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 91–108.
2. Буллер А., Линченко А.А. Культурная память мигрантов и принимающего общества в эпоху мультикультурализма // *Журнал фронтирных исследований*. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 27–59. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.202.
3. Волошина Т.Г. Некоторые аспекты понятия Англосферы в эпоху глобализации // *Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции*. В 2 частях. Часть 2 / Отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 153–155.
4. Годованюк К.А. «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности // *Современная Европа*. 2020. № 6 (99). С. 181–190. DOI: 10.15211/soveurope62020181190.
5. Косторниченко В.Н. Концепция Англосферы как основа внешнеполитического курса англоязычных стран // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2019. № 2 (835). С. 106–117.
6. Ливен Д. Империи и власть. Размышляя над современной историографией истории империй // *В поисках истины: Сборник к юбилею академика А.О. Чубарьяна* / Отв. ред. И.В. Липкин. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 279–301.
7. Савченко Д.В. Концепция Имперской Федерации в Британской империи во второй половине XIX в.: первый опыт создания колониальной федерации // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2022. Т. 13. № 3. С. 56–70. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-3-56-70.
8. Сагимбаев А.В. Концепция Британского Содружества в деятельности группы «Круглого стола» в начале XX века // *Научный диалог*. 2021. № 7. С. 449–462. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-449-462.
9. Сили Дж.Р. Британская империя: разделяй и властвуй! М.: Алгоритм, 2013.

10. Следзевский И.В. Цивилизационное основание и культурная логика трансформации британского мира в империю // Британская империя в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 24–45.

11. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель; Corpus, 2013.

12. Хахалкина Е.В. Великобритания и проблемы интеграции, безопасности и деколонизации во второй половине 1940-х — начале 1960-х гг. Томск: Издательство Томского университета, 2017.

13. Хахалкина Е.В. «Глобальная Британия»: от идеи к воплощению // Современная Европа. 2021. № 1 (101). С. 21–32. DOI: 10.15211/soveurope120212132.

14. Armitage D. Greater Britain: A useful category of historical analysis? // The American Historical Review. 1999. Vol. 104. No. 2. P. 427–445. DOI: 10.2307/2650373.

15. Bell D. The idea of Greater Britain: Empire and the future of world order, 1860–1900. Princeton: Princeton University Press, 2007.

16. Bell D. Unity and difference: John Robert Seeley and the political theology of international relations // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 559–579. DOI: 10.1017/S0260210505006637.

17. Bennett J. The emerging Anglosphere // Orbis. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 111–126. DOI: 10.1016/s0030-4387(01)00109-0.

18. Deudney D. Greater Britain or greater synthesis? Seeley, Mackinder, and Wells on Britain in the global industrial era // Review of International Studies. 2001. Vol. 27. No. 2. P. 187–208. DOI: 10.1017/S026021050000187X.

19. Dilke Ch.W. Problems of Greater Britain. In 2 vols. Vol. 1. London; New York: Macmillan & Co., 1890.

20. Embers of empire in Brexit Britain / Ed. by S. Ward, A. Rasch. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019.

21. Empire, migration and identity in the British world / Ed. by K. Fedorowich, A.S. Thompson. Manchester: Manchester University Press, 2013.

22. Gardner A. Brexit, boundaries and imperial identities: A comparative view // Journal of Social Archaeology. 2017. Vol. 17. No. 1. P. 3–26. DOI: 10.1177/1469605316686875.

23. Harries O. The Anglosphere illusion // National Interest. 2001. No. 63. P. 130–136.

24. Klerides E. National identities on the move: Examples from the historical worlds of Greater Britain and Hellenism // Comparative Education. 2009. Vol. 45. No. 3. 435–452. DOI: 10.1080/03050060903184999.

25. Lecourt S. The Mormons, the Victorians, and the idea of Greater Britain // Victorian Studies. 2013. Vol. 56. No. 1. P. 85–111. DOI: 10.2979/victorianstudies.56.1.85.

26. Mackinder H.F. Britain and the British seas. London: William Heinemann, 1902.

27. Mckinnon S. Translation at the service of Greater Britain // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 252–263.
28. Pietsch T. Rethinking the British world // Journal of British Studies. 2013. Vol. 52. No. 2. P. 441–463. DOI: 10.1017/jbr.2013.53.
29. Potter S. News and the British world: The emergence of an imperial press system, 1876–1922. Oxford: Oxford University Press, 2003.
30. Rediscovering the British world / Ed. by Ph. Buckner, R.D. Francis. Calgary: University of Calgary Press, 2005.
31. Seeley J.R. The expansion of England: Two courses of lectures. London: Macmillan and Co., Ltd., 1914.
32. Steer Ph. Gold and Greater Britain: Jevons, Trollope, and settler colonialism // Victorian Studies. 2016. Vol. 58. No. 3. P. 436–463. DOI: 10.2979/victorianstudies.58.3.02.
33. Taylor H. Problems of Greater Britain. By the Right Hon. Sir Charles Wentworth Dilke, Bart. Macmillan & Co., London and New York. P. 738 // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1890. Vol. 1. No. 2. P. 313–319. DOI: 10.1177/000271629000100210.
34. Waddie Ch. The federation of Greater Britain. Edinburgh: Waddie & Co. Ltd., 1895.
35. Webb S.S. Marlborough's America. New Haven: Yale University Press, 2013.
36. Winter J. Migration, war and empire: The British case // Annales de Démographie Historique. 2002. Vol. 103. No. 1. P. 143–160. DOI: 10.3917/adh.103.0143.

REFERENCES

1. Boitsov M.A. 2006. Istoriya i globalizatsiya. Vyzhivet li Klio pri globalizatsii? [Will Clio survive globalization]. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 91–108. (In Russ.)
2. Buller A., Linchenko A.A. 2020. Kul'turnaya pamyat' migrantov i prini-mayushchego obshchestva v epokhu mul'tikul'turalizma [Cultural memory of migrants and the host society in the epoch of multiculturalism]. *Journal of Frontier Studies*, vol. 5, no. 2 (18), pp. 27–59. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.202. (In Russ.)
3. Voloshina T.G. 2018. Nekotorye aspekty ponyatiya Anglosfery v epokhu globalizatsii [The peculiarities of modern Anglophenina phunctioning]. In: Gulyaev G.Yu. (ed.). *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Contemporary science: Current issues, achievements and innovations]. Penza, MTsNS 'Nauka i Prosveshchenie' Publ., pp. 153–155. (In Russ.)
4. Godovanyuk K.A. 2020. 'Global'naya Britaniya' kak sledstvie istoricheskikh diskussii ob identichnosti ['Global Britain' as an outcome of historical disputes

over UK identity]. *Contemporary Europe*, no. 6 (99), pp. 181–190. DOI: 10.15211/soveurope62020181190. (In Russ.)

5. Kostornichenko V.N. 2019. Kontseptsiya Anglosfery kak osnova vneshne-politicheskogo kursa angloyazychnykh stran [The concept of the Anglosphere as the basis of the foreign policy of English-speaking countries]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, no. 2 (835), pp. 106–117. (In Russ.)

6. Liven D. 2012. Imperii i vlast'. Razmyshlyaya nad sovremennoi istoriografiei istorii imperii [Empires and power. Reflecting on the contemporary historiography of the history of empires]. In: Lipkin I.V. (ed.). *V poiskakh istiny: Sbornik k yubileyu akademika A.O. Chubar'yana* [In search for the truth. Compendium for the anniversary of Academician A.O. Chubaryan]. Moscow, IVI RAN Publ., pp. 279–301. (In Russ.)

7. Savchenko D.V. 2022. Kontseptsiya Imperskoi Federatsii v Britanskoi imperii vo vtoroi polovine XIX v.: pervyi opyt sozdaniya kolonial'noi federatsii [The concept of an Imperial Federation in the British Empire in the second half of the 19th century: The first experience of creating a colonial federation]. *Locus: People, Society, Culture, Meaning*, vol. 13, no. 3, pp. 56–70. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-3-56-70. (In Russ.)

8. Sagimbaev A.V. 2021. Kontseptsiya Britanskogo Sodruzhestva v deyatelnosti gruppy 'Kruglogo stola' v nachale XX veka [Concept of British Commonwealth in activities of Round Table Group at beginning of XX century]. *Scientific Dialogue*, no. 7, pp. 449–462. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-449-462. (In Russ.)

9. Sili Dzh.R. 2013. *Britanskaya imperiya: razdelyai i vlastvui!* [The British empire: Divide and rule!]. Moscow, Algoritm Publ. (In Russ.)

10. Sledzevskii I.V. 2010. Tsvivilizatsionnoe osnovanie i kul'turnaya logika transformatsii britanskogo mira v imperiyu [The civilizational foundation and cultural logic of the transformation of the British world into an empire]. *Britanskaya imperiya v XX veke* [The British empire in the 21st century]. Moscow, IVI RAN Publ., pp. 24–45. (In Russ.)

11. Ferguson N. 2003. *Empire. How Britain made the modern world*. London, Allen Lane [Russ. ed.: Fergysun N. 2013. Imperiya. Chem sovremennyi mir obyazan Britanii. Moscow, Astrel', Corpus].

12. Khakhalkina E.V. 2017. *Velikobritaniya i problemy integratsii, bezopasnosti i dekolonizatsii vo vtoroi polovine 1940-kh — nachale 1960-kh gg.* [Great Britain and the problems of integration, security and decolonization in the second half of the 1940s — early 1960s]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ. (In Russ.)

13. Khakhalkina E.V. 2021. 'Global'naya Britaniya': ot idei k voploshcheniyu ['Global Britain': From idea to implementation]. *Contemporary Europe*, no. 1 (101), pp. 21–32. DOI: 10.15211/soveurope120212132. (In Russ.)

14. Armitage D. 1999. Greater Britain: A useful category of historical analysis? *The American Historical Review*, vol. 104, no. 2, pp. 427–445. DOI: 10.2307/2650373.
15. Bell D. 2007. *The idea of Greater Britain: Empire and the future of world order, 1860–1900*. Princeton, Princeton University Press.
16. Bell D. 2005. Unity and difference: John Robert Seeley and the political theology of international relations. *Review of International Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 559–579. DOI: 10.1017/S0260210505006637.
17. Bennett J. 2002. The emerging Anglosphere. *Orbis*, vol. 46, no. 1, pp. 111–126. DOI: 10.1016/s0030-4387(01)00109-0.
18. Deudney D. 2001. Greater Britain or greater synthesis? Seeley, Mackinder, and Wells on Britain in the global industrial era. *Review of International Studies*, vol. 27, no. 2, pp. 187–208. DOI: 10.1017/S026021050000187X.
19. Dilke Ch.W. 1890. *Problems of Greater Britain*. In 2 vols. Vol. 1. London, New York, Macmillan & Co.
20. Ward S., Rasch A. (eds.). 2019. *Embers of empire in Brexit Britain*. London, New York, Bloomsbury Academic.
21. Fedorowich K., Thompson A.S. (eds.). 2013. *Empire, migration and identity in the British world*. Manchester, Manchester University Press.
22. Gardner A. 2017. Brexit, boundaries and imperial identities: A comparative view. *Journal of Social Archaeology*, vol. 17, no. 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/1469605316686875.
23. Harries O. 2001. The Anglosphere illusion. *National Interest*, no. 63, pp. 130–136.
24. Klerides E. 2009. National identities on the move: Examples from the historical worlds of Greater Britain and Hellenism. *Comparative Education*, vol. 45, no. 3, 435–452. DOI: 10.1080/03050060903184999.
25. Lecourt S. 2013. The Mormons, the Victorians, and the idea of Greater Britain. *Victorian Studies*, vol. 56, no. 1, pp. 85–111. DOI: 10.2979/victorianstudies.56.1.85.
26. Mackinder H.F. 1902. *Britain and the British seas*. London, William Heineman.
27. Mckinnon S. 2015. Translation at the service of Greater Britain. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 8, no. 2, pp. 252–263.
28. Pietsch T. 2013. Rethinking the British world. *Journal of British Studies*, vol. 52, no. 2, pp. 441–463. DOI: 10.1017/jbr.2013.53.
29. Potter S. 2003. *News and the British world: The emergence of an imperial press system, 1876–1922*. Oxford, Oxford University Press.
30. Buckner Ph., Francis R.D. (eds.). 2005. *Rediscovering the British world*. Calgary, University of Calgary Press.

31. Seeley J.R. 1914. *The expansion of England: Two courses of lectures*. London, Macmillan and Co., Ltd.

32. Steer Ph. 2016. Gold and Greater Britain: Jevons, Trollope, and settler colonialism. *Victorian Studies*, vol. 58, no. 3, pp. 436–463. DOI: 10.2979/victorianstudies.58.3.02.

33. Taylor H. 1890. Problems of Greater Britain. By the Right Hon. Sir Charles Wentworth Dilke, Bart. Macmillan & Co., London and New York, p. 738. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 1, no. 2, pp. 313–319. DOI: 10.1177/000271629000100210.

34. Waddie Ch. 1895. *The federation of Greater Britain*. Edinburgh, Waddie & Co. Ltd.

35. Webb S.S. 2013. *Marlborough's America*. New Haven, Yale University Press.

36. Winter J. 2002. Migration, war and empire: The British case. *Annales de Démographie Historique*, vol. 103, no. 1, pp. 143–160. DOI: 10.3917/adh.103.0143.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после
рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 29.10.2023

The paper was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 19.07.2023;
accepted for publication 29.10.2023

В. Сергиенко-Солер

КОНЕЦ «СТАРОЙ» ФРАНЦИИ

***Рецензия на монографию А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой
«От триумфа к катастрофе: военно-политическое
поражение Франции 1940 г. и его истоки»*****

*Université Côte d'Azur
06103, Nice, 28, Avenue Valrose*

Данная рецензия посвящена монографии А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки», которая увидела свет в 2022 г. Для того чтобы отделить миф от реальности и восстановить, насколько это возможно, точную картину тех трагических событий, авторы рассматриваемой монографии обращаются к по-настоящему широкому массиву источников — от мемуаров непосредственных участников до архивных документов различных стран, а также скрупулезно анализируют и сопоставляют выводы и оценки как ставших уже классическими трудов, так и современных работ по военной и политической истории Франции. А.А. Вершинин и Н.Н. Наумова воссоздают исключительно подробную картину событий тех лет, выявляя главные внутривнутриполитические, социальные, военные и культурно-идеологические причины поражения французской армии. В частности, авторы развенчивают популярный и сегодня миф о том, что оно якобы стало следствием дефицита военной техники. Они показывают, что в действительности поражение было вызвано комплексом факторов: нестабильностью режима Третьей республики, противоречиями между политическими партиями, стратегическими просчетами военных и политиков. Авторы подчеркивают, что поражение Франции стало важным рубежом в истории международных отношений, после которого Третий рейх занял господствующее положение в Европе. Что же касается Франции,

* Владислава Сергиенко-Солер — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры иностранных и региональных языков и культур Университета Лазурного Берега (г. Ницца, Франция) (e-mail: svladislava@yahoo.co.uk).

** Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб.: Алетейя, 2022.

то, по мнению рецензента, А.А. Вершинин и Н.Н. Наумова совершенно справедливо заключают: «старая» Франция, определявшая судьбы мира, погибла в мае–июне 1940 г. на берегах Мааса и под Дюнкерком.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Франция, Третий рейх, Третья республика, история международных отношений, «странная война», М. Гамален, П. Рейно, А. Лебрен, Ф. Петен, Дюнкерк, линия Мажино, блицкриг

Для цитирования: Сергиенко-Солер В. Конец «старой» Франции. Рецензия на монографию А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 185–192. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-185-192.

Vladislava Sergienko-Soler

THE END OF THE OLD FRANCE

Book review of 'From triumph to disaster: Political and military defeat of France in 1940 and its origins' by A.A. Vershinin and N.N. Naumova

Université Côte d'Azur

28, Avenue de Valrose, Grand Château, Nice, France, 06103

The book under review is a new monograph by A.A. Vershinin and N.N. Naumova 'From triumph to disaster: Political and military defeat of France in 1940 and its origins', published in 2022. In order to separate myth from reality and restore, as far as possible, an accurate picture of those tragic events, the authors of the monograph under review turn to a wide array of sources — ranging from memoirs of direct participants to archival documents from various countries. They also thoroughly examined the works of both classic and contemporary researches on the military and political history of France. A.A. Vershinin and N.N. Naumova provide an exceptionally detailed picture of the main political, social, military, cultural and ideological reasons that provoked the defeat of the French army. The authors debunk the popular myth that this defeat allegedly resulted from a shortage of military equipment. They show instead that it was caused by a complex of factors: instability of the Third Republic's regime, contradictions between political parties, strategic miscalculations of the military and politicians. The authors stress that the defeat of France, which allowed

the Third Reich to take a dominant position in Europe, became an important milestone in the history of international relations. According to the reviewer, A.A. Vershinin and N.N. Naumova rightly conclude that the old France, which once determined the fate of the world, perished in May-June 1940 in the battles of the Meuse and Dunkirk.

Keywords: World War II, France, Third Reich, Third Republic, history of international relations, Phoney War, M. Gamalin, P. Reynaud, A. Lebrun, F. Petain, Dunkirk, Maginot line, Blitzkrieg

About the author: Vladislava Sergienko-Soler — PhD (History), Lecturer at the Chair of Foreign and Regional Languages and Cultures, Université Côte d'Azur (e-mail: svladislava@yahoo.co.uk).

For citation: Sergienko-Soler V. 2023. The end of the old France. Book review of 'From triumph to disaster: Political and military defeat of France in 1940 and its origins' by A.A. Vershinin and N.N. Naumova. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 185–192. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-185-192. (In Russ.)

Как утверждает известный французский военный историк В. Бернар, «болезненное поражение Франции весной 1940 г. породило большое количество устойчивых мифов, некоторые из них подкреплены цифрами, другие — нет. <...> Будучи важнейшей вехой исторической памяти XX столетия, 1940 год до настоящего времени не изучался беспристрастно, всегда вызывал оживленные споры и рассматривался скорее с идеологической, чем с политической точки зрения. В результате появилось множество неясностей, к тому же в возникшей при отступлении [французской армии. — В.С.-С.] сумятице многие архивы полностью или частично исчезли»¹.

Победа гитлеровской Германии и сокрушительное поражение Франции не перестают порождать дискуссии и привлекать пристальное внимание исследователей. Но если раньше многие из них отстаивали тезис о неотвратимости военного поражения², то

¹ Bernard V. 1000 victoires aériennes et 100 000 tués: Les mythes héroïques du printemps 1940 // Les mythes de la Seconde Guerre mondiale. T. 2 / Sous dir. de J. Lopez, d'O. Wiewiorka. Paris: Perrin, 2021. P. 12.

² См., например: Bloch M. L'étrange défaite. Paris: Gallimard, 1990; Mysyrowicz L. Autopsie de la défaite. Lausanne: l'Age d'Homme, 1973; Mai-juin 1940. Défaite française, victoire allemande sous l'œil des historiens étrangers / Sous dir. de M. Vaïsse. Paris: Autrement, 2000.

в современной историографии всё чаще звучит мнение о возможности «избежать разгрома, когда началась война в сентябре 1939 г.»³. Французский историк Ж. Латуш полагает, что ситуация могла бы сложиться по-другому и с исторической точки зрения тезис о неизбежности военного разгрома является не более чем иллюзией⁴. Некоторые исследователи высказывают предположение, что гораздо сложнее объяснить быструю победу Германии, чем военную катастрофу Франции⁵, а также изучают вопрос о том, «почему произошло подобное оглушительное фиаско и почему оно случилось столь быстро»⁶.

В причинах этой ставшей для Французской Республики национальной трагедии также стремятся разобраться авторы монографии «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки» А.А. Вершинин и Н.Н. Наумова.

Книга написана с привлечением разнообразных источников: писем, воспоминаний, публикаций военных и политических деятелей того времени (Ж. Клемансо, Ш. де Голля, М. Гамелена, И. Сталина, Р. Пункаре, М. Тореза, Э. Эррио, У. Черчилля, Э. Даладье, П. Рейно и др.), свидетельств современников, документов исторического отдела французских сухопутных войск, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, опубликованных документов внешней политики СССР, а также французских, бельгийских и британских дипломатических документов. Кроме того, в работе использованы отечественные, французские и британские периодические издания разных направлений — сравнение их точек зрения, безусловно, позволяет получить более объективное представление о происходившем.

В монографии подробно проанализированы не только ставшие в своем роде классическими труды известных отечественных, французских и немецких историков (В.П. Смирнова, Ю.И. Рубинского, Ж.-Б. Дюрозеля, М. Блока, Ф. Фюре, Р. Ремона, М. Вайса, К. Клау-

³ Vaïsse M. La défaite de 1940 était inéluctable // Les mythes de la Seconde Guerre mondiale. T. 1 / Sous dir. de J. Lopez, d'O. Wieviorka. Paris: Perrin, 2018. P. 41.

⁴ Latouche J. Mai 1940, la bataille de France // L'Histoire. Numéro spécial hors-série. 2020. No. 22. P. 59.

⁵ May E.R. Strange victory: Hitler's conquest of France. New York: Hill and Wang, 2000.

⁶ Latouche J. Op. cit. P. 1.

зевица и др.), но и работы их современных французских коллег — Ж. Лопеза, О. Вьевьорка и др.

Еще одним несомненным достоинством монографии является наличие карт (Приложения, с. 628), которые дают наглядное представление о линии Мажино, изменении границ, ходе военной кампании, расположении воинских частей и т.д.

В первой части книги проводится исчерпывающий анализ международно-политических факторов, ставших причиной французской военной катастрофы 1940 г. Одним из них была Первая мировая война, которая «заставила французов уверовать в абсолютное преимущество обороны перед наступлением. Считалось, что фронт, оборудованный в инженерном отношении, обеспеченный артиллерией всех калибров и подкрепленный резервами, было чрезвычайно трудно прорвать» (с. 58). «Стратегия выжидания», оборонительная доктрина и система коллективной безопасности являлись, по мнению авторов, «оружием слабого», которое лишь «легитимировало в глазах элит и общественного мнения масштабное стратегическое отступление Парижа». «На фоне роста пацифистских настроений в обществе, которые исключали любое серьезное наращивание вооружений, командование французской армии оказывалось в весьма затруднительном положении» (с. 51). Среди других причин называются недостатки военной реформы, в результате которой «Франция оказалась неспособна проводить наступательные операции без объявления всеобщей мобилизации» (с. 39), а также отсутствие у французской военной верхушки навыков стратегического планирования. «Военные были дезориентированы. В стране не существовало того института, который формулировал бы единый взгляд вооруженных сил на цели и задачи военного планирования» (с. 68). Свою роковую роль сыграли и медленная адаптация экономики к военным нуждам, и нехватка средств для перевооружения, «поддержания и обновления материальной части армии» (с. 63–64), и боязнь внедрять новые методы ведения боев, и неповоротливость французской армейской бюрократической машины, и тактические просчеты военного командования.

В работах современных французских историков также критикуется военное руководство Франции тех лет. «Командование французской армии несет ответственность за неподготовленность войск, несостоятельность плана сражений и, в особенности, за

тот глубокий моральный кризис, который переживала армейская верхушка»⁷. И. Ле Мане объясняет победу Германии «случайным стечением обстоятельств и ошибками, допущенными французским военным командованием»⁸.

Во второй части монографии всесторонне изучается непосредственно сама «Странная война», которая, как полагают авторы, «в умах складывалась для французов неудачно», что в свою очередь не могло «не сказаться на внутривнутриполитической обстановке. Страна и ее политический класс не могли не чувствовать того, что конфликт развивается иначе, чем Первая мировая война» (с. 429). Особое внимание уделяется также военным действиям 1940 г., поражению Франции, его военным, общественно-политическим и международным последствиям. Разгром французских вооруженных сил повлек за собой кризис и падение Третьей республики, беспрецедентные материальные потери, выплату репараций, глубокую моральную травму, оккупацию значительной части Франции немецкими войсками, массовое бегство населения на южные, не оккупированные врагом территории, фактический разрыв отношений с Великобританией, укрепление англо-американского союза. Поражение Франции А.А. Вершинин и Н.Н. Наумова считают важным рубежом в истории международных отношений, после которого государства-агрессоры, главным образом Третий рейх, перешли к еще более агрессивным действиям, Германия укрепила свой военный потенциал и заняла господствующие позиции в Европе. Историки также рассматривают вопрос о том, могла ли Франция продолжать войну, используя военные части, находившиеся во французских колониях, и были бы они способны повлиять на исход военной кампании.

Как и современные французские исследователи, А.А. Вершинин и Н.Н. Наумова развенчивают устойчивый в послевоенной французской историографии миф о превосходстве Германии в военной технике. По словам известного французского историка М. Блока, «к катастрофе французскую армию привело множество разных ошибок, последствия которых накапливались. И всё же самой глав-

⁷ Latouche J. Op. cit. P. 57.

⁸ Le Maner Y. L'évolution des stratégies et technologies guerrières // Monde en guerre. T. 3: Guerre mondiale et impériales, 1870–1945 / Sous dir. de A. Loez. Paris: Passés Composés, Ministère des Armées, 2020. T. 1. P. 128.

ный из них был огромный дефицит [техники. — В.С.-С.]. <...> Мы не произвели достаточно самолетов, моторов, танков»⁹.

Авторы монографии видят главную причину поражения Франции в неустойчивости ее парламентского режима, глубоких разногласиях между представителями разных политических и общественных течений, «отсутствии в политической среде смелого и решительного лидера», в стратегических ошибках французских политиков и военных, не сумевших вовремя осознать исходившую от гитлеровского режима опасность, «сплотиться и стать бастионом национальной независимости Французской Республики» (с. 542).

Выводы авторов перекликаются с оценками современных французских историков, которые полагают, что нельзя сводить причины разгрома Франции на полях сражений к нехватке танков или недостатку храбрости французских солдат. В своей статье «Тысяча побед в воздухе и сто тысяч убитых: героические мифы весны 1940 года» В. Бернар утверждает, что в действительности вермахт атаковал Францию, имея в своем распоряжении 2574 танка, в то время как у французов было 3000 танков, которые были лучше оснащены и защищены¹⁰. И. Ле Мане также полагает, что ни по численности, ни по качеству французские танки не уступали немецким, но, вместо того «чтобы быть сосредоточенными на стратегически важных участках, они были рассеяны по всей линии фронта»¹¹.

«Истоки поражения нужно искать в большом количестве неудачных решений, которые были приняты до войны и во время сражений. Франция, бесспорно, слишком поздно перезапустила свою оборонную промышленность, ей не хватило проницательности в отношении намерений Германии. <...> Концентрация войск не была наилучшим маневром, который мог отразить натиск немецких войск. Линия Мажино могла бы быть вытянута до северных границ. Французскому командованию не доставало способности быстро реагировать, в особенности во время прорыва немцами французской обороны в районе реки Мёз. Гамелену, безусловно, не хватило твердости. Но во время войны всегда есть победитель и побежден-

⁹ Bloch M. Op. cit. P. 66, 154. См. также: Collection 'La Seconde Guerre mondiale'. Paris: Larousse, 1951.

¹⁰ Bernard V. Op. cit. P. 13.

¹¹ Le Maner Y. Op. cit. P. 124.

ный. <...> И хотя и невозможно переделать историю, совершенно необходимо рассказывать ее с как можно большей точностью»¹².

Именно в этом и состояла цель А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой; им прекрасно удалось воссоздать наиболее полную картину событий, происходивших в трагический момент французской истории. Нельзя не согласиться с выводом авторов: «Старая Франция, определявшая судьбы мира, погибла в мае–июне 1940 г. на берегах Мааса и под Дюнкерком. Та страна, которая возникла по итогам Второй мировой войны, выбрала принципиально иной путь развития, однако бесславная история конца Третьей республики до сих пор является для нее важным ориентиром внутреннего и внешнего развития» (с. 607).

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования
23.06.2023; принята к публикации 31.10.2023

The paper was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 23.06.2023;
accepted for publication 31.10.2023

¹² Vargas C. France 1940, la défaite passée au crible // Bataille et Blindés. Numéro spécial hors-série. 2022. No. 48. P. 115.